

Донбасс:
философия фронта

Философское монтеневское общество – 2021

ДОНБАСС: ФИЛОСОФИЯ ФРОНТИРА

*Сборник материалов
Философского монтеневского общества*

**Луганск
ЛНР
2021**

УДК 140.8
ББК 87
Д 67

Д 67 Донбасс: философия фронта: сборник материалов Философского монтеневского общества / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск, 2021. – 196 с.

Книга «Донбасс: философия фронта» представляет собой шестой сборник материалов Философского монтеневского общества Луганска. Сборник включает в себя прочитанные в течение 2002–2021 гг. доклады, а также доклады, планируемые к обсуждению на заседаниях общества. В книге приводятся рецензии и отзывы читателей на опубликованные книги и доклады ФМО, список докладов, прочитанных в 2020–2021 годах и поэтический комментарий ситуации в Донбассе – поэма Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз».

Книга будет интересна читателям, которые увлекаются философией, поэзией, а также хотят разобраться в ситуации в военном Донбассе.

УДК 140.8
ББК 87

ФИЛОСОФИЯ ФРОНТИРА: ЛУГАНСКИЙ ВАРИАНТ

Книга «Донбасс: философия фронта» – это шестой сборник материалов Философского монтеневского общества Луганска, названного в честь французского скептика Мишеля Монтеня. Сборник включает в себя как прочитанные в течение 2002–2021 гг. доклады, так и доклады, планируемые к обсуждению на заседаниях общества. Кроме того, в сборнике приводятся рецензии и отзывы читателей на книги и тексты ФМО, а также список докладов за прошедший год и традиционный поэтический комментарий ситуации в Донбассе – поэма «Новороссия гроз. Новороссия грёз» Елены Заславской, одного из редакторов-составителей данной книги. В этом году в сборнике появился новый раздел «Философия фронта», где публикуются тексты луганских философов о культурной границе вообще и о роли Донбасса как культурного фронта в частности. В начале каждого доклада приводятся электронные адреса авторов для того, чтобы заинтересованный читатель мог связаться с философом, задать вопросы и высказать свое мнение.

Философское общество действует в Луганске с 1990 года. Общество скептиков, критически относящихся к любой догме, возникло на волне перестройки. ФМО включает людей, интересующихся гуманитарными науками и готовых обсуждать философские аспекты действительности, объединяя независимо от их возраста, образования и места в научной иерархии.

После начала войны Украины с Донбассом в 2014 году ФМО разделилось. Некоторые интеллектуалы Луганска встали на сторону Украины, покинула Луганск и основали ФМО в городе Северодонецке, также в Луганской области, но на подконтрольной Украине территории. Оставшиеся в Луганске любители мудрости не только продолжили заседания ФМО, но и впервые в его истории стали издавать сборники докладов.

Книги печатаются малым тиражом. Они есть в библиотеках Луганска и могут быть найдены в сетевых библиотеках, а также на сайте луганской культуры «Одуванчик». Интернет

предоставил новые возможности общения с читателями и позволил выйти за рамки регионального проекта. В данной книге, как и в предыдущих сборниках, представлены отзывы на доклады ФМО не только луганских, но и российских читателей.

Новая книга ФМО «Донбасс: философия фронта» предоставляет возможность всем интересующимся философией и жизнью пограничных российских территорий составить представление об интеллектуальных и культурных процессах в Луганске, увидеть ситуацию изнутри, понять, какие темы волнуют луганских философов, и присоединиться к поиску истины!

*Нина Ищенко
Елена Заславская*

*За возможность издать сборник благодарим
Георга Федорова*

РАЗДЕЛ 1. ДОНБАСС КАК КУЛЬТУРНАЯ ГРАНИЦА

Виталий Даренский
darenskiy1972@rambler.ru

«НОВОРОССИЙСКАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДА ДОНБАССА (К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СПЕЦИФИКЕ РЕГИОНА)

Там наша Русь заново перестраивается...
Григорий Данилевский
«Беглые в Новороссии»

В последние годы уже было почти забытое славное историческое имя «Новороссия», благодаря событиям на юге и востоке Украины, вернулось в русский язык и русское историческое самосознание. Главная ценность актуализации «новороссийской» идентичности на уровне массового сознания состоит не только в восстановлении подлинной исторической памяти живущего здесь народа, но и в возможности формирования новой, точнее – возрождения исконной культурно-исторической идентичности населения этих территорий. Эта идентичность может быть названа «новой» очень условно, но с точки зрения «большой Истории» эта идентичность как раз наоборот, укоренена в многовековую историческую традицию, стихийно сохраняющуюся в народном самоощущении. Юг России, который условно охватывает европейскую часть евразийской степи от Бессарабии до южного Урала, имеет цивилизационную специфику своего исторического становления и развития, которая по-разному актуализировалась в разные исторические периоды. Целью данной статьи является краткий обзор этой специфики с целью определения путей ее актуализации в настоящий момент – в контексте тех исторических задач, которые ныне стоят перед Россией и Русским миром в целом.

Для ясности проясним термины. К настоящему времени сложилось понимание Новороссии как обширных территорий великой евразийской Степи от Дуная до Алтая, колонизированных русским земледельческим населением благодаря их вхождению в состав Российской Империи. В «украинском контексте» термин «Новороссия» приобретает более узкий и специфический смысл – он обозначает не только

земли бывшей Новороссийской губернии, но практически всю степную зону страны (около половины территории нынешней Украины), которая была колонизирована славянами исключительно благодаря вхождению в состав Империи, усмирению и эмиграции кочевых народов, ранее заселявших эти земли. В настоящее время практически строго по границам Новороссии проходит граница «электоральных полей» – между частями страны с «бело-голубым» и «оранжевым» преобладанием. А в 1918 году земли Новороссии входили в состав самостоятельной Донецко-Криворожской Республики, в одиночку сражавшейся с Германией уже после заключения Брестского мира. Столь четкое совпадение границ свидетельствует о наличии исторической преемственности, которая в настоящее время проявляется в первую очередь на языковом и культурно-психологическом уровне¹.

Наконец, третий смысл термина «Новороссия», в настоящее время разрабатываемый рядом авторов и имеющий большое будущее, лежит в принципиально ином, уже не географическом, а *мировоззренческом* плане. Речь идет об особом «новороссийском» этапе развития всей русской нации в целом, суть которого состоит в «прохождении через Модерн», то есть в изменении многих черт самой цивилизации Русского мира, которое происходило в ходе урбанизации и секуляризации XX века, и в исторических катастрофах, которыми оно сопровождалось. Именно этот смысл термина, очевидно, становится все более актуальным в настоящее время, поскольку он связан с будущими судьбами русской нации, с ее способностью преодолеть «травмы Модерна» (в первую очередь, кризис семьи и демографический кризис как прямые последствия катастрофической секуляризации).

Далее мы кратко очертим две темы: ретроспективу исторического формирования «новороссийской» идентичности, во многом объясняющую и факт ее устойчивости в условиях современной Украины; и перспективу ее возрождения – но уже не только в историческом, но и некоем символическом смысле: в качестве символа *обновленной* Руси и обновленного народа.

---

¹ В последнее время стали появляться академические работы, касающиеся отражения новороссийской ментальности в литературных памятниках, в частности, стоит отметить статью: Л.Е. Горизонтова [2].

На рубеже XIX–XX веков зрелище промышленных гигантов, внезапно встающих на фоне дикой «скифской» степи, также вселяло в поэтов почти мистический трепет. Впрочем, А. Блок прозревал в этом и образ некоей новой Руси, которая неумолимо приходит на смену прежней. Вот фрагмент важного и знакового для нашей темы стихотворения А. Блока «Новая Америка», написанного 12 декабря 1913, в самый канун Первой мировой войны:

*Нет, не видно там князьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...*

*Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.*

*Путь степной – без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, – и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...*

*На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...*

*Черный уголь – подземный мессия,
Черный уголь – здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!..*

Мистический образ угля как «подземного мессии» имеет глубокие культурные коннотации – непосредственно он соотносится с «золотом Рейна» из трагедии «Кольцо Нибелунгов» Р. Вагнера, «культового» произведения для эпохи символизма. Это – символ вынужденного нисхождения во тьму, чтобы добыть оружие для победы и новую мудрость. И А. Блок глубоко и совершенно правильно прозревал в этом

видении индустриальной Новороссии ту общую неотвратимую судьбу, которую должна будет пройти Русь, чтобы выжить в современном жестоком мире. Правда, и та старая, но всегда живая *вечная* Русь на самом деле никуда не исчезнет, но лишь вынуждена будет спрятаться в железную броню современной цивилизации, чтобы не быть раздавленной своими врагами. В XX веке это удалось, но удастся ли в нынешнем?

Как пишет современный российский автор Е. Морозов, «не составляет труда определить, в начале какого цикла мы находимся в XXI веке. Начинается Новороссийский цикл... Название ему дали новороссы – русский субэтнос, сложившийся в Великой степи после ликвидации в ней татарского контроля, в XVIII–XIX вв. Невооруженным глазом видно, что именно новороссы, от Дуная до Алтая, берут на себя функцию системообразования и энергично формируют новую Россию. XXI век будет веком становления Новороссии в политическом плане» [3, с. 121–122]. «Жизненным миром», «ландшафтом» этого нового *мегаэтнуса*, обусловившим закономерность и неизбежность его появления, является *новое индустриальное пространство*: мегаполисы, рабочие поселки, стройки, вообще все новые поселения эпохи Модерна, предшественником и «архетипом» которых, действительно, было освоение евразийской Степи. Вследствие сущности своего происхождения, мегаэтнос новороссов изначально «болен» всеми болезнями Модерна: разрушением традиций, ценностного сознания, кризисом семьи и т.п. Тем самым, его жизнеспособность самым непосредственным образом зависит от того, насколько ему удастся победить эти болезни. От этого напрямую зависит, смогут ли новороссы выполнить свою великую историческую задачу удержания и наполнения огромных пространств от Прибалтики до Тихого океана, реинтеграции и возрождения Русского мира.

Новороссия интересна с чисто культурологической точки зрения в качестве такого специфического региона, в котором процессы Модерна (т. е. урбанизации, индустриализации, разрушения «традиционного общества» и смешивания различных этносов по модели «плавильного котла») протекали особо стремительным и травматическим образом, формируя особый ментальный тип людей и специфический тип исторической памяти.

Итак, вот основная *экзистенциальная* черта современного «новоросса»: изначально – это русский человек, судьбами Истории выпущенный скитаться по своей воле, никому ничем не обязанный, лишенный памяти и корней. И поэтому он легко становился и соавтором, и жертвой катастрофических социальных «экспериментов». Но в XX веке этот соблазн ценой колоссальных жертв был пройден и преодолен. Теперь же парадоксальным образом старое слово «Новороссия» приобретает свой исконный буквальный смысл: это *новая, возрождающаяся Русь*. Поэтому это слово перестает быть термином чисто географическим, но становится глубоко жизненным, даже нравственным понятием-символом. В частности, можно сказать так: та часть населения Украины, которая хочет защитить свой общерусский язык и не приемлет «евродеградацию» – это суть новороссы в *нравственном* смысле: это люди, верящие в Новую Русь и уже фактически являющиеся ее органической частью.

Подлинной Родиной современных новороссов с самого начала являлась и является ныне не какая-либо этническая территория, но именно огромное Государство – носитель цивилизационного проекта всемирно-исторического масштаба. И эта «всемирность» исторического мироощущения настолько глубоко вошла в саму душу новороссов, что, оказавшись с 1991 года в затхлом пространстве «маленькой национальной державы», столь милой сердцу человека с доисторическим этноцентрическим сознанием, они теперь ощущают себя попавшими в духовную тюрьму, выброшенными из большой Истории в царство бессмысленного полуживотного существования. Поэтому устойчивое отвращение и даже презрение новороссов, – даже и тех из них, которые в свое время «не испытали никакого сожаления, отделяясь от империи», – к так называемой «украинской идее» совершенно естественно и неизменно.

Такое мироощущение не только обусловлено исторически, но что еще важнее, сохраняет *нравственное* отношение к своей истории. Ведь Новороссия – исключительный продукт Империи: она возникла только благодаря гению Екатерины Великой и ее не менее великих «орлов»-сподвижников. И нынешнее возрождение памяти о ней, установка памятников в Одессе и Севастополе – отрадный факт, свидетельствующий о возрождении подлинного исторического сознания у

проживающего здесь народа. В Новороссии на территории Украины существуют тысячи населенных пунктов, основанных благодаря указам Екатерины Великой, ставшей их подлинной исторической «матушкой». Но столь удивительная неблагодарность адептов «украинской идеи» по отношению к этой царице, только благодаря которой нынешняя Украина владеет примерно половиной (!) своей территории, отнюдь не случайна – ибо признать ее подлинные заслуги означало бы признать явную неадекватность официальной украинской идеологии реальным подлинной истории. Например, особенно удивляет догмат официальной украинской идеологии о том, что Екатерина Великая якобы ввела крепостное право и «уничтожила» казачество. На самом деле хорошо известно, что благодаря Екатерине возрожденное уже И. Мазепой крепостничество было значительно ограничено законом, а казачество после переселения из Запорожской Сечи заселило огромные, ранее недоступные ему пространства [6, с. 177–194].

На территории современной Украины непосредственно соприкоснулись два полярных типа ментальности – «доисторическая», свойственная населению Западной Украины, не прошедшего испытания большой Историей и опытом интенсивного Модерна; и «новороссийская» – наоборот, основанная на столь интенсивном и даже катастрофическом опыте «мобилизационного Модерна», близкий которому трудно найти даже в Европе. Большой иллюзией является представление, будто бы население Западной Украины, выпав из руслу общей истории Русского мира на многие века, стало «европейцами» и якобы несет в себе европейский исторический опыт. В действительности это выпадение было выпадением из Истории как таковой – став колонией европейских стран, русины вплоть до начала XX века пребывали в состоянии *grundvolk* (термин В. Зомбарта) – то есть населения, остающегося на доисторической стадии развития, фактически живущего на уровне натурального хозяйства. Мизерная прослойка русинской интеллигенции в городах при этом уже не имела никакого значения, нисколько не влияя на общий *доисторический* способ существования «русинского» этноса. Переход от архаического, доисторического мышления к модерному здесь происходил очень поздно, лишь с 1950–1960-х годов, и только благодаря вхождению в состав СССР. Сама

украинская идентичность в качестве *феномена массового сознания* является специфическим продуктом советского периода истории: «именно победа большевиков и их национальной политики обеспечила формирование отдельной украинской национальной идентичности и закрепила раскол русской нации» [1, с. 73].

В то же время население Новороссии, сформированное в эпоху самого интенсивного общеевропейского Модерна, отличается самым высоким среди населения Украины развитием структур современного, т.е. рационально-критического мышления именно на уровне массового сознания. Благодаря этому оно остается и наиболее устойчивым перед попытками любых идеологических манипуляций. Этим, в частности, объясняется тот факт, что именно Новороссия оказала столь упорное, и в конечном итоге успешное сопротивление известным событиям 2004 года. «Оранжевая» мифология, рассчитанная на эксплуатацию атавизмов домодерного мышления (утопизм, образ врага, культ личности, эмоции толпы и т.п.), именно здесь натолкнулась на массовый «иммунитет» к такого рода манипулятивным технологиям.

В отличие от украинской идентичности, построенной по моделям XIX ст. и к настоящему времени являющейся лишь утопическим анахронизмом, «новороссийская» идентичность, наоборот, с самого начала несет в себе всю полноту исторического опыта XX века. Поэтому, что еще важнее, *она изначально включена в базовый тренд века XXI – выход из «антропологической катастрофы» Модерна и глобального хаоса «постмодерна» к восстановлению той большой цивилизационной Традиции, которая будет жизнеспособной после близкого краха глобальной «цивилизации потребления», и единственной «альтернативой» которой является лишь уход в историческое небытие.*

Важно отметить тот факт, что та часть Новороссии, которая ныне находится на территории государства Украина, является самым большим в мире конгломератом русскоязычного населения за пределами Российской Федерации – около 20 миллионов человек (вместе с почти полностью русскоязычным Киевом). Она составляет то «русское сообщество Украины», которое фактически является опорой и украинской экономики, и основных сфер культуры этой страны.

Стоит привести весьма точное суждение известного киевского философа С. Б. Крымского, который отнюдь не отличался особой «русофилией». Согласно его формулировке, «русское сообщество Украины» ныне «представляет собой примерно половину граждан Украины и демонстрирующая при этом не вынужденное русскоязычие, а культурную потребность, выработанную историей, духовно-культурной традицией, работать, общаться на русском языке, жить в соответствии с ценностными установками русской культуры. Категорически невозможно применить в определении «русского общества» критерии, которые обычно применяются при классификации какой-либо определенной социальной группы людей, например, национального меньшинства. Если же исходить из подобного отождествления «русского сообщества» и «национального русского меньшинства», то мы столкнемся с элементарной логической ошибкой «подмены понятий». В ситуации же, когда под русским сообществом Украины понимают носителей русской культуры, тем более нельзя говорить о какой-то части украинского населения, потому что в этом случае *русское сообщество будет составлять основную цивилизационную составляющую украинской нации* в современном политическом смысле данного понятия» [Выделено нами – В.Д.] [4, с. 150].

В целом следует отметить, что в современной Украине идентичность граждан, принадлежащих к общности большого Русского мира (независимо от их этнической принадлежности) и стремящихся защищать это свое своеобразие, наблюдается очень широко, охватывая более половины ее населения. В частности, по социологическим данным, в 2002 году при опросе молодых людей от 16 до 34 лет под патетическим названием «Первое свободное поколение на Украине – кто они?» около 60 % из них ответили, что считают украинцев и россиян двумя частями одного и того же народа; а 61 % граждан Украины всех возрастов поддержали курс на реинтеграцию Украины и России в единое экономическое и военно-политическое пространство (этот опрос проводился во всех пропорционально представленных регионах страны) [7, с. 46–47]. В годы независимости Украины продолжался рост русскоязычной части населения Украины, которая, не смотря на жесткую украинизацию СМИ и системы образования, тем не менее, впервые превысила 50 %. Приведенные

данные свидетельствуют, что *единство различных этносов в рамках единой русской нации и цивилизации представляют собой «упрямый» факт, а их стремление к дальнейшей реинтеграции – это естественно-исторический процесс*, на который не может серьезно повлиять и силовая политика государства, в частности, усиленная обработка массового сознания антироссийской пропагандой.

Проект глобального однополярного мира предполагал недопустимость воссоздания самостоятельного цивилизационного пространства Евразии, которое чем-либо выделялось бы из общего болота «третьего мира». В соответствии с этим проектом, как писал А. С. Панарин, «народы Евразии теряют единое большое пространство и погружаются в малые и затхлые пространства, где царят вражда, ревность и провинциальная зашоренность. Они теряют навыки эффективной экономической кооперации, социального и политического сотрудничества, превращаясь в разрозненных маргиналов нового глобального мира. Они теряют язык большой культуры и великую письменную (надэтническую) традицию, возвращаясь к этническим диалектам или даже придумывая их в случае реальной ненаходимости в прошлом» [5, с. 185]. Современная Украина является характернейшим примером реализации всего перечисленного. Однако, когда катастрофизм «разрозненных маргиналов» и иллюзорность их невежественных и наивных «евромечтаний» станут уже очевидными большинству населения (а это уже происходит), его политические и цивилизационные предпочтения радикально изменятся. А это означает, что «новороссийская» идентичность со временем неизбежно станет все более распространенной, а затем и доминирующей среди населения Украины.

Пример «украинской» части Новороссии, на которой в настоящее время происходят исторические события поворотного характера, начинающие – пусть и не так быстро и эффективно, как хотелось бы – процесс новой сборки исторической России, поэтому является принципиально важным для понимания сути и движущих сил этого процесса. Как видно из очерченной ситуации, таких движущих сил две: 1) бегство населения из болота «третьего мира», в котором тонет Украина, в проект возрождающейся России; 2) возрождение рус-

ского национального самосознания на массовом уровне после его целенаправленного разрушения в советскую эпоху и период «украинизации» с 1991 года.

Именно в Новороссии в целом, а не только на его «украинской» части, эти процессы происходят быстрее, чем в других регионах Русского мира по двум причинам. Во-первых, именно здесь русский суперэтнос лицом к лицу сталкивается со своими цивилизационными и этническими противниками – западными на Украине и южными на Кавказе, что уже само по себе резко стимулирует процесс русской самоорганизации. *Новороссия всегда была и остается русским фронтиром, отодвигание и расширение которого в свое время и создало Россию как великое государство.* На новом этапе и в иных формах то же самое происходит и сейчас – судьбы великой России решается именно здесь. Поэтому именно здесь русским пришлось вести войны на собственной территории впервые после Второй Мировой войны – две чеченские и теперь донбасскую. И именно в этих войнах были пресечены попытки вассалов Запада «взломать» изнутри российское цивилизационное пространство – с конечной целью разрушения российского государства и российского суперэтноса.

Во-вторых, Новороссия – это цивилизационное пространство Модерна с мегаполисами и высокими технологиями, и поэтому именно этот регион несет наибольшие потери от сползания России в «третий мир», которое началось во времена Ельцина, но к счастью, пока остановлено. Если не будет великой России как мировой державы и особой цивилизации, именно ее южные регионы в первую очередь подвергнутся страшному экономическому и демографическому упадку, и как следствие этого – мощному удару эмигрантов с азиатского юга, который может при наихудшем варианте развития событий за пару десятилетий превратить этот регион в часть исламского мира. Нигде проект великой России как единственная возможность выживания и развития не ощущается так остро, как в Новороссии, и особенно на Донбассе.

Тем самым, очевидно, что теоретическая, идеологическая и проектная концептуализация понятия «Юг России» является крайне актуальной. Причем особенность позиционирования специфики этого региона России и Русского мира в целом состоит в том, что она в корне исключает саму возможность какого-либо «регионализма» и обособления. Как раз

наоборот, как уже сказано, Юг России представляет собой такой регион, и возникновение, и дальнейшее существование которого является производным от существования России как великой мировой державы. Любой упадок России как великой державы всегда наиболее губителен именно для ее южных регионов – это строгий «закон» истории начиная со времен Батыева нашествия на Русь.

Исходя из всего сказанного, в основе концепта Новороссии во всех трех его содержательных экспликациях – научно-теоретической, идеологической (политической) и проектно-практической (инструментальной) – должны лежать два базовых определения: 1) Новороссия – это русский фронт и «точка сборки» российского суперэтнуса; 2) Новороссия – это регион самого интенсивного экономико-технологического русского Модерна, сам смысл существования которого состоит в построении великой державы.

Литература

1. Бондаренко Д. Я. Украинский национальный проект: история становления // Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов. – М.: МГУ, 2008.
2. Горизонтов Л. Е. Новые земли империи в зеркале культурных традиций: Новороссия Г.П.Данилевского // Ландшафты культуры. Славянский мир. – М.: Прогресс-Традиция, 2007.
3. Крымский С. Б. Русское сообщество Украины (PCY) // Русский мир Украины. Энциклопедический словарь. – К.: Радуга, 2008.
4. Морозов Е. Как нам сохранить Дальний Восток? // Москва. Журнал русской культуры. – 2005. – № 11.
5. Панарин А. С. Россия в социокультурном пространстве Евразии // Москва. Журнал русской культуры. – 2004. – № 4.
6. Ульянов Н. И. Украинский сепаратизм. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2004.
7. Филатов А. С. Российский социокультурный фактор на Украине и в Крыму // Сб. мат. научно-практич. конф. «Крым в контексте Русского мира: язык и культура» / Отв. ред. А. С. Филатов. – Симферополь: «Таврия», 2004.

Нина Ищенко
niofterna@gmail.com

Елена Заславская
zaslavskaja@gmail.com

ОБРАЗ ДРУГОГО КАК СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОЙ ГРАНИЦЫ НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ И ДОНБАССА

Введение. Процессы межкультурного взаимодействия разных культур приводят к формированию особой зоны культурного пограничья, специфика которой заключается в том, что именно здесь создается образ Другого. В образе Другого воплощается тот тип дезорганизации культурного пространства, который губителен для данной культуры. В течение ряда столетий Украина выступает как пограничье, как западная граница русской цивилизации с европейской цивилизацией. С начала войны в Донбассе в 2014 году Донбасс оказался на границе между Россией и Украиной, которая находится в процессе смены русской культурной идентичности на европейскую. В данной статье рассматривается специфика культурной границы в современных культурах Украины и Донбасса, а также анализируются процессы трансформации образа Другого в ходе смены культурной идентичности современных украинцев.

Методология и методы исследования. В статье применяется методология проблемно-ориентированного исследования, позволяющая сочетать взаимодополняющие подходы философской аналитики, теоретической реконструкции, контент-анализа, интерпретации и реинтерпретации. В исследовании наряду с информационным анализом медиаконтента украинских СМИ и культурных сайтов ЛНР применяется компаративистский подход при изучении характеристик украинской культуры и культуры современного Донбасса, а также используется теоретико-культурологическая методология, позволяющая определить основную характеристику культурной границы – образ Другого и выявить параметры его трансформации в процессе смены культурной идентичности.

Результаты исследования. Понятие границы относится к древнейшим и самым архаичным, однако оно стало необычайно актуальным в современном мире с конца XX века, когда выяснилось, что граница между разными культурами становится местом развития различных культурных конфликтов [1, р. 54]. Тогда же культурная проблематика признается фактором дестабилизации обстановки, прежде всего в Восточной Европе, где под лозунгом сохранения аутентичной культуры проводится политика поощрения радикализма малых наций [2, р. 75]. Развитие этих процессов привело в наши дни к захвату власти на Украине в 2014 году радикальным меньшинством, которое проводит политику навязывания русскокультурному населению Украины новой украинской идентичности.

Как указывает Дж. Деланти, границы рассматриваются не только как военные и физические, но и как символические пограничья, причем граница играет важную роль как маркер идентичности социокультурных групп [3, р. 87]. В культурном смысле граница – это всегда существование между двумя борющимися идентичностями [4, р. 91].

Идентичность представляет собой ценностное отношение индивида к собственной принадлежности к определенной социальной группе¹. Иерархия идентичностей в современном мире достаточно сложна. Как показывают исследования, к базовым характеристикам коллективной идентичности относится территориальная идентичность, которая проявляется в двух взаимодополнительных формах – как этническая и политическая (национальная). «Также иерархично строится и этническая идентичность: суперэтническая, собственно этническая и субэтническая идентичность. В иерархии политической идентичности в качестве верхнего “этажа” может выступать цивилизационная идентичность, которая зачастую совпадает с суперэтнической идентичностью, но имеет более четко выраженный геополитический оттенок» [5, с. 114]. На Украине в настоящее время происходит процесс замены русской цивилизационной идентичности на европейскую. Этот процесс сопровождается интенсивным культуротворчеством, которое направлено на

---

¹ Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Согласие, 2018. С. 39.

трансляцию базисных характеристик украинской идентичности в русскокультурной среде.

Как указывает А. Г. Манаков, «категория этнических границ характеризует этнический и суперэтнический уровни культурных общностей. Ключевыми понятиями географии культуры здесь являются суперэтнические и этнические системы (или геозтнокультурные системы разного иерархического уровня). В данном случае приходится иметь дело с узловыми районами и, соответственно, границами в пределах континуального пространства. К таковым, например, можно отнести этноконтактные зоны, т.е. гравитационные границы этнических систем (в виде широких или узких переходных зон), выполняющие преимущественно контактные функции» [5, с. 116].

Граница между этнической и национальной идентичностью не различается строго. Так, в современной отечественной науке рассматривается два подхода к определению этнической идентичности: «этноисторический» и «этнополитизированный» [6]. Этноисторический подход предполагает, что «этничность всегда, хотя бы незримо, присутствует в любой деятельности человека, даже если он этого не осознает или активно не желает» [7, с. 9]. Согласно этнополитизированному подходу, этничность создается государством из имеющегося в доступности культурного и социального материала [8], что сближает эту идентичность с идентичностью национальной.

Для создания и трансляции национальной идентичности используются те области репрезентации, которые оказывают наибольшее влияние на формирование определенных стереотипов и отношений в сознании потребителя культуры, а именно литература, кино, массмедиа, визуальные образы и артефакты массовой культуры [9, с. 52].

Духовная основа целостной личности заключается в иерархии ценностно-смысловых топосов. В современных условиях происходит разрыв и смешение разных уровней культуры, а также превращение территориальной идентичности во всех ее разновидностях, как этнической, так и национальной, в предмет применения манипулятивных технологий в сфере массмедиа [10, с. 12].

Анализируя тенденции развития этничности в современной России, специалисты отмечают, что с целью «прочнее связать личность с ее этнической группой, этнические антрепренеры не только пытаются воздействовать на нее путем

призыва к коллективной солидарности и к коллективным санкциям против “этнических отступников”, но и требуют от государства выступить в роли гаранта нерушимости границ между этническими группами» [11, с. 170]. Если в России это отмечается как тревожная тенденция, то на Украине после 2014 года привлечение государства для насильственного распространения национальной украинской идентичности стало реальностью. В связи с усилением роли Интернета и информационного пространства современные исследователи склонны признавать «реальными» этнические идентичности, созданные таким образом [12]. Трансляция украинской национальной идентичности среди русскокультурного населения осуществляется пропагандистскими методами распространения образа Другого.

Образ Другого продуцируется структурными механизмами границы культурного пространства. Граница является необходимой частью любой культуры. Функция границы заключается в создании зоны культурного контакта, где явления внешнего инокультурного мира трансформируются в явления мира своей культуры, становятся понятными и могут включаться в собственное культурное пространство. В зоне социокультурной границы ускоренно идут процессы взаимодействия с другими культурами, вырабатываются новые культурные механизмы, которые постепенно захватывают ядро культуры, меняя тип поведения, но не меняя культурной тождественности. Хотя по своему внутреннему смыслу граница соединяет разнокультурные миры, однако с точки зрения самоописания культуры граница эти миры разъединяет. Осознать себя значит осознать свою специфику, и самосознание культуры всегда склонно абсолютизировать границу и выдвигать различия на первый план, затушевывая сходство [13, с. 15 и сл.].

Таким образом, культура создает не только свой собственный тип самоорганизации внутреннего культурного пространства, но и свой тип его дезорганизации. Культура включает в себя и все то, что в этой культуре воспринимается как чужое, инокультурное, не включенное в собственное культурное пространство [Там же]. Тип внешней по отношению к культуре дезорганизации воплощается в образе Другого, созданном культурой. Этот образ актуализируется в процессе межкультурной коммуникации, когда один из субъектов ком-

муникации отождествляется с образом, который создан внутрикультурными механизмами, и новые смыслы порождаются несовпадением этого образа, новых данных, появившихся в процессе коммуникации, и образа, возникающего в другой культуре, если такой образ доступен.

Современная исследовательница В. М. Маркина предложила четыре стратегии конструирования Другого: отчуждение, освоение, «очуждение», «остраннение» [14, с. 13]. Первые две стратегии характерны для стадии конфликта с Другим, а последние две используются в ситуации консенсуса.

В диссертационном исследовании В. М. Маркиной отмечено, что на формирование представлений об отчужденном Другом повлиял эгологизм в понимании интересубъективности. Для эгологизма характерно понимание Другого как аналога Я (*alter ego*), в результате чего Другой рассматривается как принадлежащий внутреннему опыту Я. Такой подход порождает оппозиционные способы понимания Другого, которые приводят к отчуждению инаковости и выстраиванию отношений господства-подчинения. На этой основе создается отчуждающая модель дискурсивных практик. Как показывает В. М. Маркина, «характерной чертой отчуждающей модели конструирования Другого является доминирование субъекто-объектных отношений, которые предполагают иерархические отношения и монолог. Другой при этом пассивен, выступает в качестве средства коммуникации. Главной чертой отчуждающей модели является неприятие инаковости, понимание ее как недостатка или патологии Других» [14, с. 12].

Таким образом, «отчуждение является процессом или результатом исключения Другого путем неприятия инаковости. Процесс отчуждения Другого включает четыре стадии: противопоставление, объективация, иерархизация и подчинение. Другой в процессе отчуждения лишается возможности оставаться отдельным, радикально непохожим, но при этом равноценным субъектом взаимодействия. Отчуждению противоположно сопротивление, которое выражается в способах деконструирования дискурса: преодолении бинарного мышления, пересмотре властной иерархии, признании равноценности субъектов и создании пространства диалога» [14, с. 13].

Конструирование Других в массмедиа в парадигме отчуждения проводится с использованием манипулятивных технологий. Исследованию этого аспекта деятельности СМИ

посвящена работа И. М. Дзялошинского «Манипулятивные технологии в масс-медиа», в которой автор выделяет пять признаков манипуляции и три сферы ее применения [15, с. 30 – 31]. Манипуляция – асимметричное скрытое духовное воздействие, которое является продуктом информационного воздействия и требует от манипулятора значительного мастерства. Манипуляция может применяться в трех сферах: идеологической (пропаганда), экономической (реклама), социальной (воспитание, образование). Рассмотрим формирование образа Другого в структуре культурного пограничья средствами манипуляции идеологической сфере.

Национальная идентичность на Украине оформляется на границе как область ожесточенного неприятия русского как другого, отталкиванием, отвращением от русской культуры. Как отмечают современные исследователи глобализации, это очень древняя модель создания своего культурного пространства. В переходные периоды истории этот архаизм становится вновь актуальным [16].

Академик Д. С. Лихачев указывает, что в таком случае всегда существует потеря живой силы культуры: «Противопоставляя себя «другому», культура по большей части упрощает сама себя, выдвигает вперед знамена с символами и знаками своей индивидуальности, капсулируется в мифах о «национальном характере», «национальных идеях», «национальной предназначенности» и т. д. Потери велики, ибо все это бывает связано... с повышенными самооценками, с развитием агрессивности в отношении «других» и в конечном счете внутри себя и против себя» [17, с. 97 – 98].

Современная исследовательница М. А. Царева показывает в своей диссертации, что образ Другого строится силами самой культуры, живет своей независимой жизнью в культуре, и его несоответствие реальности игнорируется до тех пор, пока это возможно [18]. Творцы культурной политики современной Украины пытаются развернуть этот процесс, создать образ русского как Другого, игнорируя историческую, культурную и повседневную реальность.

В течение столетий существования русской культуры Украины в качестве пограничья сформировался целый ряд образов Другого. В период XVI – XVII вв. в качестве других выступали представители других религий и конфессий. Так,

в полемической и проповеднической литературе того времени реализуются антиеврейские, антимусульманские, антикатолические тенденции. Обращаясь к этому времени, Н. В. Гоголь в повести «Тарас Бульба» описывает чужую культуру как польскую. В имперский период русская культура Украины воспринимается носителями как часть общерусской культуры и в качестве Другого выступает европеец. В советский период господствовала концепция совместного существования трех братских народов – русского, украинского и белорусского, но в то же время в официальной идеологии русский язык и культура были необходимы только для реализации социалистических идеалов, а не имели ценности сами по себе. В этот период в русской культуре Украины воспроизводились традиционные русские архетипы, а на формирование образа Другого решающее воздействие оказала Великая Отечественная война, когда Украина столкнулась с типом организации культурного и политического пространства, который реализовала на этих территориях нацистская Германия. Все эти образы Другого имеют общую характеристику: это носители другой религии, иноязычные для русской среды, и в большинстве случаев это представители европейской культуры. Таким образом, на Украине вплоть до эпохи Независимости в 1991 году доминирующим был образ Другого как европейца, а собственная идентичность формировалась на основе русской культурной и православной конфессиональной идентичности.

В постсоветский период в культуре Украины создается образ Другого как русского, а своего, украинца, как европейца. Особенно активизировался этот процесс в годы войны в Донбассе, когда эти образы стали навязываться средствами пропаганды, в том числе русским Украины.

Так, например, в 2017 году украинская кинокомпания Kinogob решила создать кинокартину «Анна Киевская». Решение это стало следствием политического инцидента, произошедшего в Версале во время встречи Президента России Владимира Путина с Президентом Франции Эммануэлем Макроном. Тогда Путин сказал, что просвещенная французская публика знает о русской Анне (Anne de Russie) – королеве Франции и жене Генриха I, чем сразу вызвал негодование Петра Порошенко, который заявил, что власти РФ всячески пытаются помешать воссоединению Украины с Европой:

«Именно воссоединению, потому что исторически мы были ее частью. Кстати, со времен древнеукраинского князя Ярослава Мудрого и его дочери-киевлянки Анны Ярославны, которую буквально вчера Путин пытался на глазах всей Европы похитить в российскую историю»¹.

Подобные высказывания Президента Украины являются очередным внешним проявлением тех процессов, которые уже несколько лет идут на Украине. История с похищением Анны в российскую историю демонстрирует комплексную работу по реформатированию идентичности, которая ведется на Украине на всех уровнях, в том числе политическом, образовательном, культурном.

Ученые Украины анализируя изменения в украинском обществе, начиная с 2014 года, и их причины, высказывают ряд мнений, которые мы проанализируем ниже.

В. И. Поклад, украинский ученый из Луганска, с начала войны проживающий на Украине, описывает конфликт Украины и Донбасса в категориях противостояния европейских и советско-русских ценностей: «Киевский Майдан происходил под флагом европейской интеграции, модернизации украинского общества в соответствии с европейскими ценностями. Луганский и Донецкий антимайданы (трансформировавшиеся в сепаратистские республики) были ориентированы на восстановление традиционных (советско-российских) ценностей»².

А. М. Еременко в своей книге «Размышления о луганской Вандее»³ пытается анализировать конфликт Украины и Донбасса в категориях цивилизации и варварства, развитого и отсталого общества, однако личные наблюдения в довоенном и

---

¹ Заславская Е. А. Не рассказывайте нам сказки про украинских принцесс [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 05.08.2017. URL: <http://oduvan.org/interesnosti/ix-nravy/negasskazyivayte-nam-skazki-pro-ukrainskih-printsess/> (дата обращения: 23.02.2020).

² Поклад В. Революция, контрреволюция, война и криминология // Криминологические исследования: сб. науч. труд. / [гл. ред. В.И. Поклад, канд. филос. наук]; Луган. гос. универ. внутр. дел им. Э.А. Дидоренко; Луган. гуман. центр. – Северодонецк: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2018. Вып. 10 : Луганские ученые о луганских событиях. С. 4 – 6.

³ Еременко А. М. Размышления о луганской Вандее. Взгляд очевидца событий. Saarbrücken: Just a Life, 2015. 117 с.

военном Луганске, а также логика развития концепции приводит его к выводу о противостоянии двух цивилизаций в Донбассе: «Прослойка сторонников единой Украины, продвигающейся по пути интеграции в Европу, в среде луганской интеллектуальной элиты была ничтожна... По нашим наблюдениям, жители Донбасса весьма слабо знакомы с европейскими ценностями и европейским образом жизни. Их сознание заполнено упрощенными стереотипами, своеобразными мифами о, якобы, «гнусной и развратной Европе». Прискорбно, что не только темная, косная, невежественная народная масса невосприимчива к европейским ценностям. Значительная часть донбасской интеллектуальной элиты относится к европейским ценностям, мягко говоря, прохладно и предпочитает им ценности «русского мира»... Почему так? Донбасские интеллектуалы плохо знают европейские ценности? Либо плохо, либо достаточно хорошо. Второй вариант ответа представляется нам более вероятным. Но это означает, что многие донбасские интеллектуалы, зная, что представляют собой европейские ценности, тем не менее, предпочитают им православно-советско-российско-имперские. Это не столкновение цивилизации с варварством, это столкновение разных цивилизаций¹».

Александр Еременко видит решение проблем современного украинского общества в забвении истории и приятии новой украинской идентичности: «Важность социальной памяти, исторической традиции, «почвы» и «корней» сильно преувеличена. Чрезмерно копать в исторических корнях непродуктивно. Оставим историю историкам. Нам нужно задуматься не о том, как укорениться в нашей истории, а о том, как оторваться от нее. Бывают сковывающие традиции, бывает больная, раненая память. В истории постоянно «мертвый хватает живого». Наша ответственность перед будущим важнее ответственности перед прошлым²».

---

¹ Еременко А. М. Луганский мятеж в сравнении с подобными историческими событиями / А. М. Еременко // Криминологические исследования: сб. науч. труд. / [гл. ред. В.И. Поклад, канд. филос. наук]; Луган. гос. универ. внутр. дел им. Э.А. Дидоренко; Луган. гуман. центр. – Северодонецк: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2018. – Вып. 10 : Луганские ученые о луганских событиях. – С. 10 – 26.

² Там же.

Забвение истории как важную тенденцию современного украинского общества констатирует украинская исследовательница Е. В. Бильченко. Исследовательница указывает, что наиболее выразительным признаком постсовременного человека становится его внеисторичность, которая ведет к потере способности к диалогу, лишая человека собственных и общечеловеческих воспоминаний. Отсутствие в идентичности человека такого структурного элемента как история приводит к тому, что такой человек не может реализовать себя ни как человек данной культуры, ни как маргинал¹.

На Украине работа по пропаганде новой украинской идентичности, которая противоречит украинской истории и содержит явный антирусский вектор, не прекращается все время Независимости, а интенсивность ее только увеличивается. Общественными организациями при финансовой поддержке европейских институций постоянно проводятся тренинги, конкурсы, мастер-классы для активной пишущей молодежи. На этих мероприятиях создается и внедряется контент, который выражает новую украинскую идентичность и навязывает новые украинские ценности. Основная идея этих материалов заключается в неприязни и отрицании русской культуры.

Например, 22 октября 2019 года в Киеве прошла презентация книги «Ре-візія історії: російська історична пропаганда та Україна»². Организатором мероприятия выступила общественная организация «Интерньюз-Украина» при финансовой поддержке Европейского Союза и Международного фонда «Возрождение». Как отмечается в анонсе, книга «Ре-візія історії: російська історична пропаганда та Україна» содержит анализ ключевых нарративов российской исторической пропаганды в отношении Украины и ответ украинских историков на эти нарративы.

«История оказалась в центре новейшей агрессии России против Украины. Чтобы придать этой агрессии смысл, чтобы сделать ее «понятной» для определенного круга людей, Кремль

---

¹ Бильченко Е. В. Модель суб'єкта ХХІ століття: криза історії і втеча у мистецьку гру // Людина в сучасному цивілізаційному процесі: філософсько-культурологічні та етико-естетичні виміри: монографія / М. М. Бровко та ін.; відп. ред. М. М. Бровко; Нац. муз. акад. України імені П. І. Чайковського. Ніжин: Аспект-Поліграф, 2014. С. 54–74.

² Ре-візія історії. Російська історична пропаганда та Україна. Київ : К.І.С., 2019. 99 с.

рассказывает этим людям истории об истории», – пишут организаторы презентации. – «Мы исследовали главные нарративы российской исторической пропаганды, распространены в российском и украинском сегментах интернета. Для этого аналитики компании Singularex и ОО «Интерньюз-Украина» использовали анализ больших данных: отобрали более 850 000 постов с «ВК» и 16000 постов с фейсбуке (период: с 1 января 2016 до 1 апреля 2019 включительно). Из них «целевыми» (они содержат ключевые слова, которые нас интересовали) оказались 248 000 постов в «ВК» и 2500 постов в фейсбуке»¹. Среди нарративов, которые разрушаются украинскими пропагандистами, «Крим, Донбас і південний схід України – це Росія», «СРСР – потужня імперія, Сталін – герой».

Еще один проект был реализован в 2019 году общественной организацией «Интерньюз-Украина» при поддержке «Медийной программы в Украине», финансируемой Агентством США по международному развитию (USAID). Называется он «Пропагандариум» и представляет собой виртуальную инсталляцию с двумя интерактивными комнатами: «Музей пропаганды» и «Комната медиаграмотности». В начале и в конце визита гости проходят онлайн-тест. Он помогает понять, насколько посетители освободились от влияния России. После успешного прохождения теста посетители получают подарки: тематические экосумки, яркие стикеры и брошюру «Как уберечься от кремлевской пропаганды и манипуляций».

Результаты впечатляют. За пять месяцев работы странствующей инсталляции было проведено около 2300 встреч с посетителями в рамках проекта; 114 материалов в СМИ, в том числе 17 телевизионных сюжетов; более 200 публикаций-упоминаний в соцсетях с хэштегом проекта #Пропагандариум, #НеВедуся. Полноформатная инсталляция работала по три недели в Краматорске и Одессе. В сокращенном фестивальном варианте она имела место в Киеве, Харькове, Угледаре, Волновохе и Мангуше. Таким образом, особое внимание было уделено востоку и югу Украины, как русскоязычным ре-

---

¹Ре-візія історії: російська історична пропаганда та Україна [Електронний ресурс] // «ІНТЕРНЬЮЗ-УКРАЇНА». 08.10.2019. URL: <https://internews.ua/opportunity/revision-presentation> (дата обращения: 23.02.2020).

гионам, где живут носители русской культуры. На этом история «Пропагандариума» не заканчивается, отмечают организаторы, впереди новые города¹.

Таким образом, анализ медиапроектов, реализованных на Украине, показывает, что для современной украинской культуры Другой – это прихожанин РПЦ (Русская православная церковь), носитель современной русской культуры и русского языка. Именно этот образ Другого украинские СМИ используют в военной пропаганде против республик Донбасса, которые с 2014 года находятся в состоянии войны с Украиной.

В горячей фазе военных действий происходило прямое уничтожение объектов культуры: школ, библиотек, музеев, учреждений культуры, храмов. Например, летом 2014 года 122-мм гаубичный снаряд угодила четко в научный отдел библиографии библиотеки имени Горького в Луганске, а сотрудники музея культуры Луганска успели эвакуировать коллекцию за час до того, как снаряд попал в здание². В настоящее время интенсивность военных действий снизилась, и война продолжается на культурном и информационном фронтах.

В Луганской Народной Республике в военный период начиная с 2014 года развивается русская культура, формируется ее самосознание и проводится работа по манифестации и репрезентации русской культуры Луганщины в том числе и в Интернете. Наряду с новостными сайтами, в ЛНР существует несколько ресурсов, которые посвящены новой культуре Донбасса. Среди них нужно назвать Луганский ИнформЦентр, сайт Луганск1, МИА «Исток». Также с 2015 года в Луганске функционирует сайт луганской культуры «Одуванчик»³.

Сайт луганской культуры «Одуванчик» действует вне официальных структур. Редакция сайта работает на общественных началах. В редакцию входят преподаватели луганских вузов Нина Ищенко и Елена Заславская. Особый вклад в работу сайта внес старший научный сотрудник Луганского

---

¹ Краматорськ, Одеса, Запоріжжя. «Пропагандаріум»: фейколог Пігулко запрошує на прийом // «ІНТЕРНЬЮЗ-УКРАЇНА». 10.05.2019. URL: <https://internews.ua/opportunity/propagandarium> (дата обращения: 23.02.2020).

² Заславская Е. А. Некоторые особенности культурного слоя Луганска // Четверть века с философией. Философское монтеневское общество – 2015 / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. Луганск : Блиц-информ, 2015. С. 120–129.

³ Одуванчик. Новости культуры. URL: <http://oduvan.org/>

художественного музея Владимир Карбань, входивший в редакцию до своей безвременной кончины в 2020 году.

Сайт посвящен культуре Донбасса в контексте русской и мировой культур. Помимо оригинальных материалов о событиях и мероприятиях Луганска, Донецка на сайте публикуются материалы, которые отражают культурный контекст существования республик Донбасса.

Работа сайта ведется по нескольким направлениям. На сайте постоянно функционируют следующие рубрики: «Читаем Даля», «Словарь писателей Новикова», «Айда в музей!», «Образы родного города», «Опыты пристального чтения». Все эти рубрики посвящены истории и современности русской культуры в целом и культуры Луганска как ее неотъемлемой части.

Также на «Одуванчике» освещаются мероприятия культурной жизни столицы ЛНР и современной России. Отдельная рубрика посвящена деятельности Философского монтеневского общества Луганска. На сайте выкладываются рецензии луганчан на произведения донбасских и зарубежных деятелей искусства, публикуются книги луганских и донецких авторов. Рассмотрим эти разделы подробнее.

На сайте «Одуванчик» освещаются мероприятия, организованные рядом луганских учреждений: Республиканской библиотекой имени Горького, Литературным клубом имени Франца Кафки, Фондом «Русский мир». Так, в 2019 году здесь помещены тексты докладов и отчеты со следующих мероприятий:

1. литературная встреча ко дню рождения Евгения Замятина «Е. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл. Миры антиутопий», которую 5 февраля 2019 года организовал Фонд «Русской мир» в библиотеке Горького¹;

2. круглый стол «Преодоление гражданского раскола: уроки Дня единства для современности», посвященный Дню народного единства, который состоялся 6 ноября 2019 года в Фонде «Русский мир» в библиотеке Горького²;

---

¹ Устаревшее будущее [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 06.02.2019. URL: oduvan.org/подробности/ustarevshee-budushhee/ (дата обращения: 23.02.2020).

² Ищенко Н. С. Уроки дня Единства для Украины и Донбасса [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 06.11.2019. URL: oduvan.org/подробности/uroki-dnya-edinstva-dlya-ukrainyi-i-donbassa/ (дата обращения: 23.02.2020).

3. заседание литературного клуба имени Франца Кафки в Академии Матусовского 30 января 2019 года. Мероприятие было посвящено книге Бытия как литературному произведению¹;

4. выступление в прифронтовых городах ЛНР московских рок-групп «Зверобой», «Еще», автора-исполнителя Игоря Сивака и Елены Заславской 4–6 ноября 2019 года, организованном луганским землячеством в Москве².

На «Одуванчике» также можно прочитать о первом иммерсивном спектакле в Луганске, который прошел в Краеведческом музее 18 мая 2019 года³. Спектакль «С чего начинается Родина?» режиссер Ольга Тихая посвятила уроженцу Луганска поэту Михаилу Матусовскому и самому городу Луганску в переломные моменты его истории.

На «Одуванчике» помещаются статьи о культурной жизни современной России, о тех мероприятиях, в которых участвовали редакторы и которые напрямую касаются культуры Донбасса.

В 2019 году это были репортажи с Московского фестиваля детской книги, который прошел 29 ноября – 1 декабря под эгидой Министерства культуры РФ, в фестивале принимала участие луганская поэтесса и редактор «Одуванчика» Елена Заславская^{4,5}.

---

¹ Ищенко Н. С. Сюжеты книги Бытия в творчестве Томаса Манна [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 31.01.2019. URL: oduvan.org/chtivo/esse/syuzhetyi-knigi-byitiya-v-tvorchestve-tomasa-manna/ (дата обращения: 23.02.2020).

² Песни, которые помогают жить [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 13.11.2019. URL: oduvan.org/подробности/mneniya/pesni-kotoryie-pomogayut-zhit/

³ Отчет о первом иммерсивном спектакле в Луганске [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 24.05.2019. URL: oduvan.org/подробности/6880/ (дата обращения: 23.02.2020).

⁴ Заславская Е. А. Фестиваль детской книги объединяет! [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 18.12.2019. URL: <http://oduvan.org/interesnosti/novosti-russkogo-mira/festival-detskoj-knigi-obedinyaet/> (дата обращения: 23.02.2020).

⁵ Заславская Е. А. Юрий Нечипоренко: «Нет – ядовитой литературе. Детские книги – в провинцию!» [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 18.12.2019. URL: <http://oduvan.org/interesnosti/novosti-russkogo-mira/yuriy-nechiporenko-net-yadovitoj-literature-detskie-knigi-v-provintsiyu/> (дата обращения: 23.02.2020).

Также на сайте помещено описание XVIII церковно-общественной выставки-форума – «Православная Русь – к Дню народного единства». В Центральном выставочном зале «Манеж», недалеко от Красной площади, открылась уникальная выставка «Память поколений: Великая Отечественная война в изобразительном искусстве». Редакция представляет собственный взгляд на концепцию выставки¹. Основная концепция мероприятия, озвученная оформителями, заключается в том, что Победа принадлежит уходящему поколению ветеранов, а наши современники не имеют к ней отношения. Это подчеркнуто и тем, что экспозиция заканчивается 2010 годом, и центральным панно выставки, на котором показаны ветераны Великой Отечественной на берегу Леты, которая должна навсегда отделить их от мира живых. Война, идущая в Донбассе с 2014 года, показывает, что память о войне не ушла в прошлое, а оживляет настоящее, помогает воевать и побеждать.

Отдельная рубрика «Одуванчика» освещает деятельность Философского монтеневского общества Луганска. ФМО функционирует в Луганске с 1990 года, и в настоящее время проводит свои заседания в университете имени Владимира Даля. Последнее довоенное заседания ФМО проходило в мае 2014-го года, а после осады, уже в ноябре 2014 года, ФМО возобновило свою работу, которая теперь заключается не только в заседаниях, на которые может прийти любой желающий, но и в публикации докладов.

Первый сборник докладов ФМО «На грани мира и войны» (2015) был посвящен интеллектуальному климату Луганска в переломном для Украины, России и Донбасса 2014 году². Второй сборник «Четверть века с философией» (2015) был приурочен к 25-летию юбилею общества³. Книга пред-

---

¹ Заславская Е. А. «Память поколений». День Победы или Тень Победы? [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 04.12.2019. URL: <http://oduvan.org/interesnosti/novosti-russkogo-mira/pamyat-pokoleniy-den-pobedy-ili-ten-pobedy/> (дата обращения: 23.02.2020).

² На грани мира и войны: сборник докладов Философского монтеневского общества за 2014 г. / под. ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. Луганск : Блиц-информ, 2015. 72 с.

³ Четверть века с философией. Философское монтеневское общество – 2015 / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. Луганск : Блиц-информ, 2015. 176 с.

ставляет собой своеобразный интеллектуальный портрет луганской гуманитарной интеллигенции с последнего советского года до первого года войны с Украиной. Третий сборник «Донбасс в огне» (2017) посвящен столетию октябрьской Революции 1917 года и роли Донбасса в этих судьбоносных для России и мира событиях¹. Четвертый сборник «Колышется русское поле... Внемли, Русский мир!» (2019) посвящен культуре Донбасса в контексте русской культуры². Пятый сборник «Монтень в Луганске»³ вышел в 2020 году. Книга посвящена тридцатилетию ФМО, в ней собраны доклады членов общества как о глобальных философских проблемах, так и тексты, посвященные ситуации в Луганске, роли ФМО в истории города. Все пять сборников ФМО доступны онлайн на сайте «Одуванчик» и в разных сетевых библиотеках.

На «Одуванчике» также публикуются рецензии луганских авторов. Так, в 2019 году была опубликована вызвавшая широкий резонанс рецензия Ольги Бодрухиной на первый в ЛНР игровой фильм «Ополченочка» о приключениях женского танкового экипажа⁴. В своем отзыве Ольга Бодрухина останавливается на общих характерных признаках японского аниме и луганского фильма: танки, девушки, оживание духов предков в лице современных героев, и делает вывод, что этот фильм может рассчитывать на зрительскую аудиторию поклонников японского аниме по всему миру.

---

¹ Донбасс в огне. Альманах [Электронный ресурс]. Луганск: Большой Донбасс. 2018. 280 с. URL: http://oduvan.org/wp-content/uploads/2018/04/Donbass_in_fire.pdf (дата обращения: 23.02.2020).

² Колышется русское поле. Внемли, Русский мир! Философское монтеневское общество – 2019 / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск : Блиц-информ, 2019. 124 с. URL: <http://oduvan.org/wp-content/uploads/Kolyishetsya-russkoe-pole...-Vnemi-Russkiy-mir-2019.pdf> (дата обращения: 23.02.2020).

³ Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видения: Сборник докладов Философского монтеневского общества / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск: Блиц-информ, 2020. – 160 с. URL: <http://oduvan.org/wp-content/uploads/Monten-v-Luganske-2020.pdf>

⁴ Бодрухина О. «Ополченочка» как классика японского кино [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 24.06.2019. URL: oduvan.org/chtivo/recenzii/opolchenochka-kak-klassika-yaponskogo-kino/ (дата обращения: 23.02.2020).

Также на «Одуванчике» только в 2019 году опубликована рецензия секретаря СП ЛНР Андрея Чернова на сборник стихов Елены Заславской «Бумажный самолет»¹, рецензии доктора философских наук, профессора Виталия Даренского на сборник СП ЛНР «Воля Донбасса»^{2,3}, рецензия Ольги Бодрухиной на роман Михаила Елизарова «Земля»⁴, рецензия Нины Ищенко на спектакль «Время. Выбор. Воля», поставленный Русским драматическим театром имени П. Луспекаева по произведениям донбасских авторов⁵.

За период с 2015 года на сайте «Одуванчик» выложены в открытый доступ ряд произведений, которые были опубликованы в это время в Луганске и Донецке. Не всегда эти книги существуют в печатной форме, иногда электронная версия – единственный способ общения с читателем. Нужно отметить, что для читателей из РФ доступ к книгам луганских авторов на «Одуванчике» зачастую единственно возможный способ ознакомиться с новой литературой Донбасса до тех пор, пока она не попадет в другие сетевые библиотеки. Рассмотрим

---

¹ Чернов А. А. Бумажный самолет из огненного Донбасса [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 12.12.2019. URL: <http://oduvan.org/chtivo/recenzii/bumazhnyiysamolyot-iz-ognennogo-donbassa/> (дата обращения: 23.02.2020).

² Даренский В. Ю. Преображение памяти. Альманах «Воля Донбасса» как художественное целое [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 31.10.2019. URL: <http://oduvan.org/chtivo/recenzii/preobrazhenie-pamyati-almanah-volyadonbassa-kak-hudozhestvennoe-tseloe/#more-6960> (дата обращения: 23.02.2020).

³ Даренский В. Ю. Альманах «Воля Донбасс»: героическая картина мира // Одуванчик: новости культуры и искусства. 18.07.2019. URL: <http://oduvan.org/interesnosti/sdelano-v-donbasse/almanah-volyadonbassa-geroicheskaya-kartina-mira/> (дата обращения: 23.02.2020).

⁴ Бодрухина О. Земля мертвых. Запоздалая новогодняя рецензия на роман М. Елизарова «Земля» [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 27.12.2019. URL: <http://oduvan.org/chtivo/recenzii/zemlya-mertvyih-zapozdalayanovogodnyaya-retsenziya-na-roman-m-elizarova-zemlya/> (дата обращения: 23.02.2020).

⁵ Ищенко Н. С. Нам нужна одна Победа [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. 23.09.2019. URL: oduvan.org/interesnosti/sdelano-v-donbasse/nam-nuzhna-odna-pobeda/ (дата обращения: 23.02.2020).

книги, опубликованные на сайте, с точки зрения их вклада в новую культуру Донбасса.

На сайте опубликованы два сборника СП ЛНР: «Время Донбасса» (2016) и «Выбор Донбасса» (2017), календарь-справочник «Юбилейные даты литературы Донбасса на 2019 год» (2019), два выпуска литературного альманаха «Крылья» за 2018 и 2019 год, калининградский «Путеводитель по русским “Берегам”» (2019) и книга Андрея Чернова «Донбасский код» (2019). Читатель может найти эти и другие произведения в разделе «Книги» сайта «Одуванчик»¹.

Образ современного украинца как Другого занимает скромное место на «Одуванчике», но тем не менее присутствует. Наряду с анализом украинских пропагандистских стратегий² на сайте ведется рубрика «Их нравы»³, где создается образный, эмоциональный портрет современного украинца. В этой рубрике появляются такие персонажи как Антон Мухарский, Лариса Ницой, Сергей Файфура.

Так, украинский арт-деятель, экс-советник министра культуры Антон Мухарский еще до 2014 года организовывал проекты направленные на дегуманизацию русских Украины. В 2009 году инициировал художественно-культурологический проект «Жлоб. Жлобство. Жлобизм», основной задачей которого было доказательство на уровне образов и символов, что жлобство – это русский язык на Украине⁴.

---

¹ Рубрика «Книги» [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. Режим доступа: <http://oduvan.org/category/chtivo/books/> (дата обращения: 23.02.2020).

² Ищенко Н. С. Дегуманизация русских Украины как прием информационной войны // Одуванчик: новости культуры и искусства. 25.01.2020. Режим доступа: <http://oduvan.org/chtivo/stati/degumanizatsiya-russkih-ukrainyi-kak-priem-informatsionnoy-voynyi/> (дата обращения: 23.02.2020).

³ Рубрика «Их нравы» [Электронный ресурс] // Одуванчик: новости культуры и искусства. Режим доступа: <http://oduvan.org/category/interesnosti/ix-nravu/> (дата обращения: 23.02.2020).

⁴ Заславская Е. А. Аскарیدا революции достоинства [Электронный ресурс] // Е. А. Заславская. Поэзия. Проза. Дневник. Режим доступа: <http://zaslavskaja.com/2017/02/28/askarida-revoljutsii-dostoinstva.html>. (дата обращения: 23.05.2020).

Среди проектов Мухарского «Лягідна українізація» («Ласковая украинизация») (2012), «Майдан. (Р)Эволюция духа» (2014), «Украинизация на экспорт» (2015), «СКАЗКИ РУССКАГО МИРА» (2016). Презентуя последний проект, Мухарский так описал свое отношение к русским и России: «Побутова демонологія совка, щедро полита сечею Кобзона та слиною Жириновського, день побєди, Сандра Баллок і казанські гопники, розіп'яті хлопчики і геї — визволителі Європи, імперські міфи і бурятські богатири, збитий Боїнг і страшні бабусі-людожерки, виховані на піснях Булата Окуджави: все це — «Руській мір», з яким я добре обізнаний, тектонічне бродіння якого я відчуваю й у власній душі, бо народився в СРСР, вчився в Києві у російській школі, служив в радянській армії і по суті також є носієм цієї вірусної інфекції, що зветься «хомо советікус-постсоветікус». Тому цей проект — ні що інше, як намагання дослідити перебіг хвороби на власному досвіді з метою пошуку протиотрути проти усього того лайна, яке за довгі роки русифікації накопичив мій організм¹».

Мухарский/Лютый — автор хитов (у некоторых клипов около 700 тысяч просмотров) «Ах, Бандера, украинский апостол!», «Гаспада малоросы», «Пошел нах»..., «Слава Украине!», «Катя — ватница», «Россиян в Донбассе нет», «Идет кацап по городу», «Русские пи#\$%ят» «Злые пиндосы», «А тело пело». Эти работы созданы на мелодии популярных советских песен, но с собственными текстами Мухарского, в жанре политического памфлета. В этих песнях формируется образ русского как врага, оставляя слушателю-русскоязычному украинцу единственную коммуникативную стратегию для сохранения собственной личности — отказаться от русской культурной идентичности.

Украинская писательница и педагог, организатор ежегодного круглого стола «Книга на захисті дитячої душі» Лариса Ницой создала книгу «Непереможні мураши», презентованную в 2017 году². В этой книга она создает образ врага

---

¹СКАЗКИ РУССКАГО МИРА [Электронный ресурс] // Мітец. Сучасне мистецтво України. Режим доступа: <https://mitec.ua/skazki-russkago-mira/> (дата обращения: 23.05.2020).

² Антирусская пропаганда в детской книге "Непереможні мураши" [Электронный ресурс] // Одуванчик. Режим доступа: <http://oduvan.org/interesnosti/ix-nravy/spasite-nashi-dushi-ili-neperezhnhi-murashi/> (дата обращения: 23.05.2020).

из русских: «Жив-був собі мурашиний народ. Жив-не тужив. Одного дня напали на мурашиний народ сусідні мурахи, які завжди клялися в братній любові. Знищили мурашник. Зруйнували мирне життя. Але мурашиний народ збереться на силі і вижене зі своєї землі нападників».

Певец Сергей Файфура, автор песен «Бандера», «Бандера 2», «Дайте волю Надії», «Руський Іван», «Скотиняки», «Вован-дураччок», «Барон фон дер Пут» которые созданы в период с 2014 года и исполнялись на передовой для украинских военных в Донбассе для поднятия боевого духа¹. На «Одуванчике» размещена его песня «Бандера», где есть такие слова:

*«Стоп!!! Да что ж ты с пушками, Россия, на меня?
Там, где Европа, ты не будешь никогда!
Не верь ни в лысого, ни в главного попа!
Знай, Україна є і буде Європа!
Європа! Європа! Європа! Європа! Європа! Європа!
І я в це вірю!
І ми в це вірим!
Вір і ти!»²*

Певец создает образы украинца как европейца и русского как врага.

Таким образом, сайт луганской культуры «Одуванчик» в условиях военного времени выполняет важную функцию манифестации и репрезентации луганской культуры. В то время как на Украине деятельность инфосферы направлена на агрессивную пропаганду, которая использует все методы черного пиара и открытые манипуляции общественным и индивидуальным сознанием, в Луганске проводится работа,

---

¹ Сергій Файфура. Русский Иван. Выступление перед пограничниками [Видео] // Youtube.com. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=9XKkgQp-PtU> (дата обращения: 23.05.2020).

² Новое украинское искусство. Бандера в белом // Одуванчик: новости культуры и искусства. 24.08.2015. Режим доступа: <http://oduvan.org/interesnosti/ix-nravy/novoe-ukrainskoe-iskusstvo-bandera-v-belom/> (дата обращения: 23.02.2020).

направленная на освоение мировой и русской культуры, сохранение в русском культурном пространстве прифронтовых территорий, включение земли Донбасса в культурное пространство России.

Выводы. Анализ медиаконтента украинских пропагандистских проектов показывает, что современная идентичность украинцев конструируется как европейская и антирусская, что противоречит исторической традиции, которая складывалась на протяжении нескольких столетий. В современной информационной и культурной повестке Украины Россия и русская культура выступают как главный враг, формирующий поле коммуникаций. Таким образом, в пропаганде современной Украины Другой – это русский, как житель России, так и житель Донбасса.

Как показывает анализ материалов «Одуванчика», культура современного Донбасса развивается в направлении интеграции с современной культурой России. Для этого жители Луганска используют историческую память и участвуют в мероприятиях, проводимых в настоящее время на территории РФ различными субъектами культуры. Культура Луганска предстает на сайте «Одуванчик» как культура русская, опирающаяся на русские культурные универсалии и общую культурную память России и Донбасса разных исторических периодов.

В то же время можно констатировать, что в культуре Донбасса, как она представлена на сайте «Одуванчик», происходит осознание отличий «нас», жителей Донбасса от «них», современных украинцев, выстраивающих свою культурную идентичность в европейском поле.

Таким образом, сравнивая роль Украины и Донбасса в межкультурном взаимодействии, мы можем сделать вывод, что украинская культура по-прежнему является культурой пограничья, поскольку образ Другого доминирует в ее структуре. Анализ этого образа показывает, что он противоположен тому образу Другого, который обусловлен исторически, то есть культура русских Украины сменяется новой, украинской культурой, которая конструируется и навязывается с использованием современных методов манипуляции общественным сознанием. В то же время культура Донбасса развивается как русская культура, а специфика культурного пограничья реализуется в формировании образа Другого как европеизированного украинца.

Источники и литература

1. Bhabha H. K. Culture's In-Between // Questions of Cultural Identity Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay. Sage Publications London, Thousand Oaks, New Delhi. 1996. P. 53 – 60.
2. Robins K. Interrupting Identities Turkey/Europe // Questions of Cultural Identity Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay. Sage Publications London, Thousand Oaks, New Delhi. 1996. P. 61 – 86.
3. Delanty G. Borders in a Changing Europe: Dynamics of Openness and Closure // Comparative European Politics. 2006. 4. P. 183–202.
4. Grossber L. Identity and Cultural Studies – Is That All There Is? // Questions of Cultural Identity Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay. Sage Publications London, Thousand Oaks, New Delhi. 1996. P. 87 – 107.
5. Манаков А. Г. Культурные границы и идентичность (на примере Северо-Запада Европейской России) // Идентичность и география в постсоветском пространстве. Сборник научных статей / Под ред. М. Бассина, К.Э. Аксенова. СПб. : «Геликон Плюс», 2003. С. 114 – 136.
6. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 400 с.
7. Арутюнов С. А. Этничность – объективная реальность: Отклик на статью С. В. Чешко // Этнографическое обозрение, 1995. № 5. С. 7 – 10.
8. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. 532 с.
9. Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 51 – 56.
10. Барышников С. В., Барышникова А. Г. Граница как категория культуры // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 3(11). С. 10 – 14.
11. Шабаев Ю. П., Садохин А. П. Культурные границы и маркеры в этническом пространстве современной России. Опыт case study // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 166 – 173.

12. Macfadyen Leah P. Virtual ethnicity: The new digitization of place, body, language, and memory // The University of British Columbia. 2008. DOI 10.14288/1.0058425

13. Лотман Ю. М. О семиосфере // Избранные статьи в 3 т. Таллин : Александра, 1992. 1 т. Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 11–24.

14. Маркина В. М. Конструирование «других» в масс-медиа: теоретические подходы и методология анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2017.

15. Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 1. С. 29 – 54.

16. Калиниченко В. К. Границы в культуре и культура на границах [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 1. URL: <https://psyjournal.ru/articles/granicy-v-kulture-i-kultura-na-granichah?ID=2833> (дата обращения: 24.02.2020)

17. Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами // Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996. С. 97–102.

18. Царева М. А. Культурный образ в межкультурной коммуникации: дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2006. 181 с.

РАЗДЕЛ 2. ФМО – ФОКУС ОСОЗНАНИЯ

Игорь Грицких
i.v.gritskih@mail.ru

ПОЛИТИКА КАК ОБЛАСТЬ КОНСЕНСУСНОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

Политика ... – это прежде всего и главным образом общественная деятельность. Это всегда диалог – и никогда не монолог. Пусть отдельно взятые индивиды, вроде Робинзона Крузо, способны на многое – создать свое хозяйство, произвести предмет искусства и так далее; чего они не могут, так это заниматься политикой. Ибо политика, образно говоря, начинается лишь тогда, когда появляется Пятница.

Эндрю Хейвуд

По сути, хотелось бы сделать небольшую ремарку – провести небольшую экскурсию по «персональной лаборатории» автора и осветить обстоятельства, в которых готовился доклад. Полагаю, это будет иметь определенное значение для его восприятия.

В те времена, когда я еще мог физически присутствовать на заседаниях Философского монтеневского общества в Луганске, состав участников и тематика выступлений несколько отличалась от того, что удастся наблюдать в Фейсбуке (в заметках немногих философов, на кого я почти случайно оказался подписан), по сообщениям на Одужанчике и в рассылках уважаемой Нины Ищенко. Я всегда с восторгом воспринимал выступления и просто рассуждения «после третьего круга вопросов» от Арсентий Атояна, Виталия Даренского, Константина Деревянко, Сергея Бойчука и многих других. Но в числе «гуру», пожалуй, на тот момент, я бы назвал еще и Евгения Гнатенко с Александром Еременко. Окажись я сегодня на заседании, мне бы их, наверное, не хватало.

Общество, на мой взгляд, живет и развивается, сохранив большую часть своих участников и, насколько могу судить, приросло очень яркими философами-профессионалами (в отличие от множества любителей, посещавших и даже выступавших на заседаниях в былые времена).

Но мой доклад, который не звучал, и, стало быть, не обсуждался на заседании, не из этой эпохи. В общих чертах он был задуман в 2010–2013-м, когда упомянутые коллеги присутствовали и на заседаниях общества (пусть и не так часто, как хотелось бы), и вообще – в культурной жизни города. Более того, они оказались ближе всех в связи с тем, что в эти годы мои интересы постепенно менялись, перетекая все больше в область политологии и все дальше от истории. В упомянутые годы я пришел на кафедру криминологии, социологии и конфликтологии в университет внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. (В 2013-м и вовсе перешел в этот университет на постоянную работу). Кафедру возглавлял тогда Василий Поклад, который поручил мне курс политологии для студентов и курсантов – будущих юристов и работников органов охраны правопорядка. Столкновение с этим, казалось бы, простым курсом для меня оказалось совсем не простым. Оно спровоцировало длительные размышления о самом предмете и общей ситуации вокруг феномена политики и права на фоне беспокойной политической жизни, промежуточный итог которой ясно обозначился в 2014-м году.

Как мне теперь представляется, важным ключом к ряду вопросов в области политологии, стала работа Алексея Лосева «Диалектика мифа», которую мы в течение года читали в кругу коллег по кафедре криминологии под руководством упомянутого Евгения Гнатенко. В частности, не в силах тогда ответить себе окончательно на вопрос что такое политика, я, благодаря глубокому прочтению, вооружился новым инструментом, который позволил начать с ответов на вопрос чем она не является.

Александр Еременко в какой-то момент «подбросил» мне тогда еще свежий перевод работы Клауса Байме «Политические теории современности» [2]. Помнится, она даже была бракованная – часть тиража была сшита так, что после очередной, к примеру, 5-й страницы, перевернув, можно было наткнуться, к примеру, на 78-ю. Именно такой экземпляр достался мне. Но в работе впервые довольно ясно раскрывались

истоки политической науки на Западе, и в том числе – очень яркие характеристики «эмпирического» и «нормативного» ее направлений. На контрасте восприятия этих двух подходов и возникла интуиция, впоследствии развернутая в текущий доклад.

Повторюсь, что доклад был задуман довольно давно. И с тех времен у меня сильно изменились не только обстоятельства жизни, но и круг интересов (как «по душе», так и по работе). Так что к сколько-нибудь глубокой разработке обозначенных в довоенное время тезисов, я не возвращался.

Забавно получается, уважаемые коллеги! На днях я познакомился с очередным текстом Виктора Мараховского [3], в котором он, рассуждая о механизмах самосохранения человечества путем выстраивания равновесных систем, добирается до современной дилеммы материального неравенства, которое уравнивается веером равенств неимущественного порядка. В числе такого рода «равенств» наиболее известно равенство половое (гендерное). Но Мараховский добавляет, что «В свете последних веяний передовых идей, уважаемые друзья, есть основания полагать, что возраст очень скоро будет точно так же переименован в **социальный конструкт** (В.М.), как и пол. Ведь если нельзя ущемлять человека при выборе пола – то какие основания ущемлять его при выборе возраста?» [3]. В каком-то смысле я сегодня подтверждаю слова уважаемого Виктора, и выбираю себе возраст, подписывая данную статью. Перед вами текст не 42-летнего, обвешанного сомнительным опытом мигранта и маргинала. Автору этого текста всего 33, и он не профессиональный философ, а видит себя больше политологом, и не знает, что даже эта перспектива для него окажется на будущее десятилетие мнимой.

*

Выявление сущности политики, как самостоятельного, а значит – ни к чему не сводимого общественного явления, вынуждает нас постоянно возвращаться к процедуре разделения политического и неполитического.

Можно встретить очень широкий диапазон «определений», в которых политика может принимать облик науки или ремесла, искусства или религии, бизнеса (экономики) или управления, и, наконец, государства или власти. Например,

Аристотель полагал, что политика охватывает этику и учение о государстве, а в узком смысле – искусство и науку государственного управления [4]. Даже с учетом специфики применения терминологии древнегреческой философии, политика одновременно полностью или частично отождествляется с нравственностью, искусством и наукой.

Уже в первом оказавшемся под рукой среднестатистическом учебнике по политологии политика определяется как *особый вид человеческой деятельности...* [5, с. 9]. При этом деятельность эта связана, в первую очередь с «получением и осуществлением власти, прежде всего – государственной» [5, с. 9]. Правда, автор учебника отсылает читателя, в конечном итоге, к трем вариантам определения политики. Первый вариант – версия Н. Макиавелли, у которого политика рассматривается как борьба «между законом и силой» [5, с. 10]. Здесь политика как бы рождается на стыке права (государства) и произвола (частных лиц). Второй подход представлен концепцией XIX века, в которой политика – *искусство* использования возможностей. Таким образом, искусство снова выступает определяющим словом в этом, откровенно условном, определении политики. К этому же роду рассуждений можно добавить и высказывание, приписываемое Бисмарку: «Политика не наука – это искусство. Третий подход – марксистский, связывающий политику с классовыми интересами, и, в конечном счете, с проблемой господства и подчинения, государством. Помнится и «ленинское» высказывание, определяющее политику как «концентрированную *экономику*».

Уже данных примеров достаточно, чтобы понять степень многообразия в определении сущности политики. Как заметил Александр Соловьев: «Несмотря на развитие научного знания содержание «политики» постоянно остается открытым, подвергаясь изменениям и дополнениям по мере возникновения новых теоретических моделей. Оно демонстрирует тщетность однозначных интерпретаций феномена политики, стремления поймать ее вечно ускользающую специфику в границах единожды найденной логики, без доопределения уже имеющихся дефиниций альтернативными суждениями. Множественность складывающихся образов политики – неоспоримое свидетельство полисубстанционально-

сти политического как такового. Политическая наука не терпит претензий на выражение «единственной» истины в знаниях о политике» [6, с. 21–22].

И все же, пусть это будет смотреться несколько контрастно на фоне предыдущего высказывания, думается, что следует, все-таки, рассматривать политику как самостоятельное явление, обладающее собственной природой и способами проявления. А значит, она «имеет право» на более-менее однозначное определение. Данная статья – попытка выразить такое толкование политики, которое бы не требовало ее выражения через «смежные» явления или полисубстанциональных проекций.

В поисках такого определения начать можно, пожалуй, с учебника Эндрю Хейвуда [1]. Он пытается поместить политику в рамки четырех возможных определений: «политика как искусство государственного управления», «политика как публичный процесс», «политика как компромисс и консенсус», «политика как власть». Что касается связи политики и государства, мы вполне склонны разделить с Хейвудом его скепсис по ряду вопросов. «...Отождествление политики с тем, «что касается государства», – отмечает он, – представляет собой, кажется, несколько устаревшее понимание предмета» [1, с. 5]. По мнению Хейвуда, такой подход отражает давнюю склонность академической науки концентрировать свое внимание на том, кто и как работает в органах власти, изучать политику, по сути, изучая правительство или (более широко) – как отправление власти. Эта традиция связывается им с работами Дэвида Истона, определяющего политику как «распределение ценностей, осуществляемое властными структурами».

Предельно широкая дефиниция Хейвуда определяет политику, как «создание, сохранение и обогащение наиболее общих правил общежития» [1, с. 4]. Хейвуд предостерегает от отождествления политики с государственным аппаратом [1, с. 6], поскольку этим мы вычеркнем из политики семью, школу, бизнес, СМИ, международные неправительственные структуры и других участников политического процесса, вес которых в нем со временем все возрастает. Далее он обращает внимание на факт существования так называемой «партийной политики», что позволяет ему противопоставить политиков и государственных служащих («до тех пор... пока они действуют нейтральным и сугубо

профессиональным способом» [1, с. 7]), с одной стороны, а с другой – политиков и судей, еще одну категорию лиц, представляющую государственную власть [1, с. 8].

Вторая составляющая определения политики у Хейвуда выглядит как «то, что связано с созданием «справедливого общества»» [1, с. 8]. Этим главным образом характеризуется публичная политика. Очень продуктивной, на наш взгляд, выглядит его ссылка на Ханну Арендт в признании того факта, что «... политика является наиболее важной формой человеческой деятельности, потому что здесь мы имеем дело с отношениями свободных и равных граждан, – она является чем-то таким, что утверждает уникальность каждого человека и дает ему смысл жизни» [1, с. 10]. Таким образом, политика, как самодостаточный феномен социального общежития, обязательно сопряжена отношениям *свободы и равенства*.

Этот тезис очень созвучен с мыслями, выраженными Хейвудом в части, посвященной определению политики в парадигме *консенсусного* разрешения противоречий. Однако консенсус им видится совершенно в духе Гарольда Лассуэла, как «взаимокомфортное» распределение ресурсов и власти.

С этого места и в дальнейшем Хейвуд отдает должное устоявшейся традиции определения политики через власть. Политика, кроме всего остального – средство властного распределения ресурсов. И здесь он напрямую солидаризируется с дефиницией политики, выработанной в свое время Лассуэлом в заглавии одной из его работ: «Политика: Кто получает что, когда и как?». Многоликая власть, в современном обществе перерождающаяся в реально действующую многомерную полиархию, таким образом, способна создать систему сдержек и противовесов, в которой доход, уважение и защищенность будут распределяться на консенсусной основе.

Суммируя высказывания Хейвуда, сложим его видение политики – это публичная, имеющая социальное происхождение деятельность, граничащая, но не отождествленная с государственной властью, правом или искусством, предполагающая создание и сохранение неких правил общежития на основе свободы и равенства путем принятия консенсусных коллективных решений, ведущих к расслоению власти в многомерную полиархическую систему сдержек и противовесов.

Такая дефиниция, на наш взгляд, нуждается в минимальной доработке. Лишь несколько «попутных» соображений. Политика есть общественный феномен: она рождается лишь в момент решения общезначимых вопросов. При этом политика есть волевой акт, порожденный личностью, но не всякий волевой акт, а лишь предполагающий воздействие на других людей. До тех пор, пока моя воля подчиняется только мне, и круг стоящих передо мной вопросов не сталкивает меня с другими людьми, то есть до тех пор, пока не формируется общество, в политике нужды не возникает. Однако появляется вопрос, можно ли считать политической акцию, содержанием которой будет физическое принуждение оппонента или оперирование предметами материального мира? Достаточно представить себе спор двух людей по поводу общего для них предмета внимания. Один из двоих непременно окажется сильнее, устранил конкурента и завладеет этим предметом. Совершит ли он при этом *политический* акт? По-видимому, нет.

Политика не есть непосредственное воздействие, или воздействие, опосредованное предметами материального мира — она представляет собой воздействие, опосредованное интеллектуальными актами. Но и любые воздействия, опосредованные интеллектуальными актами, не могут оставаться политическими, если будут обеспечивать бессознательное подчинение, превращение партнера в раба, а интеракцию в директиву.

То есть политика не есть манипуляция, но выступает воздействием, опосредованным сознательным взаимодействием сторон. Когда в обществе государственные деятели или люди облеченные другой разновидностью власти (авторитет, материальные ресурсы и так далее) формируют ситуацию, когда другие люди, являясь объектом их воздействия, не могут ни рационально оценить истинную суть событий, ни противостоять этому влиянию, речь идет о специфической разновидности власти. К примеру, гипнотизер, оказывая воздействие на свою жертву, лишает ее возможности критически мыслить — по сути, уничтожает в человеке человеческую сущность, превращая его только в предмет манипуляций. Общество, состоящее было из двух человек, вдруг исчезает, уступая место одинокому властвованию человека с уникальными способностями. Вместе с обществом исчезает и политика.

Каково же мы выберем рабочее определение политики? Политика – осознанное, публичное осуществление субъективной воли, стремящейся, путем апелляции к свободному сознанию, утвердить собственное видение должного в статусе общезначимой нормы.

Политика – не религия, не искусство, не наука, не хозяйствование (экономика), не государство и право (государственный деятель, как и юрист вполне могут мыслиться вне политики). В конечном итоге политика – не власть, и даже не борьба за власть и не управление.

Собственные черты можно очертить следующим образом. Политика – всегда сознательное (свободное) осуществление воли (или сфера осуществления воли), не получившей непосредственного осуществления. Если что-то в общественной сфере происходит помимо воли субъекта – это проявление внешней власти, но не политики.

Политика не может полагаться в частной сфере – она публична по своей природе (сугубо частные вопросы не могут быть политическими, так как не вызывают столкновений; политика же затрагивает интересы широких кругов).

Политика субъективна, потому что тождественна воле носителей интересов (личностей, групп); опосредована, т.к. не предполагает прямого (силового) механизма своей реализации (в противном случае – мы говорим о власти).

Политика предполагает проект будущего, причем такой проект, который собой частично или полностью отменяет уже реализованный (или противостоит предлагаемому вновь). Политика предполагает конструирование будущего, так как нацелена на внесение перемен: а) путем формулирования и легитимизации частных проектов в статусе общезначимых (законов); б) путем превентивной борьбы за восстановления гипотетически (условно) упраздненных норм (законов). Всеобщность продвигаемых политических проектов создается властью-государством-правом (уже за рамками политики).

* * *

Предложенный взгляд на сущность политики, как представляется, дает возможность возвысить ее *идею* над всеми «примесями», по которым традиционно судят об этом предмете. Исходя из такого определения, совершенно не может су-

ществовать политической преступности, политических манипуляций, и, в том числе, войны, как политического явления. Война – скорее из области состязания властей. Более того, как частный случай такого состязания, угроза неприемлемой войны (в случае гарантий заведомо неприемлемого возмездия), может служить одной из предпосылок для существования пространства политики. Представим себе взаимодействия субъектов на международной арене: два государства с равным военный потенциалом, кажется, только и будут настроены договариваться на паритетной основе. Впрочем, возможен и вариант с длительной «холодной» войной, которая выражается в разрыве конструктивной коммуникации. И все же, *дипломатия*, если ее понимать как сферу деятельности, где *равноправные* и *равно информированные* партнеры договариваются на свободных началах ради достижения обоюдовыгодного согласия, может выступать как область политики.

Итак, очищенная от «примесей» идея политики вполне мыслима, хотя и заставляет для этого провести большую работу по пересмотру привычных взглядов на мир политического, в том числе и на историю политики (дипломатии).

* * *

В качестве попытки апробации изложенной идеи, попробуем вкратце рассмотреть в новом ключе понятие политической идеологии.

Политические идеологии – одна из двух ключевых составляющих политики как самобытного явления. Ее вторая составляющая представляет собой более или менее упорядоченную совокупность носителей тех или иных идеологий – отдельных политиков, групп интересов (политических партий, движений и тому подобное). И если попытаться синхронизировать наше понимание идеологий с определением политики, как области консенсусного социального конструирования будущего, то нужно будет указать на то, что идеология – это самосознание политики, изложенный в систематической последовательности проект переустройства общества. Он содержит анализ текущего положения дел, выявляет проблемы, с которыми сложно мириться носителям данной идеологии, общее направление преобразований и, зачастую, приемлемые методы их осуществления.

И если у политики, как социального явления, есть свои границы, четко отделяющие ее от мошенничества или прямой реализации власти, то ключевым маркером, по которому мы будем судить о вырождении политической идеологии в стратегию подавления инакомыслящих, как раз и связан с характером инструментария, объявленного приемлемым выразителями того или иного проекта преобразований.

Если этот инструментарий предполагает превращение субъектов политики в простые объекты воздействия, фактически лишает их права на альтернативную точку зрения, оперирует физическим насилием, то речь идет уже не о политике, а об отношениях господства и подчинения – той или иной разновидности произвола. При этом с некоторой долей вероятности любая идеология может переродиться в стратегию господства.

Впрочем, идеологические системы можно классифицировать, ориентируясь на трехмерную схему.

В одном измерении все идеологии формулируют свое отношение к двум ценностям из области государственного строительства: свободе и порядку. Свобода более ассоциируется с гражданским обществом. Порядок – с государством и правом. Разные общества и различные периоды своего существования переживают колебания общественных предпочтений: в минуты максимального укрепления порядка люди часто мечтают о свободе, а в часы разгула свободы бредят о порядке. Разочарование в той или иной ценности происходит на фоне ее сползания в свою крайность, которая зачастую ведет к произволу.

Второе измерение любой идеологии – ее отношение к прогрессу, приемлемым темпам преобразований и их направлению. Идеология в качестве проекта будущего (в хронологическом измерении) вполне может избирать образцы из прошлого, а также домысливаемого прошлого. И здесь в отношении к ценностям прогресса/возврата, как и в случае с отношением к ценностям свободы и порядка, существует «красная черта», переступив которую лица, именующие себя политиками, превращаются в экстремистов.

Выше названная «красная черта» воплощается в отношении к вопросу принуждения. Оно составляет третье измерение политической идеологии. Для всех это отношение

должно быть отрицательным – только в этом залог сохранения идеологии в русле политики. Как только этот индикатор делается положительным, политическая идеология превращается в стратегию господства (подавления), оказывается в царстве произвола – вне координат политики в собственном смысле этого слова. Плоскость политики можно представить парящей над океаном произвола. Это поможет вообразить, что носители любой идеологии могут «провалиться», выпасть из этой плоскости и оказаться в другой, как только они переступят черту, за которой их проекты будущего будут реализовываться по принуждению.

Таким образом, политическая идеология, которая остается, если можно так выразиться, в рамках своей естественной среды обитания, по идее должна отвергать насилие в любых формах. Ее носители склонны поддерживать контакт с оппонентами, позитивно воспринимать их политическую субъектность.

Если же идеологии теряют связь со своей средой и применяются для подавления всех остальных проектов мироустройства, то их сущность преобразуется, приобретая черты теории, призванной обосновать или упрочить чье-то господство. В этом случае коммуникация с носителями других идеологий обнаруживает дисфункцию, что является признаком развертывания войны, предпосылкой для которой выступает одностороннее лишение оппонента статуса равного.

Это означает, что политическая идеология по своему характеру нацелена на артикуляцию интересов, презентацию частного (корпоративного) проекта будущего мироустройства, предполагает понимающее участие других акторов политической жизни и подлежит многочисленным корректировкам для ее бесконфликтного встраивания в социальную систему. Она должна дожидаться сознательного и добровольного принятия ее положений даже самыми радикальными оппонентами.

Если группа интересов, исповедующая те или иные взгляды на будущее устройство общества, чрезвычайно мотивирована на победу своего видения, но при этом несостоятельна вести многоуровневый диалог, нацеленный на достижения широкого консенсуса, то ее идеология рискует превратиться в «устав» экстремистов, которых перестают заботить

мнения тех, кто, по их мнению, неспособен понять «единственно верное учение», а следовательно – теряет связь с политикой. Идеология при этом структурно не меняется, система взглядов на мир остается той же, но она в данном случае выступает отправной точкой и главным идейным источником для информационной (или даже традиционной) войны с инакомыслящими.

* * *

Предложенные взгляды, раскрывающие сущность политики в избранном ключе, конечно, подразумевают, что *политика* «сама по себе» – очень редкий гость в истории человечества. Она «вспыхивает», быть может, на мгновения, и даже в эти мгновения, она, возможно, не в полной мере исторически существует в тождестве со своей *идеей*. Даже более того, вряд ли я бы стал настаивать на том, что политика должна существовать в активе социальной жизни как некая постоянная данность. Эффективная, деятельная система власти в период активного развития того или иного общества, внутри этого общества делает вероятность «свечения» политики минимальной. Что обсуждать и отстаивать, если общая цель уже воплощена в государстве-праве? Не о чем договариваться, учитывая множественность интересов.

Примером может быть феномен Смутного времени. Собственно Смутное время – это картина яростного состязания властей, когда все (от крестьян и казаков до аристократии и духовенства) испробовали свой шанс реализовать индивидуальный проект будущего без оглядки на тех, кто с ними «в одной лодке». Смута завершилась политическим решением, которое, на фоне множественных компромиссов, устроило большинство игроков. Сам период Смуты – это не время политики, а время состязания властей. Преодоление ее произошло путем политического взаимодействия, открывшего выход из ситуации патовой или проигрышной для всех.

Политика, как сфера деятельности по консенсусному социальному конструированию будущего, требуется более всего как *навигатор*, когда общественный корабль сбился с курса, гарантирующего сохранение баланса интересов основных групп общества, или этот баланс уже разрушен и обще-

ство оказалось на пороге катастрофы. В обычное же время обществу достаточно и работоспособного государственно-правового механизма.

Литература

1. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
2. Байме К. Політичні теорії сучасності. – К., 2008.
3. Мараховский В. Вечная девочка приближает торжество патриархата https://sponsr.ru/marahovsky/3249/Vechnaya_devochka_priblijaet_torjestvo_patriarhata
4. Карпунова Н. Г. Політична культура юриста: філософсько-правовий аспект // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е.А.Дідоренка. Спеціальний випуск. №2-2010. Частина 2. – Луганськ, 2010.
5. Политология / За ред. О. І. Семківа. – Львів: Світ, 1994.
6. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000.

***Виталий Даренский**
darenskiy1972@rambler.ru*

НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА: ГОСТИ ИЗ БУДУЩЕГО?

Исследование феномена непризнанных государств в настоящее время стало одной из актуальных тем в политологии и теории международных отношений. Особую важность эта тема имеет для ученых России, поскольку на территории «бывшего СССР» образовался ряд таких государств, населенных русскими и находящихся под дипломатической защитой Российской Федерации. Понимание перспектив этих государственных образований возможно на основе анализа самого широкого контекста – исторического, культурологического и геополитического. Целью данной статьи является концептуализация этого феномена как важного геополитиче-

ского тренда XXI века. Национальные процессы в современном мире крайне разнообразны и включают в себя прямо противоположные тенденции в различных регионах мира. Если в некоторых странах «третьего мира» еще имеют место вполне классические национально-освободительные движения, то в большинстве стран Евросоюза идет «размывание» национального сознания как такового; США в качестве национальной идеи культивируют расистский миф о своей «исключительности» и идеологию глобального империализма; в Китае национальным принципом является идея модернизации и вестернизации; в Индии и арабском мире национальное сознание основано на верности своей религиозной традиции, а модернизация рассматривается как средство ее защиты от внешних посягательств. Россия в этом контексте занимает особое место: здесь национальное возрождение является главным условием самого существования страны и государства в современных условиях. И особенно острый и актуальный характер приобретает проблема национальной консолидации на определенной идейной и мировоззренческой основе в непризнанных государствах, возникших после распада СССР.

В новейших исследованиях данная проблема рассматривается в широком цивилизационном контексте. Например, один из авторов коллективной монографии «Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии» (2017) отмечает: «Подавляющее большинство современных государств не способно сегодня в одиночку обеспечить ни своей безопасности, ни своего процветания перед лицом возможного конфликта, а, следовательно, они являются политически и экономически зависимыми от внешней инстанции» [1, с. 33]. Тем самым, вполне очевидно, что различие между признанными и «непризнанными» государствами носит формально-юридический характер, однако в реальности и большинство официально признанных государств не являются в полной мере суверенными, поскольку политически и экономически зависят от «великих держав» – своих геополитических «покровителей».

Для непризнанных государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, эта ситуация, в свою очередь, усугубляется еще и тем обстоятельством, что российская государственность находится в состоянии становления в контексте процессов евразийской интеграции. В этом контексте актуальна идея

о том, что «следующим этапом развития Евразийского союза должен стать Российский союз как государственное оформление (возможно, и федеративное, и даже конфедеративное) российской цивилизации, Русского мира, российского социокультурного пространства... Российский союз с идеологией, строящейся на основе учения Н. Я. Данилевского, теории евразийства и современных социально-философских и политико-экономических концепциях, имеет необходимый потенциал цивилизационного строительства» [12, с. 44]. Очевидно, что развитие в этом направлении требует мощной идеократической основы, которая бы делала привлекательным такой союз для многих евразийских государств, соответствуя мировоззрению их граждан и их культурным традициям. Тем самым, в отличие от тоталитарных и авторитарных идеологических государств, а также в отличие от манипулятивных демократий так называемого золотого миллиарда, новый русский тип идеократического государства должен опираться на глубокую идейную, мировоззренческую основу, а последняя – на историческую традицию.

В сентябре 2015 года Президент России Владимир Путин в интервью американскому телеканалу CBS накануне своего выступления в ООН озвучил принципиально важный тезис: «Русские оказались самой большой разделенной нацией в мире сегодня». Тем самым, речь идет не только о возрождении народа внутри самой Российской Федерации, но и о защите и интеграции соотечественников, оказавшихся с 1991 года за ее пределами. В данном случае можно говорить об особой разновидности политики ирредентизма (от итал. *irredento* – «неосвобожденный») по объединению народа в рамках единого государства или единого цивилизационного пространства, что выражается в национальной мобилизации, при которой поднимается вопрос о воссоединении территории, на которой проживает народ-«ирредента», с титульным государством этого народа. Возвращение Крыма в состав России и Национально-освободительная война на Донбассе с образованием Республик являются началом этого процесса, который, как показывает история, всегда бывает достаточно длительным и сложным.

Главной предпосылкой и основой этого процесса является не только возрождение российской государственности, армии и экономики, но и национальное возрождение в самой

Российской Федерации, которое вынуждены признать и «либеральные» социологи: в России «к концу 1990-х годов произошла фундаментальная переоценка ценностей. Причем, что очень важно, не столько на уровне идеологии, сколько на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира. Самобытность России, которая раньше казалась недостатком, теперь выступила в качестве достоинства... в настоящее время общественное сознание консолидируется вокруг российских ценностей. В этой связи, прежде всего, надо отметить большую эмоциональную значимость самого понятия Россия, а также тесно связанного с ним понятия русский» [5, с. 167]. Эти настроения ясно свидетельствуют о том, что русский народ в настоящее время испытывает потребность в консолидации на основе собственных ценностей и в развитии самосознания, обеспечивающего его единство. Тем самым, сама «русскость» стала единственной возможностью выживания народа и государства и единственным путем к их возрождению. «Антизападные» настроения – это не только результат разграбления страны в 1990-е, но и результат возрождения исторического сознания, а также знания о реальной истории России, которая в XX веке трижды подвергалась агрессии и грабежу со стороны Запада: сначала путем организации Революции с последующей гражданской войной, затем организации агрессии объединенной Европы во главе с Гитлером. Затем после 1991 года Россия была в очередной раз разграблена и выброшена в болото стран «третьего мира», которые вообще не могут развиваться в принципе, поскольку их экономика полностью контролируется Западом, высасывающим из них всю реальную прибыль и ресурсы через глобальную банковскую систему. Поэтому совершенно абсурдно сравнивать «благополучие» грабителя (Запад) и ограбленных им людей (весь остальной мир). А когда ныне Россия стала возрождаться и выходить из «третьего мира», Запад вновь, естественно, всячески старается этому помешать.

Но эти усилия Запада в настоящее время уже получают адекватный русский ответ. Основой возрождения России, которое сейчас происходит, несмотря на яростное и враждебное сопротивление Запада, является развитие в России непотребительского общества с суверенными ценностями. Единая прочная общность российской нации, которая включает в

себя в том числе и Республики Донбасса, основана на понимании двух фактов: 1) только в рамках России как большого и самодостаточного государства могут быть обеспечены условия достойного развития в разных сферах жизни – в противном случае, народы, живущие на этой территории, были бы обречены на падение в нищету и стагнацию «третьего мира» без всяких перспектив; 2) только в рамках России как особого цивилизационного пространства живущие здесь граждане остаются хотя бы относительно защищенными от таких мощных деградиционных воздействий извне, как целенаправленное разрушение Западом традиционной морали и традиционной семьи, которое очень быстро приводит к вырождению человека до уровня «биосоциального автомата» – этого идеального субъекта «цивилизации потребления», обреченного на вымирание. Возрождение русского народа за пределами Российской Федерации почти неизбежно приводит к вооруженной борьбе с теми русофобскими государствами, на территориях которых осталось русской население или этносы, тяготеющие к России.

Приднестровье, Южная Осетия и Абхазия создали прецедент национально-освободительной войны, продолженный затем республиками Донбасса. Как справедливо отмечает А. Г. Большаков, «глобализация создала дополнительные возможности для длительного существования непризнанных государств, без их формального признания другими странами. Это постепенно становится нормой» [3, с. 83]. В глобальном же масштабе исследователи обычно называют такие примеры, как Тайвань, Косово, Сомалиленд. Первым мощным прецедентом этого явления в XX веке стал Тайвань, на котором находится частично признанная Китайская Республика (в теории претендующая на весь Китай), хотя права на остров заявляет КНР, с точки зрения которой Тайвань входит в одноименную административную единицу КНР. Эта ситуация возникла в 1949 году, когда, потерпев поражение в гражданской войне от войск Мао Цзэдуна, глава правительства Республики Китай генералиссимус Чан Кайши укрылся на Тайване. Вместе с ним туда переехали его партия Гоминьдан, администрация и парламент.

Более шестидесяти лет существуют и непризнанные государства, которые претендуют на некоторые территории Мьянмы (Бирмы) и фактически частично контролируют эти

районы. Однако ни одно из таких образований не было признано суверенными государствами мира и ни одно из них не смогло обеспечить защиту населения от военного конфликта.

Примером того, к каким страшным последствиям может привести неспособность народа создать свое хотя бы и непризнанное, но способное обороняться государство, является геноцид в Руанде против народа тутси – массовое убийство руандийских тутси местным народом хуту 6 апреля – 18 июля 1994 года, осуществленное по приказу правительства хуту. В ходе этих событий погибло, по разным оценкам, от 500 000 до 1 000 000 человек, среди которых тутси насчитывали около 70 процентов. Общее число жертв составило до 20 процентов от всего населения страны. Этот геноцид был четко спланирован руандийской политической элитой и непосредственно осуществлялся армией и жандармерией. Бойня происходила прямо на глазах у различных международных организаций и миротворческого контингента ООН, который фактически остался безучастным. Этот геноцид стал результатом гражданской войны, начавшейся в 1990 году между правительством хуту и Руандийским патриотическим фронтом, по большей части состоявшим из беженцев-тутси, вместе с семьями перебравшихся в Уганду после прокатившегося по родине массового насилия над тутси.

Наоборот, важным позитивным примером является непризнанная Нагорно-Карабахской Республикой, которая официально существует после того, как 5 мая 1994 года был подписан Бишкекский протокол о перемирии и прекращении огня между Арменией и самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республикой, с одной стороны, и Азербайджаном – с другой стороны. Как писала Г. В. Старовойтова, «с точки зрения международного права этот конфликт является примером противоречий между двумя фундаментальными принципами: с одной стороны, права народа на самоопределение, а с другой стороны, принципа территориальной целостности, согласно которому возможно только мирное изменение границ по соглашению» [11, с. 177]. Именно эта правовая коллизия снова и снова возникает при всех подобных конфликтах, в том числе и на Донбассе. Как отмечает Д. Г. Николаев в работе «Феномен непризнанных государств

в мировой политике», «стремление различных территориальных образований к отделению, желание наций и территорий обрести независимость или присоединиться к другим государствам, а также возможность их международного признания в качестве независимых государств создают проблемы не только для правительств и населения стран с такими территориями, но и для мировой политики в целом» [9, с. 27]. При этом «непризнанное государство можно определить как организацию независимой публичной власти на территории, являющейся по формально-правовым основаниям частью другого государства. При этом данное определение предполагает, что непризнанное государство и государство, из состава которого оно выделилось, имеют внутривнутриполитический конфликт, не позволяющий признать независимость отделившейся территории не только государству, считающему ее своей частью, но и другим странам мира» [8, с. 39]. Соответственно, чтобы иметь реальную перспективу признания в будущем, как отмечает далее тот же автор, «непризнанные государства должны также не только быть состоятельными в плане создания полноценной государственной структуры со всеми необходимыми функциями и атрибутами власти, но и быть потенциальными субъектами международных отношений (с наличием специальных органов). Осознание народом и органами власти отделившейся территории своей независимости должно дополняться признанием или хотя бы восприятием другими странами созданных государств в качестве потенциальных или реальных акторов международных отношений» [9, с. 39].

Н. А. Добронравин в работе «Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации» (СПб., 2011) отмечает, что непризнанные государства – не аномалия, а один из обязательных компонентов «серой зоны» мировой политики, пространства между суверенными государствами и негосударственными политическими образованиями. Вместе с тем, «для международного признания нового государства недостаточно даже явно выраженного желания (например, в ходе референдума) большинства жителей отделившейся территории» [7, с. 50]. Главное правило трансформации непризнанного политического образования в суверенное государство этот автор определяет как позитивное «правило признания жертвы»:

«больше шансов на международное признание у политического образования той группы населения, которая рассматривается в мире как жертва «плохого» суверенного государства. Если мировое сообщество осуждает политику «плохого» суверенного государства, возникает право на гуманитарное вмешательство, в том числе на ввод иностранных военных и полицейских сил государства-покровителя. Поддержку извне при этом получает меньшинство, которое на «своей» территории превращается в большинство и приобретает право на самоопределение и создание нового суверенного государства» [7, с. 52]. Данное правило, основанное на анализе мирового исторического опыта, следует максимально использовать при разработке стратегии внешней политики и международного «имиджа» ЛНР и ДНР. Н.А. Добронравин на полном основании прогнозирует полиморфизм будущего глобального мироустройства, в котором и так называемые «непризнанные» государства будут занимать свое место как один из его элементов: «светлое поствестфальское будущее Европы, Азии и Африки, а также государств-продуктов деколонизации XX в. в других регионах мира, скорее всего, принадлежит как суверенным государствам и объединениям государств наподобие нынешнего Европейского союза или более имперского типа, так и непризнанным государствам» [7, с. 55]. Россия как «государство-покровитель» в настоящий момент имеет еще ограниченные возможности легитимации «непризнанных государств», однако уже сама необходимость их поддержки является мощным позитивным фактором формирования новой патриотической политической элиты, выработки ею привычки к стратегическому мышлению и политическому риску [2].

Республики Донбасса возникли на основе устойчивой региональной идентичности, которую в науке принято определять как идентичность «новороссийскую» (независимо от политических коннотаций самого этого термина). В настоящее время старое слово «Новороссия» (официально существующее с 1764 года как название губернии) приобретает свой истинный буквальный смысл: это новая, возрождающаяся Русь. Поэтому это слово перестает быть термином чисто географическим, но становится глубоко жизненным, даже нравственным понятием-символом. В частности, можно сказать так: та

часть населения Украины, которая хочет защитить свой общерусский язык и не приемлет «евродеградацию» – это суть новороссы в нравственном смысле: это люди, верящие в Новую Русь и уже фактически являющиеся ее органической частью. Народ Новороссии, сформированный в эпоху самого интенсивного общеевропейского Модерна, отличается самым высоким среди населения Украины развитием структур современного, т. е. рационально-критического мышления именно на уровне массового сознания. Благодаря этому оно остается и наиболее устойчивым перед попытками любых идеологических манипуляций. Этим, в частности, объясняется тот факт, что именно Новороссия оказала столь упорное и героическое сопротивление двум неонацистским «майданам». «Украинская» русофобская мифология, рассчитанная на эксплуатацию диких атавизмов домодерного мышления (утопизм, образ врага, эмоции толпы и т. п.), именно здесь натолкнулась на массовый «иммунитет» к таким манипулятивным технологиям. В настоящее время, когда Украина ступила в период Новой Руины и саморазрушения, процессы XVII–XVIII вв. повторяются в новых условиях, но приведут к тому же итогу.

Образование непризнанных государств с последующим процессом их частичного признания – т. е. признания одними странами мира и непризнанности другими – будет одним из важных геополитических трендов XXI века, объективно обусловленным утопичностью американской модели «однополярного» мира. Объективно распад неизбежен для многих стран – марионеток США, народы которых не хотят мириться с этим положением. В таких странах неизбежно будет возникать территориальный раскол (и не обязательно по национальному признаку), при котором одна часть страны будет отделяться от другой. Украина в этом отношении является важным прецедентом.

В этом контексте Республики Донбасса являются одними из «первопроходцев» на этом нелегком и героическом пути. Большинство современных стран были созданы в XX веке с такими искусственными границами, которые были выгодны комуто другому, но не народам, которые проживают на этих территориях. Если границы стран «третьего мира» создавались уходящими колониальными империями, то границы нынешней Украины были созданы большевиками во время

Брестского мира (капитуляции), т.е. фактически были взяты с карт германского генштаба, планировавшего создание здесь марионеточного государства. Затем в рамках СССР из Украины создавали «образцово-показательную» республику, и именно для этого отдали ей промышленную Новороссию и побережья морей. И теперь плоды этого «марионеточного» наследия приходится пожинать кровью и войной. Но поскольку иного пути нет, этот путь нужно пройти до победного конца. Это процесс может растянуться на десятилетия в XXI веке.

Литература

1. Аблеев С. Р., Золкин А. Л., Кузьминская С. И., Марченя П. П. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии: Монография. М. : ИПЛ, 2017. 192 с.
2. Арпентьева М. Р. Непризнанные республики: проблемы национального единения и международных отношений // Актуальные проблемы укрепления единства российской нации (философско-культурологические, этно-конфессиональные и психолого-педагогические аспекты)». Пермь : Изд. ПГУ, 2016. С. 17–22.
3. Большаков А. Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. 2007. № 3. С. 83–89.
4. Бондаренко Д. Я. Украинский национальный проект: история становления // Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов. М. : МГУ, 2008. С. 69–77.
5. Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М. : ИС РАН; Фонд Ф. Эберта, 2010. 234 с.
6. Даренский В. Ю. Российская идентичность в современной Украине: проблемы и перспективы // Россия и современный мир. 2014. № 2. С. 44–57.
7. Добронравин Н. А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 56 с.
8. Крымский С. Б. Русское сообщество Украины (PCY) // Русский мир Украины. Энциклопедический словарь. К.: Радуга, 2008. С. 150–151.

9. Николаев Д. Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 27–41.

10. Панарин А. С. Россия в социокультурном пространстве Евразии // Москва. 2004. № 4. С. 169–186.

11. Старовойтова Г. В. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб. : Фонд А.Д. Сахарова, 1999. 206 с.

12. Филатов А. С. Евразийский союз: идейные основания и политическая реальность // Традиционализм в эпоху революций: Культурная политика и цивилизационный выбор: Коллективная монография / Отв. ред. В. Н. Расторгуев. М. : Институт Наследия, 2017. С. 35–44.

Владимир Ветев

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ПРЕДТЕЧА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Ближний Восток – это родина трех основных, т. н. авраамических религий, повлиявших на мировоззрение человечества. Распространившись по Планете, три конфессии подарили народам мира Талмуд, Библию и Коран, чтение которых подтверждает нашу общую историю и природу человека, научает различным знаниям и мудрости. Даже поверхностно изучив все три Книги, понимаешь, что они часто описывают одни и те же события в жизни обычных людей, пророков, мудрецов и царей. В силу культурных отличий персонажи имеют другие имена.

До наших дней дошли древние иероглифы и клинописи на каменных стелах, глиняных таблицах, папирусах и пергаментах, но стиль и содержания этих артефактов не могут расшифровать или понять даже узкие специалисты, а главы и суры из Священных книг понятны ученым и простым людям, что указывает на Богодухновенность письменных источников. В еврейском сборнике текстов Ветхого Завета не было слова «Священное Писание», поэтому мы рассмотрим каноны Священного Писания христиан.

Рационализированная картина мира

В восточном Средиземноморье попытку построить рационализированную картину античного мира предпринимали мыслители разных стран. Мистика, мифология и результаты наблюдений легли в основу специальных знаний, которыми обладал античный человек. Логика, физика и метафизика, мораль входили в создаваемую науку, христианству предшествовал гностицизм, находившийся в тесной связи с еврейской и языческой религиями, с различными представлениями Востока о религии. Гностики вобрали в себя учение Платона, стоика Посидония – учителя Цицерона, пифагорейцев, но исторический вес получили позднее как разработчики христианской доктрины. Гностики поделили людей на две части:

1. Тех, кто принадлежал к материальному миру.
2. Тех, кто принадлежал к высшему свету.

Позднее усовершенствовались и начали делить всех на три группы:

- а) у кого только тела,
- б) у кого только душа,
- в) имеющих дух – пневматиков.

Себя гностики относили к последней группе. Заменили веру знаниями и извращали слова Священного Писания, переведя содержание в аллегории. Познание Бога стало иррациональностью, а не рациональным событием... С ними соглашались не все, поэтому гностицизм признали ересью.

«Всякого познания начало есть удивление», – говорил философ-геолог Климент Александрийский. Позднее это высказывание трансформировалось в триаду познания:

- Не может быть!
- В этом что-то есть...
- Кто же этого не знал!

Известно, что родоначальником европейской философии явился мыслитель Фалес, проживавший в г. Милет Малой Азии и основавший милетскую школу философии. Позднее возникли другие философские школы (напр., академия Платона, школа Аристотеля под названием Ликей). В последней каждое новолуние устраивались посвященные музам общие трапезы. Собирались ученики со всего эллинского мира, и Иисус из Назарета слышал об этой традиции.

Ближний Восток в древние времена представлял пример восточного деспотизма и греческой философии. В Средиземноморье проводились дискуссии о понятии личности, нравственных ценностях, свободе и моральной ответственности. Античные философы исследовали генезис философии, упорядочившийся в семь важных вопросов :

- 1.Что такое вообще философия?
- 2.Из чего она возникла?
- 3.Как она возникла?
- 4.Когда?
- 5.Где?
- 6.Почему?
- 7.Зачем?

Из этих вопросов складывалось мировоззрение как совокупность знаний о мире, форме отношений мышления и бытия.

Мистика и наука в философии

Реальные концепции генезиса философии указывали на два начала философии: мистическое и научное. Также мыслители говорят о стихийной нравственности, которая примыкает к этим двум началам.

Огромное значение в Северной Африке имела эллинская экспансия, изучение жителями приморья греческого языка в ущерб национальным. Развивалась Александрийская философская школа, Александрийская библиотека, вмещавшая множество копий книг древних поэтов и философов. Возникновение философии явилось не каким-то формальным, а содержательным переворотом в духовной жизни человечества, поэтому и считается что «Философия – достояние свободного человека».

Первой философской наукой принято считать логику, служащую, по мнению идеала античного философа Сократа, для повиновения разума и развития того, что в нем находится. Его ученик Платон много перенял от Учителя, привнес в философскую науку, за что и назывался «славным Философом древности». Он и в сумраке видел действительность человеческого падения, и необходимость искупления. Мыслитель показал превосходство веры над самым совершенным разумом и невозможность соединить мудрствование человеческое с премудростью Божией.

Подобные вопросы пытались рассматривать и греческие поэты. Так, развивая античную этику, поэт и философ Гесиод написал поэмы «Теогония» и «Труды и дни». «Меру во всем соблюдай и дела свои вовремя делай» – его попытки развить этические начала в обществе, как и предписание не обижать чужестранцев, сирот, старого отца...

Поэмы Гесиода пользовались в Элладе успехом, были сокровищницей моральных сентенций и полезных советов, но смыслом жизни греков не стали. Мифы о Прометее и Пандоре дошли до наших дней. Там Зевс наказал Прометея, но огонь у людей отобрать не смог. Подобным образом отобразилась мысль о необратимости прогресса. Зевс мог только компенсировать получение людьми блага новым злом. Это суть богов Олимпа.

Громовержец приказал другим богам создать женщину, имя ей дали Пандора. Новое существо обладало «двуличностью и лживой душой». От нее произошел «женщин губительный род». Из любопытства Пандора заглянула в ящик с бедами, выпустила их на волю и теперь только одна Надежда поддерживает людей, одолеваемых бедами.

Это была рассудительная мифология Гесиода и здравого смысла, философски рассматривающего имевшиеся проблемы. Двоюродный брат Зевса – Прометей в противовес родственнику, научил людей всему, наделил речью и мыслью, обучил наукам и земледелию.

История донесла до наших дней список «семи мудрецов», внесших огромный вклад в формирование античной философии. Первым поставлен Фалес Милетский, в числе – Солон, Питтак и другие. Плутарх в своем произведении «Пир семи мудрецов» описал даже встречу философов у коринфского тирана Периандра, самого являвшегося философом. До наших дней дошли высказывания «семи мудрецов». Это плод практического рассудка и размышлений. Мирская этика известных античных философов указывает на кризис мифологического сознания и мировоззрения, на первый план выходит житейская мудрость. К ней относились афоризмы или гномы.

«Ничего сверх меры» или «познай самого себя» пользовались вниманием и даже были высечены над входом в дельфийский храм Аполлона. В афоризмах зародилась античная этика-учение о нравственности, совесть как переживание,

расхождение между должным и сущим в поведении человека. В основе этических норм лежал принцип: «Меру во всем соблюдай!», поэтому зло понималось как безмерность, а благо – как умеренность. До наших дней дошли конкретные изречения. Это советы Бианта – «Говори к месту», Хилона – «Не позволяй своему языку опережать твой разум», Питтака – «Знай свое время», Фалеса – «Мудрее всего время, потому что оно все открывает», «Больше всего пространство, потому что оно все в себе содержит». Подобные гномы совершенствовались отношения между людьми.

Фалес распространил такую форму всеобщности, что это повлияло на мировоззрение общества. Мыслитель был не только первым среди мудрецов, но и первым античным ученым. Артефакты показали, что первоначально античные философы обучались в Египте, Вавилонии, даже Индии и быстро превратились в греческих учителей. Философия стала мировоззрением городского класса, ищущего основу мироздания. Общество переходило от тиранических к демократическим формам государственного устройства и личной инициативе. Сочинения Платона и Аристотеля развивали античную философию. На трудах этих мыслителей выросла многочисленная плеяда перспективных и талантливых последователей, заложивших концепцию классической философии.

Наибольшую известность получили ионические мыслители и ученые. С Ионии – передовой части Эгейского моря вышли поэт Гомер, Фалес, Кадм Милетский, историк Геродот, географ Гекатей Милетский, Эпикур, Аристарх и другие. Ионийскую философию представили мыслители Милетской школы и философ-одиночка царь Гераклит. Учение выглядело стихийно-материалистическим, с элементами идеализма. Но присутствовала рациональность, способствовавшая социальным преобразованиям в Элладе. Жемчужиной выделялся признанный первым философ древнего мира Фалес, который являлся и патриотом Ионии, даже предлагал ионийским полисам объединиться перед угрозой Лидии, затем Персии. Философа не послушались.

Научные знания этот греческий мудрец получил в Азии и Африке, позднее прибыл в Милет. Его ученик Анаксимандр известен сочинением «О природе» (VI век до РХ), материалистический монизм (учение о возникновении всего из одного начала) этого философа, «писавшего вычурной прозой»,

удивлял соотечественников, но диалектика не увеличила ученому последователей. Как и использование практических наработок – солнечных часов, известных ранее на Востоке, глобуса и географической карты.

Рядом с Милетом находился полис Эфес, бывший родиной Гераклита-философа, принадлежащего к царско-жреческому роду. Мыслителю принадлежит философское сочинение «О природе», состоящее из трех частей: о Боге, о Вселенной и о государстве. В труде просматривается идея меры, обобщенная в понятии о Логосе. У Гераклита это объективный закон мироздания.

Пифагорейцы, элеаты, софисты

Трудно представить античную культуру и философию без пифагорейцев, объединенных в Пифагорейский союз. Основателем данного научного сообщества явился Пифагор, родом из Ионии. Мыслитель более двадцати лет научался у греческих мудрецов, после чего философ и математик вернулся в «Великую Грецию» – город Кротон. Там и возникло ставшее известным научно-философское и этико-политическое сообщество единомышленников. Члены пифагорейского союза отрицательно относились к анархии, а источник государственных законов видели в Боге. Союз был закрытой организацией, проповедовавшей монотеизм и политеизм. Геродот назвал Пифагора «величайшим эллинским мудрецом». Об ученом складывали легенды и мифы, наподобие того, что «мыслителя громким человеческим голосом приветствовала река Кас», сам известный грек прошел ряд перевоплощений, первое из которых – превращение в Эфиальта, сына бога Гермеса. Сам ученый считал, что существует три вида разумных живых существ: Бог, человек и подобные Пифагору.

Из разных источников известно, что философ накладывал на себя различные табу, в том числе и пищевые (голодал). Пифагор научал, что «справедливость... есть число, помноженное на себя самого», а также – «душа есть гармония». Мыслитель ввел в оборот и слово «философ». Из методик пифагорейского союза известно, что пифагорейцы лечили тело гимнастикой и наружными лекарствами, а душу – музыкой. Они избегали отрицательных эмоций, для чего использовали психотерапию.

Ученик Пифагора Филолай пытался объяснить существующее мироздание, даже писал о подвижности Земли и гармонии. Дал ей определение: «Гармония есть соединение разнородного и согласие несогласного». (Христиане позднее в подобном ключе дали понятие веры: «...осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»).

Память о своем учении оставила также философская школа элеатов, возникшая в «Великой Элладе», в городе-полисе Элея. Известные ее представители – Зенон, Мелисс, Парменид и Ксенофон. К главным достоинствам этой философии относили вопрос о соотношении бытия и мышления, являвшегося основным вопросом философии.

Аристотель называл философа Зенона изобретателем диалектики – искусства рассуждения и спора. Ученый эллин доказывал от противного, сводя к абсурду точку зрения оппонентов, отличавшуюся от собственного мнения. Известны две зеноновские апории, каждая из которых состоит из тезиса и антитезиса. Типичной ошибкой философа являлось предвосхищение в доказательстве, но рассуждения этого мыслителя развивали предметное мышление. Зенон стал аргументировано доказывать свои выводы и общие положения, чем и запомнился.

Последним представителем школы элеатов был Мелисс, философ и крупный государственный деятель. Этот мыслитель дал четкое изложение учения элеатов, ему принадлежит формулировка – «из ничего не бывает ничего». Она принята всеми античными философами. Для Мелисса бытие и сущность вечны, хотя даже Парменид утверждал, что бытия нет в прошлом и будущем, оно существует только в настоящем.

Выводы Зенона и Мелисса частично опирались на учения Парменида, развившего понятие единого мирового бога и поставившего вопрос о соотношении бытия и мышления.

Последним крупным представителем великогреческой физики явился Эмпедокл. Все процессы в мироздании мыслитель объяснял борьбой двух антагонистических начал. Это – любовь (другие имена – Гармония, Радость, Афродита) и ненависть – причина зла. Эмпедокл размышлял над тем, что раньше возникло – флора или фауна? Писал автор и о естественном отборе.

После известных греко-персидских войн, наступил период расцвета классической Греции, в том числе наук. Появляются софисты (мудрецы), а риторика, логика и философия вытесняют музыку и гимнастику. В народных собраниях и судах умение говорить и переубеждать становится важным элементом бытия. Под софистикой начали понимать и умение извращать реальность. Эти философы развили релятивизм – учение об относительности мира. Софисты вели странствующий образ существования и там, где они появлялись, догматизм традиции сильно колебался. Техника рассуждения софистов пробуждала мысль: «Где же истина?» Ответ искал каждый индивидуально: «Мера всех вещей – человек. Главный критерий – выгода». Это был фундамент этического релятивизма, действующего при определении критериев: «Хорошо-плохо? добро-зло?». Рождался вывод: «Способность к добродетели дана всем» – привыкая быть храбрым, человек становился храбрецом. И это был этап эволюции личности.

Софистов волновала проблема происхождения и сущность религии. Многие мыслители полагали, что «религия возникает вследствие того, что люди поклонялись полезным явлениям природы». Не менее важным являлись утверждения о том, что «под справедливостью понимается стремление не нарушать законы...» и « по природе мы все во всех отношениях равны и варвары, и эллины. Бог создал всех свободными».

Греческий философ-поэт Кратет Фиванский, из последователей Диогена Синопского, в одном из своих стихотворений писал:

*Хочется праведным стать
и такое добыть мне богатство,
Чтобы к добру привело, делая лучше людей.*

Автор писал о богатстве духовном – как высшей ценности, ради которой поэт жертвовал всеми обыденными житейскими радостями и получил прозвище «Всех дверей открыватель». Когда Кратет заходил в какой-нибудь дом, гостя встречали с почетом и радушием.

В греческой философии выделяется ученик Сократа – мыслитель Платон, основатель Академии – философской школы. В труде «Закон» Платон говорит о Боге как о мере всех вещей. У мыслителя время возникает позднее, вместе с

небом, а само небо создал бог-демиург. Космос – это осуществление бога в материи, превращение физического мира в живой организм. По Платону мы имеем три части космоса: ум, душу и тело. В платоновском «Государстве» на боге нет никакой вины за характер жизни людей – они плод собственного свободного выбора.

В вопросах теологии дальше продвинул его учение Аристотель, великий античный философ. В качестве движущей силы выступает бог-перводвигатель, «предмет любви» и неизменен. Бог есть живое существо с божественным мышлением. Бог – одна из форм земной духовности, Бог Аристотеля – духовный абсолют.

Классическая философия мирно уживалась с политеистической религией, которая преобладала в восточном Средиземноморье, и только Иерусалим с прилегающими территориями представлял из себя образец монотеизма. Ряд античных философов понимал, что множество богов – это анахронизм. Так, мыслитель Анаксагор в своем трактате «Физика» писал: «Согласно мнениям людей, существует множество богов, по природе же – один...» Так думал и Диоген Синопский, одно время проживавший в глиняном пифосе: «Все полно присутствием бога».

В первом веке нового летоисчисления наступила рефлексия, а затем декаданс эллинизма, усиливший мистические настроения. Еврейский философ Филон Александрийский, писавший на древнегреческом языке, исходил из иудаистского мировоззрения, пытался синтезировать иудаизм с античным идеализмом и полагается, что с него началась деградация античной философии. На смену философии пришло новое религиозное мировоззрение – христианство.

Новое мировоззрение – христианство

Первоначально новое учение считали еретическим движением в иудаизме. Евреи называли христианство «назарейская ересь», а Иисуса Христа (в переводе – помазанник) называли просто пророком, самозванцем. Вначале за Мессией последовала небольшая группа приверженцев, иудеи-христиане не отказались от исторической книги, названной «Танах» (Ветхий Завет). Даже дополнили его Священным Преданием, а затем «Галилейской лилией» – Евангелием, именуемым еще Священным Писанием. Ортодоксальные семиты-евреи его не

приняли, на первое место ставили даже не Ветхий Завет – назидательную книгу справедливости, а Тору, Каббалу и Талмуд, содержание которых требует осторожного их познания из-за временами нетерпимого отношения к другим народам с их религиями. Что касается Танаха, вошедшего позднее в Библию, то на формирование его текстов оказали влияние иранская, шумеро-аккадская, финикийская и вавилонская мифологии. Иудеи даже объявляли язычника-персидского царя Кира Первого – мессией бога ЯХВЕ.

Классические формы античной эллинской философии во многом не противоречили христианскому учению, поэтому греки первыми его приняли, оказавшись наиболее подверженным новым религиозным переменам. Ветхий Завет еще ранее перевели на греческий язык под названием «Септуагинта», куда включили и «второканонические книги», не принятые иудеями-раввинами. Еврейские книжники только во II веке до РХ установили окончательный иудейский канон, изложенный в Торе, а затем в Танахе.

Авторитетный философ Спиноза, еврей по национальности, доказал, что «Пятикнижие Моисея» – первые пять книг Торы и Ветхого Завета написаны в V веке до РХ, а книга «Паралипоменон» – во II веке до нашего летоисчисления. Его не менее уважаемый соотечественник-аристотелик Моисей Маймонид пытался согласовать Тору – книгу еврейского этноса с «истинной наукой-философией». Греческая наука, по утверждению еврейского мыслителя, ведет человека к совершенству – интеллектуальному, моральному и телесному.

Апостол Павел, проповедуя на землях Эллады, видел памятник «Неведомому Богу». Являясь политеистами, греки интуитивно чувствовали присутствие Бога Живого и первыми положительно отреагировали на новые знания, изменившие мир.

Эллины, являясь родоначальниками классической философии, не могли пройти мимо содержания «Танаха». Принято считать, что религия действует на рассудок человека, а философия заставляет размышлять. Но «Притчи Соломона», «Книга Екклесиаста или Проповедника» и «Премудрости Соломона» являются философскими шедеврами. Многие стихи из этих духовно-философских трудов оказали влияние на европейскую культуру, стали крылатыми. «Во многой мудрости много печали», «всему свое время», «что обещал – исполни»,

«подарки портят сердце», «кто копает яму, тот упадет в нее», «все суета сует и томление духа» стали постоянными в разделах журналов и газет под рубрикой «народная мудрость». Не удивительно. Екклесиаст признавался, что «предал сердце свое тому, чтобы исследовать и саму мудрость, и безумие, и глупость». И это не является массовой культурой, а умением применять достижения человек через критическое мышление. Вывод один: «Преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмой. Превосходство знания в том, что мудрость дает жизнь владеющему ею».

И античную философию и Священное Писание объединяет общий посыл: «Бог – это Творец и Логос (Слово) и идея. Философия – царица наук, но Господь выше, ибо Он мудрость мира».

Философия жизни данные выводы сделала более понятными: «Мудрость лучше силы, лучше воинских орудий».

Среди философов актуальным является вопрос: «Что раньше возникло – яйцо или курица?». Вопрос относят к космологическим, но ответ давно дала Библия: «...и творил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода и всякую птицу пернатую по роду ее» (Бытие, 1:21)

Новые последователи христианского учения не могли отказаться от знаний, дарованных Свыше. «Все новое – хорошо забытое старое», «нет памяти о прежнем...», «что было, то и теперь есть и что будет, то уже было» – стихи стали тезисами, которые сегодня некоторые превратно разумеют и могут попасть в «круги ада» или «петли ведьмы». Минимальные последствия отчетливо видны на примере старой затертой пластинки: механизм работает, но бессмысленное звучание не передает содержание записанного. Это «дурная наследственность», движение без качественного изменения и развития, являвшегося уже не рефлексией, а отчетливо просматриваемым декадансом.

Священное Писание – основа Вечной Философии

Бессмертие души, опираясь на гнозис философских течений и учение о спасении души через веру в Иисуса Христа, атеисты долго пытались объединить в буквализескую мисте-

рию, но историческая диалектика и метафизика подтверждают присутствие Бога в мире, как и божественной Реальности. Святое Предание и возникшее на его основе Священное Писание – это основа онтологии Вечной Философии, объединяющей христианское учение и познания античных мыслителей. Наиболее характерен у греков – Канон Эпикура, где **логика** (истина), **физика** (строение реальности) и **этика** (цель человека в совокупности со способами достижения) более полно указывают на общую связь Священного Писания и учений древних философов. Не только теистов....

«Новый Завет» смог ответить на многие вопросы объективной необходимости, хотя этот труд евангелистов и наставителей новой веры относят к религиозному произведению с элементами светских аспектов. Философы пытаются использовать уникальные стихи Священного Писания в своих научных трудах, доказывая, что «философия – это вера, переведенная на разум». Если она не может служить основанием Истины, то почиталась полезной для церкви как приготовление к Вере. В основе лежат философско-богословские взгляды Иисуса Христа. Платона и Аристотеля относят к философам-гениям, но Мессия стоит выше. Христианская метафизика Иисуса Назарянина не была подогнана к системе догматов философской апологии, а строилась на природных философских построениях Учителя и Оратора. Реальность, свобода мысли и личность учившего тонко переплелись в теизм-верование в Бога Живого и в Небесное Царство, где все сокровенное приобретает. Иисус из Назарета привнес своими делами в земной мир феномен христианства. Миссионерская деятельность Иисуса Христа, которая привела к самому массовому учению, являлась элементами будущей христианской теологии – «высшей философии». О мастерстве Мессии говорит тот факт, что вначале христианство являлось небольшим религиозным течением на фоне иудаизма, но мудрые речи, притчи и доходчивые фразы Учителя обратили на себя внимание многих народов, вселили уверенность в Царство Небесное и справедливость. Следствием земного служения Мессии явился «Новый Завет» – главной книги христианства. Спаситель не запрещал своим слушателям приобщаться к достижениям цивилизации, просто сам предложил более высокие духовные и божественные идеалы, которые доминируют над материальным миром. Последователь Мессии – Иустин Философ заявил: «Кто надлежащим образом изучил философию и

просветил ею ум свой, тот легко может сделаться Христианином»).

Величайшим религиозным произведением греческого стоика Клеанфа считается «Гимн Зевсу» и признан самым значимым религиозно-мифическим произведением античности. Начинается он словами: «Властитель неба, мой отец, веди меня куда захочешь!» В Евангелии также отражена самая великая молитва Господня: «Отче Наш!», где текст по сущности и значению пересекается с языческой молитвой стоика Клеанфа. Греки оказались ближе и к Богу Живому...

Философия существует как вид мировоззрения с определенной совокупностью взглядов на мир в целом и на человека, в частности. Генезису философии предшествовал генезис мифологического мировоззрения, характерный также для мыслителей древней Индии и древнего Китая. Вобрав в себя познание и этику мира в момент зарождения рефлексии античного философского мышления, и появилось христианское учение. Никакие мифы не смогли заменить реальные знания с умением подвратить любую ситуацию строгому и точному анализу.

Философы с христианским мышлением искали в науках, особенно теологии, не столько знаний, сколько утешения и в совокупности – духовную эволюцию. Обладая философским критическим умом, мыслители приходили к Христу, к христианской вере как единственно правильной, устраняя противоречия между античной философией и христианским мировоззрением, чтобы найти Истину, объединяющую всех. Постепенно формировалась религиозная системность, основанная на сверхъестественных откровениях и рационализме. Христианская теология начала опираться на выработанную опытом дискуссий и практики посылы и методы решения проблем, возникавших с учетом распространения Нового учения. Разрешились некоторые противоречия между интеллектуальной деятельностью человека и задачами его жизнеобеспечения. И здесь духовная культура через познание мироздания приводит в итоге к научному консенсусу и тогда люди начинают понимать слова апостола Павла: «Он возлюбил меня и предал Себя за меня» (Гал.2:20). Верующие начинают меньше задавать вопросов: «Кто Он – миф или история? Тень или тело?» И отсутствует суждение в стиле Юлиана Отступника о Евангелии: «Читал, понял, осудил». Иисус Назарянин никогда не будет превзойден, и Священное Писание доступно на это указывает.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФАНТИЛЬНОСТЬ КАК ТЕХНОГЕННАЯ УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ МИРУ

Актуальность данной темы обусловлена ее важностью для современного социума. Общество, изучаемое такой наукой, как социология, находится в постоянной динамике. Подобного рода динамика вызвана, с одной стороны, спецификой самого человеческого способа общежития, а с другой – теми внешними вызовами, которые оказывают различного рода воздействия на общество как форму целого. Одна из актуальных проблем современной социологии тесно связана с теми феноменами, которые уже долгое время изучаются в рамках философии техники и философии культуры. Речь идет о феномене социальной инфантильности. Проблему социальной инфантильности можно рассматривать в двух направлениях: с акцентом на первом или на втором слове. В первом случае возможно рассмотреть эту проблему в свете социологии и социальной психологии. Однако мы предлагаем рассмотреть ее так, как показано во втором случае, то есть для изучения данной проблемы следует прибегнуть к инструментарию философии науки и техники. Таким образом, мы рассмотрим проблему социальной инфантильности в контексте проблемного поля философии техники, как часть того процесса, который испытывает влияние технологического процесса.

Так же отметим что проблема социальной инфантильности представлена достаточно слабо в рамках философских наук как на Западе, так и в отечественной научной практике. Однако в рамках психологии и социальной психологии на данный момент достаточно хорошо известен и описан феномен инфантильности как психологический процесс [3, с. 99]. В данном исследовании мы покажем взаимосвязь инфантильности социума в отношении к технологической среде человека. По нашему мнению, рассмотрение данной проблемы должно проходить на стыке философии техники и философии культуры, так как она детерминирована технологическим фактором. Технологический детерминизм достаточно

хорошо разработан как понятие, в академической научной практике.

А вот понятие социальной инфантильности является достаточно молодым в отечественном научном дискурсе. Для того чтобы описать его, мы прибегнем к разделению данного понятия на два других. Прежде всего рассмотрим понятие социальности. В контексте современных когнитивных наук под социальностью понимают набор приобретенных свойств, которые позволяют человеку инкорпорироваться в социум [2, с. 211]. Эти свойства приобретаются человеком в процессе инкультурации – усваивания и воспроизведения культурных паттернов. Некоторые источники синонимизируют это понятие с понятием социализации. Исходя из этого, мы можем опереться на явный критерий полезности, относительной успешности социализации.

Явным же является и то, что все свойства, приобретенные человеком в процессе социализации, мы можем разделить на ведущие к эффективной социальной динамике и ведущие к деструктивной социальной динамике. Человек, взрослея и сталкиваясь с процессом коллективной жизни, испытывает ряд влияний, каждое из которых оставляет свой след. Это могут быть как благоприятные, так и деструктивные влияния. Преобладание тех или иных форм влияний качественно отображается на гармоничности личности. Целью таких социальных институтов, как школа или вуз, является в том числе и созидательное формирование положительных социальных качеств. Это происходит как путем присвоения новых положительных качеств, так и путем ликвидации (или минимизации) деструктивных. Преобладающее число полезных социальных качеств помогает человеку успешно существовать в рамках социума, достигать поставленных целей, оказывает прямое воздействие на достижение личного счастья.

Но что можно сказать о социальной инфантильности, как о процессе, существующем в динамике? Что же касается инфантилизации, мы можем описать ее как процесс превращения личности человека в инфанта. Заметим, что подобный процесс может носить как естественный (соответствующий логике процесса), так и насильственный (закономерный манипулятивный процесс) характер. Слово «инфанти» является заимствованным и переводится как «дитя». Иными словами,

инфантилизация – это процесс трансформации личности человека в его детское состояние. Традиционно в социальной психологии личность человека связывается с его взрослостью. С рождения и до момента физической смерти человек проходит следующие стадии взросления: младенчество, детство, подростковость, юность, молодость, зрелость и старость. Каждая из них представляет собой любопытный предмет научного изучения, и до настоящего времени не утихают споры относительно конкретных критериев, определяющих переход от одной стадии взросления к другой. Инфантильность – это свойство личности тяготеть под определенного рода воздействиями вернуться из периода подростковости, взрослости, молодости, зрелости или старости к состоянию детства. Что же значит быть ребенком? И почему инфантилизация социального пространства стала в последние десятилетия очевидной проблемой? Попробуем ответить на эти вопросы.

Можем начать с рассмотрения центрального для нашей темы понятия. Ребенок (дитя) – это человек, находящийся в состоянии детства. Детство – это ранний период развития человека, когда он учится понимать окружающий мир. Обычно в этот период человек, открывая для себя много нового, испытывает яркие и самобытные переживания, подкрепляемые общественным одобрением. В то же время любой провал или ошибка воспринимается как относительная норма, и все это вместе создает приятные и комфортные условия для жизни. Таким образом, ребенок живет по формуле «много приятных эмоций, мало ответственности за ошибки». Остальные периоды взросления могут протекать по-разному, однако традиционно для них характерны уже не такая интенсивность свежих эмоций и высокая степень ответственности. Следовательно, стремление к детству во взрослой жизни, или инфантилизация, это желание избежать ответственности за ошибки и жажда ярких впечатлений.

Остановимся на понятии социальной инфантильности. Социальная инфантильность – это процесс воздействия на социум сил, трансформирующих группу людей или отдельную личность в субъект поведенческой практики, близкой к детской. Одну из причин этой трансформации мы указали выше, а именно желание максимизировать впечатления от мира при минимизации ответственности за свои поступки.

Однако зададимся вопросом: возможно, процесс социальной инфантильности носит не только стихийный, выборочный характер? Можем ли мы предположить, что процент инфантильных людей коррелирует с определенными цивилизационными процессами?

Щупальце нашей мысли подползает к очевидному тезису: современный человек – это существо, которое обитает в пространстве, интенсивно насыщенном техникой. Технологическая зависимость настолько возросла в последние десятилетия, что среда обитания человека практически перестала быть природной и стала городской, технологической. Человек стал частью мира, который все больше зависим от техносферы, то есть системы машин, которые обеспечивают жизнедеятельность общества и удовлетворяют потребности человека. Некоторые философы техники с опаской наблюдают за такой тенденцией. Антропосфера интегрируется в техносферу, образуя в процессе антропосоциогенеза новую сферу симбиоза технологий и человека. Этот процесс несет как положительные, так и отрицательные моменты, в зависимости от конкретного контекста. В том числе нельзя исключать, что в определенной мере социальная инфантильность может быть продуктом технологической зависимости человека.

Еще одна немаловажная деталь: техника удовлетворяет потребности человека; таким образом, чем эффективнее она выполняет эту задачу, тем вероятнее, что человек не будет ощущать сложности и необходимости дополнительных усилий при решении тех или иных задач. Вероятно, именно эта локальная тенденция и является причиной инфантильности некоторого числа людей в обществе. Лишая человека самостоятельности в вопросах достижения цели, общество формирует негативную для традиционного уклада личности привычку, деструктивно отражающуюся на течении жизни человека. Такая привычка не является локальной, а составляет тенденцию, масштабы которой позволяют называть ее антропосоциальным кризисом. Этот кризис носит техногенный характер и касается как конкретного человека, так и общества в целом.

Но не стоит забывать также и о том что современная социальная инфантильность настолько заметна в последние десятилетия, что масс-медиа создали даже специальный термин «кидалт» (от англ. kid – ребенок и adult – взрослый). Кидалт – это ребенок в теле взрослого, человек, который не смог

по тем или иным причинам изменить свои детские привычки при переходе на следующие ступени взросления. Несмотря на то, что феномен «кидалт» рассматривается на сегодняшний день как отклоняющаяся форма поведения, тем не менее кидалты стали частью современного общества, заняв в нем свою нишу. Хотя сам термин «кидалт» относительно новый, он основан на предшествующих наблюдениях в этой области. В частности, еще К. Юнг выводил как один из архетипов *puer aeternus*, то есть «вечного мальчика», состояние внутреннего отказа от взросления при внешних факторах взросления. Подобное мы можем также наблюдать в мировых культурах. В частности, корейский феномен эге.

Эге (от кор. 애교 или же 愛嬌 – «миловидный») означает стремление к намеренному детскому поведению. Эге влияет на то, как ведут себя молодые южнокорейские женщины, особенно в романтических отношениях. Например, на фотографиях наблюдается использование характерных жестов и выражений лиц, которые часто встречаются у детей в Южной Корее [2, с. 14]. Для женщин эге нередко становится способом достижения своих целей и выхода из неудобных ситуаций: так, благодаря использованию детских интонаций женщина может выражать социально неприемлемый для нее уровень агрессии. Несмотря на то, что эге практикуют в основном женщины, корейские мужчины все чаще применяют подобное поведение для своих целей. Заметим также, что в поп-культуре бой-бэнды часто используют эге для создания сценических образов.

Другой известный в мире феномен социальной инфантильности – это японские «травоядные мужчины». Это достаточно молодой социологический термин, возникший на заре третьего тысячелетия. Определение «травоядный мужчина» (от яп. 草食(系)男子) относится к мужчинам, не стремящимся к формированию семьи и предпочитающим пребывание как бы в детском состоянии потребления. Термин был введен Маки Фукасавай в 2006 году и приобрел широкое распространение в японской социологии. В 2014 году в Японии был зарегистрирован суммарный коэффициент рождаемости в 1,42 по сравнению с 1,84 в середине 1980-х годов. Многие объясняют это резкое падение ростом числа «травоядных мужчин» в Японии. Снижение рождаемости объясняется их

нежеланием вступать в брак. Вместо этого они предпочитают заводить Gatebox, то есть специально созданного робота, заменяющего жену [5, с. 108].

Вместе с тем в японской культуре существует феномен «хикикомори», что буквально переводится как «нахождение в уединении». Это обозначение группы людей, которые намеренно отказываются от социальной жизни, предпочитая уединение. По состоянию на 2020 год в Японии существовала «проблема 80/50» – содержание 80-летними родителями 50-летнего хикикомори [4, с. 121]. Хикикомори предпочитают обеспечивать свою жизнь, используя высокие технологии японской цивилизации.

Еще одним проявлением феномена социальной инфантильности можно считать феномен «поколения ни-ни», это понятие образовано от сокращения английской фразы Not in Education, Employment or Training, что означает «отсутствие образования, работы и цели в жизни» [1, с. 179–193]. Данный термин возник в британской социологии и направлен на описание сугубо европейской проблемы, заключающейся в формировании огромной прослойки молодежи, которая не учится, не работает и чаще всего лишена цели в жизни. Основная причина – это развитая система социального обеспечения, которая позволяет выплачивать пособия безработным, а также развитая индустрия развлечений, которая поглощает молодых людей и лишает их мотивации. Существует и множество других примеров из истории мировых цивилизаций.

Социальная инфантильность может стать опасной, если число людей, вовлеченных в этот процесс, будет расти пропорционально уменьшению числа развитых личностей в обществе. Это чревато замещением образа взрослого миром машин, который удовлетворяет потребности несамостоятельных взрослых. Кроме того, отметим также иные проблемы социальной инфантильности, среди которых:

- 1) физиологическая, то есть задержка в развитии;
- 2) психическая, то есть отсутствие адаптивных механизмов и, как следствие, проблемы в обществе;
- 3) психологическая, то есть выбор детской модели поведения, закрывающий путь для многих взрослых форм реализации в обществе;

4) правовая, то есть низкий уровень правовых знаний, результатом которого становятся необдуманные кредиты или нежелание оплачивать коммунальные услуги; 5) социальная, то есть чрезмерный нарциссизм, деструктивная направленность.

Подобные проблемы несут опасность при их накоплении.

Философско-культурологический контекст рассмотрения нами проблемы социальной инфантильности, с одной стороны, показывает наличие актуальной социальной проблемы; с другой стороны, понимание причин ее возникновения – это уже начало поиска способов ее эффективного решения. Таким образом, социальная инфантильность является кризисным феноменом антропосоциальности, возникающим вследствие технического прогресса и роста экономического благополучия в развитых странах. Социальная инфантильность может стать причиной формирования деструктивных форм социальных практик, гипотетически приводящих к комплексной деградации общества и, как следствие, культуры этого общества. Созидание гармоничной и развитой личности возможно только при целенаправленных волевых усилиях, выработка которых является одним из возможных путей выхода из надвигающегося антропосоциального техногенного кризиса.

Литература

1. Баринова, И. В. Неологизмы английского языка, отражающие изменения в системе образования / И. В. Биринова // Вестник МГЛУ. — 2013. — Вып. 20. — С. 179–193.

2. Социальность // Зорин, В. И. Евразийская мудрость от А до Я: философский толковый словарь / В. И. Зорин. — Алматы: Создік-Словарь, 2002. — С. 211.

3. Цыганков, Б. Д. Психиатрия: руководство для врачей / Б. Д. Цыганков, С. А. Овсянников. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. — 244 с.

4. Puzar, Aljosa. Asian Dolls and the Western Gaze: Notes on the Female Dollification in South Korea / Aljosa Puzar // Asian Women. — 2011. — No. 27.2. — P. 81–111.

5. なぜ日本人男子は結婚しなくなったのか ゲスト：森岡正博氏 ビデオニュース・ドットコム 2008年8月27日

РАЗДЕЛ 3. СПЕКТР НАШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Арсентий Атоян
atoyannn@bk.ru

УРОКИ КРИТИКИ, ФИЛОСОФСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ

Книга «Локусы и фокусы современной литературы» (2020) философа и культуролога, писательницы и литературного критика Нины Сергеевны Ищенко – заметное явление в духовной, творческой и интеллектуальной жизни непризнанной Республики. Но попробуем разобраться в жанре и темах, затронутых на ее страницах, которые пестрят разнообразием позиций и оценок разных лет, собранных в критические заметки.

Научна ли критика? Критична ли философия?

Критика – самостоятельный род литературы, но она же и составная часть философии, притом не только эстетики как философской науки. И тут возникает интересная дилемма. Научна ли критика, критична ли философия по своей предназначенности? Уроки литературы и уроки философии те же самые или различие существенно, если не сущностно?

Философия обращена к сути дела, к действительности и ее возможностям, хотя ей есть что сказать об отражениях как содержащих эту действительность. Эстетику занимают, в частности, жанры как роды бытия в категориях трагического, драматического, комического, трагикомического и так далее по таблицам категорий. Литературная критика, прежде всего, разговор о произведениях и их авторах. Жанровая тематика входит другой стороной в пространство и время возможной действительности. Эстетическая антропология отдает предпочтение типам личности в эстетике и литературном процессе. Их отношение к типическим фигурам самой действительной жизни может быть как очень близким, так и предельно отдаленным. Тип человека в культуре существует как для философской критики, так и для критики литературной.

Илья Эренбург как-то заметил, что раньше писали что-то, а нынче о чем-то. Есть книги о жизни, есть книги о книгах. Одни не обязательно хорошие, другие не обязательно плохие. Модерн прячется за афоризмы Уайльда. В частности: нет книг нравственных, нет книг безнравственных, а только хорошо или плохо написанные. Книга, о которой пойдет речь написана хорошо, отвечает строгим критериям нового слова о новых явлениях литературы, но и критерию преемственности культурного наследия, единению программ духовно-практического освоения действительности и нахождения следов нового в ретроспективе известных и малоизвестных произведений в последовательной смене ракурсов рассмотрения.

Живая критика всегда отклик на насущные вопросы современности. Но то ли эпоха изменилась, то ли новая критика не может развиваться в старом духе? В самом деле, что же это за «современная литература», если в ней и Средневековье, и Пушкин, и Томас Манн, и Фолкнер, и два минувших века, и двадцать первый? Не сразу догадываешься, что слово «современный» означает литературу, которую стоит читать, и она читается твоими современниками. Статьи и заметки по разным произведениям удивительно логично вписываются в философскую концепцию автора, объединяющую локусы (пространства) и фокусы осознания (фиксированное время критика) движения литературных форм (жанров) и содержания (мировоззренческих ориентаций) ради приращений смысловых возможностей истолкования всей палитры сразу и отдельных ее кульминаций в частности. Именно внимание к кульминациям культуры и типологии персонажей объединяет материал в единое целое.

Внимание к кульминациям культуры

Композиция книги – две части с избирательным набором относительно больших и напротив относительно малых фрагментов картины литературного потока – строго подчинена замыслу. Перед нами анфилада комнат, входы и выходы из которых находятся на одной линии сюжета. И тут можно применить частично метод Юрия Кудрявцева, соединение трех кругов восприятия одних и тех же произведений как со-

бытийных (сюжетных), социальных (типологических) и философских (вечных первых и последних проклятых вопросов бытия).

Первый заход в воды, объявшие нас в массовой культуре, сразу помещает фокус осознания в сферу новаторскую и постмодерном означенную, несмотря на ссылки на поклонников Уэллса или Твена, явление неожиданное своими действительными возможностями. Это атмосфера фандома, фанов, канонов и фанфиков, то есть живого продолжения произведений уже написанных, поклонников этих произведений и их жанров и авторов, а также изделий творчества или псевдотворчества по образцу (фанфика по канону). В этом, прямо скажем, культурном движении встречаются фаны различных авторов и произведений от толкиенистов до апофигистов, создатели скучных версий и новых шедевров вопреки авторским правам и принятым формам общения между автором и публикой. Эти отношения как бы перевернуты: автор может наблюдать, если, конечно, еще жив, во что превращаются его произведения и герои. Диалог становится многозначным и несколько выходящим за пределы темы, трансценденцией в плотном пространстве как в пространстве якобы абсолютно свободном. Исподволь автор ведет нас в распахнутые двери западной свободы на наших «теренах». Внешне это апология свободы, но замысел автора совсем противоположный. Его тема только намечается.

Тема всей книги – идентичность и самобытность в их противоречивом единстве. Быть собой и быть соответствующим кому – чему. Тема философская, обросшая сюжетами: фандома как сада расходящихся тропок Борхеса (завязка замысла). Тропки дальше расходятся, фокусируясь на машине времени (экскурс в современную физику времени предшествует хронотуризму читателя по схожим и контрастным мирам); хождениях в Святую Землю и путешествиях в вымышленные Этерны Веры Камши; к приобщению таинств Невидимой церкви; к гностическим ересям не только средних веков, но и братьев Стругацких; противопоставлению в книге, но не в отдельных публикациях американизма японца Кэдзубуро Оэ и саги Фолкнера о Йокнапатофе, штат Миссисипи; к пушкинской сказке о попе и работнике его Балде; к книжной полки Татьяны Лариной... Всего не перечить. Локусы неимоверно отдалены друг от друга и одновременно присутствуют

в литературном окружении читателя, и это не только Япония, но и Донбасс. Фокусы превращений помещены во временные рамки Библии и сегодняшнего дня.

Казалось бы, каким может быть сквозной сюжет? Не легкомысленно ли рассчитывать на сквозной сюжет? Но разворачивание темы самобытного и идентичного, своего и чужого, приемлемого и несовместимого, стиля и совести, научного и мифологического происходит за счет нарастания мотивов и результатов выбора и отбора авторского, который нет-нет, да и проявит себя неожиданными оценками постфактум.

Авторский парусник в заливах культур

Заход авторского парусника в различные воды и заливы культур, как ни странно, разворачивает повествование в сторону единения сюжетов, типов человека и разгадок тайн. Не сразу появляется наша культура и обозначается ее противостояние западной. Не сразу понимаешь, чего ищет автор. Он не сталкивает, как это делают публицисты и некоторые недоавторы, живущие рецепциями модного тренда, свою позицию и чужие в уничижительном локусе заранее известных ответов. Нет, он логически прослеживает особенности западного отношения к свободе, поступательно подготавливает к инаковости прочтения посылка быть свободным. «Невидимая церковь в массовой культуре» – эссе, ставящее на свое место претензии к такого рода апологиям. Эссе о японце Оэ показывает оборотную сторону ограничения своей деревенской истины неизбежностью правды мегаполисов и логики вхождения победителей в мир побежденных не оккупацией и превосходством бомбиста атомного над самураем, а той неизбежной стороной заимствований, которые делают побежденных частью их мира.

Уроки извлечены и манифестированы. Однако не все люди на Земле японцы. Есть и другие формы реагирования – фундаменталистские и традиционалистские. Но автор не отдает прямого предпочтения кому-либо: «Взаимодействие же двух разных культур есть предмет изучения теории межкультурных коммуникаций. Это межкультурное взаимодействие асимметрично, так как действует только одна современная

культура, а культура прошлого лишь предоставляет материал» (С. 43 издания 2020 года). Но это относится скорее к историческому классическому роману Вальтер Скотта. Далее происходит развитие, которое чаще всего заключается в усложнении структуры и обретении новых локусов феноменом достойным передачи.

Трансляции и трансмутации передаваемого имеют свою матрицу, поиском чего не в малой степени посвящена научная часть проделанной работы. Итог интересен. Если «восприятие своей культуры как меры всех остальных порождает исторический роман» (С. 51), то дифференцирующая функция культурной идентичности «отделяя группу от окружающих, формируя четкое разделение на «мы» и «не-мы»... предоставляет конкретное наполнение образа «мы», показывая, чем избранная группа отличается от остальных (С. 56)». Именно формирование таких групп является действенным инструментом передачи культурного кода. Так происходило в Японии после войны, так происходило в Восточной Европе после распада соцлагеря, так происходит в украинских землях после отказа элиты от правил демократических процедур (вспомним Хабермаса: демократия – всего лишь процедура, зато незаменимая).

Для понимания процесса обособления группы в мощную тысячелетнюю общность, наш Вергилий – проводник по мирам прошлого, настоящего и будущего – выбирает неминуемое некогда для советской интеллигенции, хотя не так много начинавших его читать дошли до конца, произведение – цикл – тетралогия Томаса Манна «Иосиф и его братья». Миф нельзя отдать чужакам, его следует использовать в целях той общности, к которой принадлежишь сам. Для Манна это гуманистическая общность. Даже бои в арьергарде за такие ценности, доказывают еще как силен человек, сообщает нам немецкий классик. Рядом с его произведениями об Иосифе критик помещает только два сравнимых памятника культуры – «Человека без свойств» Роберта Музиля и «Замок» Франца Кафки. Что ж, выбор достойный, но не бесспорный. В книге вообще мало бесспорного, и потому она литературно и научно интригует от начала до конца. Цена разгадки – обретение смысла.

Литература стиля и литература совести

Здесь в пору, как нам кажется, противопоставить литературу стиля и литературу совести. Во второй части представлены и та, и другая. Если литература ориентирована на поиски смысла, то чаще всего это ее реалистическая составляющая (Ю. В. Бондарев так и говорил: реализм – это смысловое искусство), если ее дело – дело стиля, то различные авангарды и постмодерн возглавляют поход за новую форму при указанной формуле – афоризме Уайльда. Но позвольте! Пруст – это импрессионизм плюс реализм, оба направления числят его за собой. Некоторые произведения реализма столь новаторские, что их форма есть авангард реализма, как некоторые постмодернисты дают реализм форм, стыдливо именуемой то метамодерном, то гиперреализмом. Словом, возможны авангарды традиций и традиции авангардов. Наш автор устоял на зыбкой почве потому, что его интересует, прежде всего, «идейное содержание» (С. 198).

Потому вернемся к развилке западной и незападных культур, представленных востоком и Россией. Антипод протестантизма с его разделением людей на спасшихся заранее и обреченных на «геенну огненную» также изначально – традиционная культура различных народов, фокусом осознания которой выступает библейская версия художественного и мировоззренческого космоса. Томас Манн спасает миф от забвения, дабы преемственность не отпала вслед за обрывом подлинных и мнимых авангардов. Нельзя превращать Миф вообще в «миф XX века», повешенного в Нюрнберге, отдавать на откуп нео- и прочим фашистам-националистам. Миф культуротворящ. Но и фашизм, как замечал Михаил Лифшиц, создали не лошади, а люди. Не все, что выходит из рук и головы человека, прекрасно. Борьба за миф – борьба за будущее.

Противников автор находит не только среди необандеровцев современной Украины, но и среди гностиков первых веков христианства и их современных последователей волей или неволей. И гностики, и еретики, и попса, и многое другое. Иногда автор входит к состоянию плохо скрытого негодования. За сюжетным изложением прочитывается пристрастность автора. Так, мы узнаем о великой миссии первой инквизиции, о том, что альбигойцы хуже католиков, ибо эн-

дура – обычаем убивать детей – не есть спасение, хотя очевидно, что зверские практики побежденных созвучны зверским практикам ортодоксов. Тонкий, умный, эстетически выверенный, изящный ряд доказательств своей правоты нашего высокообразованного и глубоко эмоционального автора перемежается желанием найти ключ к разнородным явлениям и соединить их в порыве правильного прочтения.

Но тут мы наталкиваемся на амбивалентность примененного приема превращения фокуса осознания в некий трансформер. Ибо одни и те же приемы могут быть обращены против автора. Плюрализм Фандома снова врывается в нефандомные сферы. Если все дозволено Юпитеру, то все дозволено и быку. А бык-то жертвенный. Ничем не жертвуешь – ни с чем и останешься. Так происходит с героями Оэ, они попались на американизме, как и упоминаемые не раз украинцы. Они уверовали, что быть современным означает встать на сторону сильных, элиты мира. Мировая литература же в ее традиционном варианте становилась на сторону слабых, побежденных, маргиналов, она никогда не боялась поражений де-факто при нравственном выигрыше по «гамбургскому счету».

Понять главное противоречие автора

Понять человека – понять его главное противоречие. Понять автора – понять главное противоречие автора. На наш взгляд, перед нами феномен верности теме традиционного персонажа как носителя высших ценностей, желания, чтобы тебя (автора и типологически предпочтительного персонажа) отождествили с традиционным типом человека, даже уже – традиционной женщиной, православной христианкой, отвергающей любые ереси, ищущей спасения в верности традиции, кстати, очень по разному представленной в отдельных фрагментах темы, особенно во второй части, где советские трансформации заявлены и оппозиционным Булгаковым, но и ортодоксальными советскими Лаврениевым и Фадеевым, а их нельзя исключать из сюжетной неизбежности современного прочтения. И это одна сторона... Но есть и противоречивая концепция стремления к новизне, оригинальности, открытости миру, упоительное желание быть в тренде, быть на переднем крае культуры, быть не просто современницей, но

проследить трансценденции за пределы данного в тот изумительный завтрашний мир, которого и боязно, и хочется, и не пропустить бы, дабы стороной не прошел. Быть мертвым и живым одновременно нельзя.

Все сокровища книжной культуры и часть виртуального богатства приоткрывают через анфиладу сюжетности тему разделенности человеческого рода. Литературно – это персонажи, которым автор сочувствует, и их антиподы. Эстетически это типы личностей, препятствующие сохранению традиционных оков. Это тема гностиков. Гностические ереси сопровождают ранее христианство и побеждают традицию в советской фантастике. Прогрессор у нашего автора – фигура не однозначно положительная, как у ранних Стругацких, но скорее отрицательная, как в мире «Отягощенных злом».

Зло в применении средств ускорения прогресса? Но ведь закон ускорения истории лучше всего усвоен именно этой традицией. В советской антропологии и философии истории его адептом был Борис Федорович Поршнеv. Кстати, крайности его подхода или зависть коллег лишили его возможности стать академиком. Быть прогрессором в прогрессивной стране иногда та же драма, о которой писал Михаил Лифшиц: быть марксистом в марксистской среде... И все же социальная амбивалентность прогресса и реакции не абсолютна. Тонкими, изящными дистинкциями автор подводит нас к различению типов. Если гностики делили людей на три основных типа: телесных, душевных и духовных (пневматиков), то такое разделение для нашего автора избыточно. Душевные люди редуцируются к одному из типов. Кстати автор тоже демонстрирует тягу к пневматикам, но одновременно обнаруживает собственную душевность, интеллигентность, то есть, говоря современным языком, не принадлежность к массе или элите, а принадлежность к этому промежуточному слою, который собственно и делает индивидуальным тот или иной тип творца, который уже нельзя смешать с любым другим, как нельзя смешать, скажем критика Нину Ищенко и поэта Елену Заславскую. Это не столько два разных типа, сколько два индивида – творца с собственными интенциями, обретенными и потерями.

Соединяющая линия замысла

Но вернемся к ряду фрагментов, крепко схваченных соединяющими линиями замысла. Итак, гностики хотели познать истину и бога на свой страх и риск. Ортодоксия видела в этом угрозу обожению мира материи и противостояние телу Христову, то есть Церкви. А спасение не через социальный институт церкви и есть суть противостояния, ересь в чистом виде. Традиционалист, упоенный современной культурой, попадает в трудную ситуацию. Впрочем, за счет некоторого упрощения автор выходит из трудных ситуаций, триумфально продвигая идею истинного бога, но не ложного демидурга. Ему симпатичны герои с массой противоречий, но в конце концов не отвергающие этот очень уж неважно созданный мир.

Корни социального оптимизма в вечном повторении содержания конфликта сторонников бытия во всей его божественной красе и сторонников ничто, отрицания или частичного бытия. Социальный круг противоречий и художественных открытий узок, но прочен в смысле постоянства элементов. Власть нечистая, собственность краденная, вера слепая (современная мантра «все будет хорошо» забывает о том, что есть и то, что плохо было, есть и будет таковым всегда) – но ведь это и есть киты цивилизации! И она освящена духовными дарами царства, что не от мира сего. Сам этот тезис говорит нам, что нет чистой власти, нет некраденной собственности, нет не слепой веры! Христианство присвоило народной нравственности вершки, а корешки – то в почве остались. Мы критикуем здесь не автора книги, а те расхожие штампы, которые, увы, не изжиты самой культурой. Рост бурьяна не отменяет роста полезного знания, но затрудняет полнокровность течения процессов прораствания знания и человечности.

Вспомним о кругах Кудрявцева. Третий круг понимания произведений поворачивает нас лицом к тому самому различию философской и литературной критики. Автор не дает нам образцов поверхностных рассуждений о мастерстве форм, его более занимает существо противостояния Невидимой церкви современным аналогам веры (они же традиционные или сохраняющиеся как таковые). Вечный вопрос о единстве человечества приобретает форму вопрошания о двух дорогах. Двух правдах. Двух общностях. Условно они при

всем многообразии примеров фокусируются как западная и славянская. Первая индивидуалистичная: все для человека, то есть меня. Вторая духовна и потому общинная: все для другого, а потому для нас. Или в религиозном варианте: не нам, но имени Твоему. К традиционному человеку с корневым желанием быть современной, принадлежит автор книги. Как тут не вспомнить Рильке: «Тебя скрывают от Меня твои иконы». Расстаться с иконами и любя модерн и постмодерн перестать тяготеть к ним для целого слоя интеллигенции, по-видимому, невозможно. Так противоречие автора обнажает противоречие интенции текста: упоительно современная не может быть традиционной и наоборот.

Поиск ответов на проклятые вопросы

Поиск ответов на проклятые вопросы приводит к сюжету сказки о попе и работнике Балде. Это в чем-то центральный момент, кульминация противостояния миров. Победа Балды по мысли автора – победа беса над грешником. Не правда ли, традиция христианская колеблет треножник музы Александра Сергеевича, если идти дорогой исследователей сказки? Оказывается, что Балда – это бес, черт, дьявол, антихрист, Вельзевул и нет числа его именам, как нет числа именам Божьим (тетраграмматон). Но чертей в сказке много. Не прораб ли он среди них? Разумеется, мы не настаиваем на социальной правде сказки: не гонялся бы поп за дешевизной. Не видим в Балде противника феодальной эксплуатации духовенством работников, заступника за мир труда, проповедника справедливой цены на рабочую силу. Нет, конечно, но видеть в Балде продолжение той силы, что делает добро через наказание, а желая зла, творит добро, нам представляется преувеличением. Впрочем, нельзя отрицать оригинальность, игровую предпочтительность такого Балды другим, сразу же оговоримся, чересчур обыденным разгадкам образа. Честь автора здесь не задается, он также имеет право на свою версию, равно как и другие на несогласие.

Сказка – ложь... Но не всякая ложь – сказка, тут кроется принципиальный вопрос об источнике зла. Концепций не перечить. Для критики философской важнейшие две: первая – дьявол правит миром посредством соблазнов; вторая – отчуждение сил человека от самого человека порабощает. Мир

лежит во зле изначально, после отпадение Люцифера и его свиты. Или как у Фомы Аквинского: в делах зла – творение Божье, то есть человек, является первопричиной.

«Давайте делать добро из зла потому, что его больше не из чего делать», – говорят герои Стругацких. Они признают даже свое родство духовное с гностиками, то есть однозначно не понимают гностицизм только как ересь. Карл Густав Юнг писал, что без гностиков не было бы и современной науки, которую обычно начинают с XVII века в ее современной версии. Но даже после рождения такой науки гностики не исчезают. Зачем они человечеству?

Можно вернуться к мотиву упрощения трех типов до двух. Кто есть душевные люди? Сбой процесса или закономерный продукт типологизации, то есть историзации процесса становления знания (гнозиса)? Представляется, что их отличие от телесников и пневматиков существенно, ибо без душевных людей невозможен переход к иному типу человека. Вспомним православного Л. П. Карсавина: человек есть телесно-душевное и душевно-духовное существо. Обратим внимание на то, что тело и дух здесь не даны в непосредственной связи, но только через душу. Нет духовно-телесного существа, ибо мир как материальный и телесный автомат и мир как безличный бог суть одно и то же. Историзация душ и есть возможность подлинной типологии.

Историзация автора

Эстетик-философ и писательница-литературный критик в одном лице обретает двойное априори смысловых прочтений. Научная философия и критика как искусство одинаково задействованы в анализе. Не следует проверять научность всех предпосылок. Перед нами и литературно-критическая рефлексия одной души, можно даже сказать, одинокой души в своем сложном поиске. Но книга не для автора. Есть то, что вложил автор, есть то, что вычитали критики, есть те, кто закрыл книгу, но есть и то, что узнано помимо воли отдельного автора или читателя. Есть то, что сказалось самой книгой, объективация сил души и обстоятельств. Как у Ортеги: я – это всегда Я и мои обстоятельства.

Историзация автора позволяет говорить о его укорененности в обстоятельствах здесь и сейчас. Перед нами живой человек: три поколения собирателей библиотеки, согласие с тем-то, несогласие с другим, чтение в момент, когда нет света, работы, воды... Условия военного города и желание остаться верным выбору и отбору того, что значимо лично для тебя, а не только для твоей общности... Собирая штрихи самохарактеристик автора, разбросанные в тексте, мы видим духовно зрелого человека, адаптировавшегося к современным условиям книжника, переросшего привычные рамки книжной культуры, не чуждого аудиовизуальному миру и интернет-сообществу, автора полемичного, рационального, логичного, целеустремленного, обладающего тем, чего обычно нет у душевных людей, которых она не случайно выводит за пределы гностической классификации как несущественную разновидность, а именно людей с темпераментом и характером. Отдельные срывы и невнятности делают пульсирующую душу проницаемой для взгляда следящих с замиранием сердца за идущей по канату. Зрелище, захватывающее и одновременно пугающее слабонервных, невыдержанных в холодных водах рассудка и логики. Но со спиртом и логикой дружен черт, говорит Гете в «Фаусте». Спиртом не пахнет, а вот логика местами ошеломляет и вводит в транс. Но это пометка на полях. Головокружительные высоты делают автора канатоходцем над локусами низин. Возвышают душу. Опора в данном, находки в высях.

Данности Я и обстоятельств закрепляют интерес читателя к книге. Именно эти данности составляют основу перемещения фокуса осознания с одного предмета на другой. Неспokoйный дух автора трансцендирует упрямо и последовательно за пределы изначально библиотеки своего окружения и открывает его предназначение литературного критика. Берусь утверждать, что книга нацелена именно на молодые сердца и умы. Здесь ее практическая полезность и ангажированность эпохой. Это тренд современного молодого читателя, который хочет увидеть мир по-своему и полно, ново, оригинально, без штампов и хрестоматийных иерархий. Хочет и теряется от простого вопроса, подразумевающего сложный ответ: «Что читать?» А главное: «Как читать?»

Тайна нового прочтения

Высокое и низкое, смешное и героическое, старое и новое даны в другой оптике, конфликтно и одновременно гармонично. Жажда новых гармоний наталкивается на дихотомии очень жесткие и каким-то непонятным образом их побеждает. На память приходят формы победы в спорах, как их видели мыслители предшествующих периодов.

Побеждает тот, кто опровергает аргументы противника (средневековые суммы против язычников, академиков, гностиков и так далее).

Побеждает тот, кто включает аргументы противника в свою собственную систему доказательств (Антонио Грамши).

Побеждает в полемике тот, кто приводит лучший аргумент (Юрген Хабермас).

Автор не чужд ни одному из них. Но похоже, что постмодерн с его лучшим аргументом выдвигается на первый план потому, что читатель ленив. Наш автор не из таких. О том, что его трогает, он говорит так, что это трогает и других. Они заводятся, а это и есть молодежная реакция на культуру. Заводит, горячит или оставляет пепел холодный, не трогает, не заводит? Точные беглые характеристики дополняют картину вторым разделом фрагментов. Они завершаются фразой ключевой для подхода автора: «читателю лучше знать каким был на самом деле пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат». А как же традиция, традиционное положение «умывание рук», дающее санкцию христуубийцам? Может, это от скуки. Как у Эренбурга:

*Сколько было скуки у Пилата,
Сколько высшей скуки пред собой,
Когда он над чашей розовой
Руки умывал перед толпой.*

У Булгакова есть фраза новых людей: «Крепче ударим по пилатчине!» Наш автор против скуки и против того, чтобы бить предопределение ко злу с санкции Всевышнего, но тогда за что же он?

В этом тайна нового прочтения, которое рано или поздно после новых книг подтвердит реноме серьезного вдумчивого критика, самобытного автора, не идентичного в своих ипоста-

сях, или покажет новые пути осмысления. Пока от книги выигрывает тот, кто захочет проверить характеристики известных и малоизвестных произведений своим собственным читательским и исследовательским опытом.

Исследовательские мотивы взяли верх над простым интересом читателя у автора. Они же переформатировали замысел с односторонним выводом в мозаику с замершими фигурами, готовыми к дальнейшему движению относительно друг друга в раскрытии нового мира возможностей современной литературы в ее различных локусах при всех фокусах практик, стремящихся к целостному взгляду на мир одного человека через миры других.

Поиск истины: прошлое, настоящее и опережаемое будущее

Следует сказать о жанре книги Н. С. Ищенко и возможностях развития темы. По-видимому, перед нами Эссе с большой буквы, которое дробится на эссе-регионы, тесно связанные между собой мировоззрением, личностью и научным методом, примененным с известной виртуозностью, словом, свободно, то есть со знанием дела. Впитан опыт эссеистики, особенно Борхеса. Развитие его традиционалистской и нетрадиционной одновременно прозы обещает на луганских локусах проращение всемирной тематики и ее соединение в причудливые ансамбли идей, образов и действий. Последствия развития по этому пути предсказать трудно. Но есть опыт других видных эссеистов, которые доказали соединимость литературы с научным поиском (Исайя Берлин), с мифологией (Фрэнсис Бэкон), с биографистикой (Вирджиния Вулф), с философским скептицизмом (Мишель Монтень), с эсхатологией (русская философия религиозного Ренессанса) и несть числа тем, у кого можно учиться, не забывая о самобытности автора в противовес нанизываемым и нанизывающим идентичностям. Эссе не сугубо литературный, философский или мемуарный жанр, но род бытия, способ жить. Пусть он будет творчески продуктивным, приносящим подлинное удовлетворение нашему автору.

Пред нами самобытная книга, замечательная поисками истины литературы и философии через локусы обширных дистанций, фрагментарий данных различных культур. В отражениях ее живет наше прошлое, настоящее и опережаемое Будущее.

НОВОРОССИЯ ГРОЗ: ФЭНТЕЗИЙНО-ПАРТИЗАНСКОЕ МНОГОБОЖИЕ У ПОДНОЖИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА

Ольга Бодрухина
bodrukhina@gmail.com

Поэма Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грез» (2020) – это пример того, как сливаются воедино самые ужасные предчувствия и самые сокровенные мечты. Собственно, эпиграфом к поэме служит «святая Троица», заключающая основной посыл: «Скрепно. Ватно. Сакрально». Слабонервным не читать.

При этом, «Новороссия» напрямую перекликается с другой поэмой Елены – «Немо», которую мы осмысливали ранее в рецензии «Запретная любовь, запретная борьба, запретный город». По сути, это одна и та же история о невозможности любви между представителями двух разных миров. Это один и тот же экшн, только с разных точек зрения, в разных мерностях. В «Немо» основной уровень поэмы – мифический. Ведь ни для кого не секрет, что миф, в котором с рождения и до смерти обитает всякий русский человек, – это сказка: про мышку-норушку, колобка, избушку, курочку и деревенского смекалистого дурачка. Это более древние, чем все религии вместе взятые, космогонические истории.

В поэме Русалка любит Немо, ее избранник – безымянный Никто. Этот Noname – пришелец извне мифа, герой другого романа, чужак. Луганск – некий затонувший город, и это тоже древний миф многих народов: клочок земли, который будет поднят из пучин хаоса, с самого дна, то ли волшебным вепрем, то ли царем дэвов. Это один из мифов сотворения.

В «Новороссии» же магический, языческий мир пурпурного народного фольклора, вперемешку со скандинавским пантеоном и Голливудом, становится контрастным бэкграундом православного мира, старчества и животворящих икон. Словом, все это буколическое фэнтезийно-партизанское многобожие теперь выглядит как зеленая поросль у величественного храма. Луганск предстает границей света, последним оплотом, в буквальном смысле, за которым в бездну срываются люди и сказочные персонажи, прямиком в заворот и пограничье жизни.

Мы проследим движение сюжета и его героев через исторические типы эпоса [1], где первый – это архаический (но это отнюдь не синоним «примитивного»!). Именно у тех народов он распространен, которые смогли сохранить культуру с доминирующим мифологическим образом мышления.

Общий взгляд на мир архаического эпоса проникнут оптимизмом, фоном и моделью служит оптимистически окрашенный миф сотворения мира. Так, Марсий, фавн, которому русалочка из «Немо» рассказывает свою историю, символизирует творческие Силы Природы. Даже проиграв состязание Аполлону и будучи освеженным, он попадает на Олимп. Так природное становится культурным, будучи трансцендентировано, лишившись своей оболочки.

Русалка – это тоже обительница древнего мифа, ведь русалия происходит от «розалии», названия праздника поминовения предков, в ходе которого плелись венки из этих цветов и пускались по воде.

Герои архаического эпоса, как правило, божественного или чудесного происхождения. Они повторяют на Земле те действия, которые совершали боги и предки при сотворении мира. Они, в этом смысле, отыгрывают свои роли, даже не смотря на их трагичность, исправно исполняют свой долг на сцене этого Божественного Театра.

Рапсод Марсий пересказывает истории, которые ему доверяют, в своих песнях – в конце-концов его казнят Аполлон. Русалочка, как и положено, умирает за любовь и сливается с морем. Каждый из них обретает некий статус бессмертных образов.

«Новороссия» же это следующий уровень, или этап исторического эпоса – классическая героика. Здесь уже воспеваются деяния конкретных исторических личностей, события славного национального прошлого и настоящего. Герои все менее чудесные существа и боги, все больше – люди, деяния которых уже не сводятся к повторению и воспроизведению «па» создателей в танце творения: у них появляется свой путь. Герой один перед лицом фатума осуществляет свой выбор, и либо исполняет судьбу, либо гибнет, восстав против нее. Архаичные патриархальные ценности здесь словно разрушаются, довлеет вера в безличную непостижимую судьбу. На этом уровне фон образуется уже не историей о сотворении

мира, а напротив, хроникой его разрушения, светопреставлением, эсхатологическим мифом. И он, как правило, несет уже чисто художественную функцию, придавая эпическому действию апокалиптический колорит.

На этом уровне русалочка уже не просто языческий образ «морской розы», борющейся за свою любовь. Она становится одной из тех, кто прозревает конец времен:

*Храни же нас, Дева Пречистая,
Ибо обречены,
Маргиналы и экстремисты,
Джедаи вымышленной страны.
Выстраданной Новороссии,
Новороссии гроз и грез!
Ведет нас жемчужной поступью
Сын твой в венке из роз.*

Здесь ее возлюбленный – это Человек-Терминатор, в том смысле, что он не до конца, но лишь наполовину принадлежит этому слою, скорее, относясь больше к архаичному, связанный долгом и уже заранее обреченный на бессмертие. В эсхатологическом же слое, в котором находится его избранница, мир более шаток, чем война, а «живые позавидуют мертвым». Влюбленные словно эквилибристы балансируют на границе двух разных Вселенных, умудряясь поддерживать связь через «мобилку», трофей из мира мертвых – тот же телефон-ракушка из «Немо», где спираль есть символ воскрешения.

Любовь вопреки всем законам удерживает их вместе, являясь единственной в этой кровавом вихре реальностью, которая заставляет просыпаться по утрам, куда-то идти, жить в условиях, в которых и выжить-то мало шансов. Парадоксально, что посреди фарша, в который превращают город, как никогда хочется любить, быть любимым и шептаться об этой любви с Ангелами. Вокруг разрываются снаряды, и тебе даже стыдно за свое личное чудо, ведь не может быть хорошо, когда вокруг XXI чистилище.

Это не война романтизируется, нет – это она подло вторгается в любовь и романтику, заставляя поэтов и влюбленных брать в руки оружие. Речь идет о войне, но, увы, не о той, которую описали Делез и Гваттари в «Анти-Эдипе». Это не та Машина Войны, которая направлена против укрепления власти органов и усиления контроля. Это не та война, которая

«по-честному». Речь о братоубийственной войне, которая ведет к отрицательному отбору и деградации, абсолютно противоестественной войне, которую можно сравнить разве что с инцестом.

«My life was taken to feed the Machine» – жизнь каждого становится жертвой этому прожорливому и слепому боже-ству. (Одно из значений Machine – это миссия, но, в данном случае, речь идет об анти-миссии, о срыве божественного плана и порядка мироздания). Но на каждую абберацию находится своя управа – не в уютном кабинете психолога, нет: речь о суде Божьем, который выше любого человеческого. Каждый в этой войне принимает только одну сторону. И либо несет свой крест, либо бежит от своей судьбы.

Как и в сказочной поэме, в «Новороссии» лингво-технологии, квази-словарики и прочий новояз выступают паразитирующими на мире программками дегуманизации, стирающими лик человека, который есть по образу и подобию. В «Немо» технологии извне, типа дронов и роботов, расколдовывают сказочный мир, тем самым разрушая его, лишая сил. В «Новороссии» очевидно, как новояз разрушает структуру привычного бытия, накликая и приближая приход последних времен и прочих «коней Апокалипсиса».

Очевидный план – это личная история, история любви и отношений, история самопожертвования и обмана. Неочевидный – описание того, как уходит благодать из мира, прямо на глазах, сквозь пальцы утекает как вода, манифестируя невозможность войти в одну реку дважды. Это печальное необратимое предрекалось многими святыми, но в деталях показано лишь в немногих текстах, которые мы называем откровениями.

Елена Заславская не просто рисует эту картину Апокалипсиса с точностью, которая достигается синтезом иконографии и батального жанра, она еще и наносит интерактивную карту, которая как стерео (переливающийся) календарик, содержит локации до- и после- войны. Под одним углом там люди живы и занимаются привычными делами в привычных местах, поверни еще на несколько градусов, и многих из них уже нет, вместо них – вспышка, вместо мест – воронка, Лавкрафтовские терриконы безумия.

Это не только о человеческой любви главных героев – она является лишь отблеском, как это ни странно прозвучит, отсветом божественной любви. Суть ее раскрыта через личность старца Филиппа Луганского, милостью которого город и его жители находятся под защитой высших сил. Старец дал наставления относительно наших времен, о том, что земля луганская даст защиту многим православным, и как бы не было тяжело, покидать ее нельзя. В самой поэме немало сказано о невероятной силе молитвы даже не чудотворца – простого человека. И в этом смысле, подытоживая все сказанное, мы можем говорить о третьем историческом уровне эпоса – о так называемом «позднем», или же религиозно-дидактическом. Здесь пессимистические рассуждения о Роке и Фатуме наталкиваются на соотношения свободной воли человека и судьбы. В христианской философии, в самой вере заложен приоритет человеческой воли, которой он наделен от Творца. Бог, который есть беспричинная любовь, есть и причина свободной воли в человеке. Это и есть его главное оружие в борьбе между Светом и Тьмой.

В «Новороссии» также звучит мотив подмены чистого образа веры и святыни (иконы) скетчбуком – в прямом и переносном смысле. Увы, чтобы, отличить подлинное от профанации (а «профан» – это место перед святилищем – уж никак не сам алтарь), нужно иметь опыт соприкосновения с истинным. А получить его иначе, как с чистым сердцем и намерением, по милости Божией, нереально, под какими бы флагами или лозунгами ты ни выступал.

Возлюбленные в поэме принадлежат разным уровням эпоса. И в «Немо», и в «Новороссии». В какой-то момент как ни крути эту волшебную табличку, они уже не выпадают в один слой вместе. Даже в случае смерти они окажутся разделены, ведь павших героев забирают в Валльгаллу, или в Индралоку пить с богами амброзию... Чтобы предпринять попытку спасения и воссоединения, героиня выходит далеко за пределы этой карты, она перемещается в реальность голландских живописцев. Словно путешествие Русалочки, точнее, разведка, в мир людей за своей любовью. Но, увы, тюльпановый рай – это наркотический туман, который уводит еще дальше, на самые задворки надежды. Артефакт, который мог бы спасти жизнь ее суженному, коварно подменяют, как Ки-

кимора подменяет дитя в люльке на жабу, как Отец Лжи подменяет правду на обман, а вор – икону на свои каракули. Подлость оборачивается против ее содеявшего. Весь этот долгий путь (от архаики к религиозной дидактике, утверждающей превалирование Свободной Воли над Судьбой) героиня проходит, чтобы понять, что есть единственное реальное оружие на этой войне. Именно ею, как выстрелом, в своей личной битве она поражает Смерть и то, что ее несет.

[1]. Классификация исторических уровней эпоса позаимствована из Васильков Я. В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате», СПб.: Европейский дом, 2010. Электронное издание, с. – 38–39.

Валентина Патерькина
zelenlist@mail.ru

ДВОЕМИРИЕ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»

Извечная раздвоенность, терзающая мыслящего человека, представлений о реальности мира, его единстве или многомерности воплощается в представлении об устройстве всего Универсума. Миф, религия, философия с определенной долей успеха пытаются выяснить сущность мира, давая ответы, удовлетворяющие или нет в той или иной степени пылкость мысли. В числе прочих объяснений модель двоемирия представляется наиболее востребованной, поскольку абстрактная мысль выводит бинарность оппозиций, декларируя выход человека из мира природы, его способность перебрасывания представлений от первозданного хаоса до космозации бытия.

Двоемирие – бытие и небытие, вечная проблема, как вечный интерес к смыслу жизни, к истории и будущему мира, в котором он живет [4]. Николай Бердяев в попытках определения человека приходит к тому, что человек – точка пересечения двух миров, об этом свидетельствует двойственность человеческого самосознания, проходящая через всю его историю. Человек осознает себя принадлежащим к двум мирам,

природа его двоится, и в сознании его побеждает то одна природа, то другая [1, с. 57]. Двоемирие как особая модель построения эстетического объекта, отражающая философский поиск онтологических и аксиологических основ человеческой жизни, проходит через всю мировую литературу, что указывает на его архетипическую природу, отмечает Канарская Е.И. [5, с. 231]. Но это не простая проекция «коллективного бессознательного» в представлении К.Г. Юнга, а скорее содержательный, потенциально многосоставный инвариант – «базовая модель человеческого мировосприятия» [2, с. 49], «матрица, в которой в «свернутом» виде содержатся... устойчивые образы, модели и смыслы, которые индивид... разворачивает по-своему» [3, с. 13].

Наиболее универсальными представляются именно бинарные (диалектические) архетипы, которые выступают «своеобразным семиотическим «кодом» классической европейской культуры» и «изначально заложены в природу философской рефлексии» [10, с. 8]. Очевидно, что группа бинарных архетипов неоднородна: она включает как простые антиномии (жизнь – смерть, добро – зло), так и интегрирующие их дихотомии. Что касается двоемирия, то оно, по словам А. Г. Коваленко, концентрирует в себе «все возможные бинарные оппозиции» [6, с. 31].

Таким образом, двоемирие можно определить как архетипическую интегративно-антиномическую эстетико-философскую модель организации художественного произведения. Множественность антиномий, охватываемых моделью двоемирия, затрудняет сравнительно-исторический анализ ее воплощений [5, с. 231]. Исследуя поэтику русской литературы, Д. С. Лихачев презентует двоемирие как «общее, абсолютное и вечное в частном, конкретном и временном, ... христианские истины во всех явлениях жизни» [7, с. 103]. Интерпретация взаимосвязи двух миров в качестве установления соответствия между эмпирически доступным, «здешним», ограниченным и незримым, потусторонним, бесконечным миром легла в основу бинарной космологической модели. В данном исследовании не представляется необходимым ограничить двоемирие оппозицией «здесь – там», соответствующей противопоставлениям «земное – потустороннее» и «чувственно воспринимаемое – интуитивно постигаемое», а экстраполировать его на весь комплекс бытия.

Литература силой художественного слова пробирается к определению этого мира уже в силу того, что вымысел сам по себе пребывает между двумя мирами – реальным и ирреальным, связывая и разрывая их одновременно. А тем более, если сам герой повествования по воле автора выскальзывает из этого мира, с легкостью переносясь в другой. Интересен в этом контексте роман Владимира Набокова «Приглашение на казнь», который литературный критик Виктор Ерофеев в предисловии к «Лолите» «Лолита, или Заповедный оазис любви» назвал подлинным шедевром. Роман многослоен и глубокословен; в его плавном и неспешном повествовании – поглощающая океаническая глубина двоимирия власти и личности, свободы и заточения, жизни и смерти, любви и равнодушия. Оппозиции, предполагающие неисчислимость перечисления, поскольку из таких пар соткан мир. А он бесконечен. Так же, как и бесконечна дихотомия жизни и смерти, перехода из одного состояния в другое, предсказуемости состояния рождения, создания, творения и ухода, исчезновения, разрушения.

Абсурд заключен уже в названии романа, когда в ласковости и неназойливости понятия «приглашение» заключено убийственное (в прямом и метафорическом значении) приглашение к смерти.

Роман соткан из ожидания смертного приговора главному герою Цинциннату. Смерть личностна, сакральна, это ощущается даже в том, как приговор Цинциннату произносится шепотом. Неизбежность смерти осознается героем, и он тихо, неоспоримо и нестроптиво даже согласен с ее приходом. Осознание смерти ставит героя в условия привыкания к ней, примирения с ней. Знать дату смерти для Цинцинната роскошь большая, но заслуженная, его оставляют в том неведении, которое могут выносить только живущие на воле. Преисполненность начатыми, но незаконченными делами не наполняют дальнейшим смыслом завершение, поскольку не известна дата ухода. С исчезновением телесной оболочки, носителя интеллекта, ощущений, исчезает сама возможность уникального создания, принадлежащего творящему. Теряется смысл созидания, если нет востребованности в созданном, если заведомо осознание того, что созданное исчезает без служения кому-либо. Ожидание смерти в любой ситуации актуализирует вопрос: стоит ли начинать, если не успеешь

его закончить, тем более не по своей вине? Ненужность результатов не прибавляет оптимизма к перспективе создаваемого.

Но вопрос о времени ее прихода остается провисшим и не ответченным на протяжении всего повествования: Ц. пытается постоянно задать этот вопрос. Только кому? Определенная власть в лице надзирателя Родиона, директора тюрьмы, судьи, адвоката, палача, библиотекаря мягко, ласково, добродушно, и внешне искренне заботится об осужденном. Как ускользает зыбкая реальность, так и для Ц. призрачно-прозрачен самый главный вопрос о переходе в другую субстанцию, о преодолении пограничья между «здесь» и «там». Желание Цинцинната быть прозрачным, светопроводным. Он освобождается от себя, растворяется до уничтожения, но сборка мгновенна, когда в камеру входит тюремщик, реальность встряхивает от растворенности. Раздвоенность Цинцинната «Другой Цинциннат, поменьше, плакал, свернувшись калачиком», «Цинциннат встал, разбежался и головой об стену, но настоящий Цинциннат сидел в халате за столом и глядел на стену, грызя карандаш, продолжал писать». Два мира состояния героя, вызывающие сострадание автора романа: бедный мой Цинциннат! Автор рядом с Цинциннатом, жалея его. Возможно – это жаление Цинциннатом самого себя.

Неосязаемая призрачность самого важного для пребывающего при трезвом уме и ясной памяти внятного ощущения осознания временности пребывания в этом мире вопроса – сколько отпущено времени для биологического пребывания в телесной оболочке? А, следовательно, когда наступит миг преодоления роковой черты пребывания в земном мире? Этими вопросами поглощен Ц., который хочет что-то еще поведать миру, чтобы входящий в него или уже вошедший в этот мир, стал лучше. Но успеется ли до рокового мгновения?

Тотальная бутафорность перехода между мирами – реальным и иллюзорным – в романе явна во всем. Тюрьма – тело, выход за пределы которого означает выход в реальность. Но и вне ирреальности все не так уж однозначно. Реальность, в свою очередь, делится на самую реальность и ее противоположность. Взаимозаменяемы два мира, и с какой легкостью можно преодолевать условные преграды между ними. Да существуют ли они, если герой, путешествуя по тюремному лабиринту, безо всяких усилий проникает в город,

дышит его вечерним воздухом, видит его жителей? Свобода воображения уносит Цинцинната из заточения в город, пестрый, живой, с Марфинькой, фонтанами. На тюремной стене нарисованы те же Тамарины сады, задник, на фоне которого тужился духовой оркестр.

Цинциннат тридцать лет прожил среди плотных на ощупь привидений, скрывая, что жив и действителен. Но его самого шепотом приговорили к смертной казни за гносеологическую гнусность, непроницаемость, непрозрачность. Но он прозрачен, смиренен и невесом.

Французский мыслитель Андре Лаланд возможно, несколько радикально выводит глубинный закон действительности – стремление к смерти. Человек умирающий – «*homo mortigum*», авторский термин, предложенный научному сообществу в 2014 году, поддерживает состояние живущего, но думающего о прекращении своего земного пребывания, человеку, при этом любящего жизнь, но осознавшего ее конечность и иссякаемость. Знание даты смерти ставит вопрос о начинании дела и сроках его исполнения. Если все равно не успеть, то стоит ли начинать? Но дата ускользает, ее просто никто не называет под различными предложениями, так и у каждого живущего на Земле, так и у Владимира Набокова в «Приглашении на казнь». Это вселенская тайна устройства мира, которая из бесконечного количества жизней живших уже или живущих сейчас перенесена писателем на частную жизнь одного человека, ожидающего завершения земного пребывания. Вопрос, упирающийся с жестокостью в извечное проклятие поиска смысла жизни. Осмысливаемое или нет двоимирие со всей определенностью вытекает из ценности самой жизни.

Человек, наслаждающийся полнотой жизни, вряд ли рассуждает о смерти, ожидая ее. Гедонизм и эпикурейство не позволяют помыслить об омрачении такой прекрасной, но такой, увы, быстротечной жизни. Да здравствует вечное наслаждение!

Те, от кого ожидает определенности своей участи и участия в ней, могут говорить на любые темы, кроме той, которая Цинцинната волнует больше всех. Харчи смертникам полагались директорские – еще одно проявление заботы власти об осужденных. Находясь на разных полюсах ситуации, Цинциннат и директор тюрьмы одинаковы в благах – еде. Рагу,

пудинг, сабайон не съедены осужденным на казнь, что вызывает крайнюю обеспокоенность директора тюрьмы. Но завершение жизни Цинцинната, дата прекращения его земного существования, что обострено для приглашенного на казнь, остается лишенным внимания для директора тюрьмы, воплощающего власть и для которого казнь – обыденное дело в череде будней. Он мягко перебрасывает темы от крепости табачка и остывшей еды узника до его покидания этого мира. Торжественный слог директора тюрьмы диссонирует с простым вопрошанием Цинцинната – когда. Одновременный приход в камеру надзирателя с супом и библиотекаря с каталогом, обеспечивая пищу телесную и пищу духовную, подтверждает двойственность потребностей человека.

Адвокат и прокурор, оба крашенные и очень похожие друг на друга (закон требовал, чтобы они были единоутробными братьями, но не всегда можно было подобрать, и тогда их гримировали). Адвокат погружен по плечи в раздумье, у него все тело думает, кроме головы – органа, предназначенного для раздумий. Директор тюрьмы, судья, Эммочка, Марфинька, надзиратель Родион, палач, адвокат, переживающий о пропаже собственной запонки больше, чем о казни Цинцинната, пребывают в одном мире, ввинтившись еще глубже в собственные мирки. В другом мире – невесомый и желающий быть прозрачным Цинциннат, терпеливо ждущий даже не исполнения самого приговора, сколько оглашения его даты. Еще одно проявление двоемирия человеческого бытия: свобода и заточение; тот, кто зависит и те, от кого зависит зависящий; выносящий приговор и приговариваемый, палач и жертва.

И лучше уйти во фрейдистский сон, являющийся королевской дорогой в бессознательное. Вязкость сновидений делает таковыми условность границ жизни и смерти. Сон приравнивается к смерти: переход из сна в явь – это переход из смерти к жизни. И наоборот. Камера – символ одиночества, но которое преодолевается, стоит только раздвинуть стены. Как и отказаться от целостности тела: оно вполне трансформируется. Цинциннат может встать, снять халат, ермолку, туфли, полотняные штаны и рубашку, как парик, голову, как ремни, ключицы, снять и бросить руки, как рукавицы, в угол. То, что остается от него, постепенно рассеивается. Раздвоенность восприятия Цинциннатом самого себя, поскольку

он перемещается в двух мирах. Какой-то добавочный Цинциннат пребывает в смещающемся пространстве: он попадает с крыльца своего дома, толкнув дверь в камеру, в тюрьму. Раздвоенность как неуязвимость спасает, позволяя пребывать в двоемирии «здесь» и «там».

А кто определил внешность палача – грозного исполнителя смертного приговора – хмурым, с топором в руках и в окровавленном рабочем фартуке? Он может быть вполне не просто симпатичным, а ангелоподобным – с длинными ресницами, херувимскими щеками, малиновыми губами и ровными белыми зубами. Палач, переводя приговоренных к казни из мира живущих в мир иной, светел, подернут блеском и весь в свете лучей. Палач налаживает дружеские отношения с осужденным, изучая его шею (по чему в будущем рубить) и душу (по чему рубить нельзя, но которая исчезает вместе с телом).

У Владимира Набокова и палачу, и жертве по тридцать лет. Возраст, приближающийся к деяниям Христа, но палач будет жить дальше, а для Цинцинната обрывается все. Они вместе взойдут на эшафот, но в совершенно разных ролях.

В тридцатилетнем возрасте живут герои еще одного писателя – Франца Кафки. Время творчества одно и для Владимира Набокова, и для Франца Кафки. Они творят в период, когда события захлестывают, сметают, сминают. Набоков уезжает в Америку от революции 1917 года, а Кафка, ненадолго пережив своих тридцатилетних героев, уходит сорокалетним. Оба в завещаниях приговаривают свои детища к сожжению. Ведь немыслящая стихия огня вбирает в себя все, подлежащее горению, независимо от ценности сгораемого. Сам Владимир Набоков отрицает сходство с кафкианскими «Замком» и «Процессом». В предисловии к американскому изданию «Приглашения на казнь» писатель отметил лишь стилистические сочленения, скрепляющие его роман и романы Франца Кафки. Но Набоков пристально всматривается в кафкианский мир, в превращение Грегора Замзы в насекомое, пишет об отношении к поискам дороги к Замку, о процессе взаимоотношения с властью в «Процессе». Франц Кафка бросает своих героев в столкновение с силой, откуда никто не выходит живым. Палач у Кафки – это воплощение невидимой, но весьма осязаемой системы, как и у Набокова.

В любом ее виде и воплощении. У Набокова и у Кафки не атрибутированы время действия и пространство. В любом месте, и в любое время могут существовать созданные их фантазией герои, создавая свои собственные миры и перемещаясь в двух мирах попеременно или одновременно.

Предельные метакатегории времени и пространства у Владимира Набокова вполне ощутимы. Пространство имеет свойство перетекать, сжиматься и писатель с легкостью гофрирует и мнет его. Оно пластично, поскольку герои с необъяснимой легкостью перемещаются из точки в точку, которые не должны по законам маломальской логики находиться в соприкосновении друг с другом или хотя бы в одной плоскости. Время, неотделимое от пространства, имеет звук, и ровно жужжа, продолжает течь. Оно зримо осязаемо и даже цветисто. На пустом нарисованном на тюремной стене циферблате часов сторож смывает старую стрелку и малюет новую. Время крашено. А звон производит часовой, почему он так и называется. Все просто: цвет, звук присущи времени, но не в реальном, а в созданном писательской фантазией мире. Раздвоенность не заканчивается временем и пространством, она обьемлет регламентацию поведения заключенного.

Дирекция тюрьмы заботливо вывешивает восемь правил заключенных, которые по своей природе нелепы и абсурдны. Очевидна параллель (но только в количественном составе принципов, приближающих к совершенству) с восьмью принципами Благородного восьмеричного пути, указанного Буддой. Путь, ведущий к высотам самосознания, к прекращению страдания и освобождению от сансары, балансирует между приверженностью мирским удовольствиям и самоистязанием. Указанный Буддой путь состоит из восьми правил и называется поэтому «благородным восьмеричным путем»: правильное воззрение, правильное намерение, правильная речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное направление мысли, правильное сосредоточение. Какое из этих правил нарушил Цинциннат? Но его усилия не прекращают страдания, а погружают в них. И тюремные правила далеко не способ освобождения от страданий и приведения заключенного к состоянию возвышения над суетой.

Из восьми правил тюрьмы правило шестое предписывает пресекать ночные сны, могущие быть по содержанию своему несовместимыми с положением и званием узника. И вновь

очевидна параллель, но уже с романом-утопией Джорджа Оруэлла «1984». Власть, держащая под контролем всю жизнь граждан, просто обязана знать о содержании ночных снов. Контроль сознания и подсознания – это ли не желание любой тоталитарной власти независимо от места пребывания (в камере или на свободе, что аналогично камерному содержанию) граждан. Восьмое правило не менее, нежели другие пронизано сарказмом: «дирекция ни в коем случае не отвечает за пропажу вещей, равно как и самого заключенного». Да куда же ему пропасть из одиночного заключения без ведома руководства, олицетворяющего власть, которая готова тут же отмежеваться и от пропажи самого заключенного, которого сама и приговорила к заключению? К тому же в камере уже не осталось ни одной точки, которую бы ни протыкал взглядом надзиратель. Жизнь человека в романах-утопиях Евгения Замятина «Мы», Джорджа Оруэлла «1984» подобна нахождению в камере под надзором власти в любых ее проявлениях при наличии полиции мысли, какое бы она ни принимала обличие и название.

Пусть власть слепа, глуха и бесчеловечна. Но должны быть родственные души сочувствующие, любящие, нежные и всепонимающие. Надежда остается на женское участие, которое по своей природе в идеале и должно нести в себе вышеуказанные добродетели. Женские персонажи Эммочка, Марфинька, мама Цинцинната – милые исчадия ада – не спасающие, а добавляющие страдания.

Марфинька и Эммочка – родственные души и тела не столько по возрасту, сколько по восприятию мира: только одна наслаждается жизнью вне тюрьмы, другая в силу службы отца постоянно появляется в тюрьме. Свидание с женой как воспринимается Цинциннатом – это что будет в перспективе или что будет от зыбкого сна. Слезы Марфиньки ни сладкие, ни соленые, они равнодушные как само отношение к судьбе Цинцинната. Двенадцатилетняя Эммочка хотя бы обещает свободу с перспективой брака с Цинциннатом, вода его по прозрачным переходам тюрьмы. Закатившийся в камеру мячик Эммочки – замена ее присутствия, ее продолжение, ее геометрия.

Еще один персонаж, находящийся в двух мирах и с легкостью преодолевающий пространство, – паук. Он – сокамерник

Цинцинната – присутствует в пространстве, появляясь из темного угла в качестве проводника между темным миром и светлым (если к условиям камерного состояния это применимо). В мифологии народов паук воспринимается как знак с совершенно противоположной семантикой. К позитивным значениям действий паука в мифологической интерпретации можно отнести его профессионально-ремесленные навыки, мудрость, трудолюбие, перворемесло. К негативным характеристикам относятся холодная жестокость, колдовские способности, алчность, коварство, плетение сетей греховного соблазна.

Мифологические структуры различных народов преподносят еще более сложные конструкции, сопряженные с ролью паука в формировании мироздания. Им плетется паутина мировых законов, космическая ткань первовещества Вселенной. Не конкретизируя время и место появления мифов о пауке можно перечислить лишь некоторые связанные с ним представления: он создает из раковины улитки землю, из пота – море, из камней – людей, благодаря способности перемещаться во всех направлениях он создает четыре стороны света, при помощи паутины соединяет небо и землю, он – первое существо, созданное для заселения земли, в нем заключена эмблема божественных даров, поскольку спускается с неба на паутине, он – орудие для повеления бурями и штормами. В нем сосредоточена предопределенность земного бытия, он – хрупкость, иллюзорность, символ бренности и уязвимости перед лицом смерти, причина развития и гибели всех феноменальных форм. Он ткач двух миров – Высшей реальности и иллюзии, скрывающей высшую реальность.

Естественно, что мифологическая мысль наделяет паука символом двойственности, чередующей силы разрушения и силы созидания. Центр вращения колеса жизни дает разрешение пауку быть потенциальным источником смерти, соединяя преходящее и вечное. Без спирали развития исчезает стабильность мира, а паук, сматывая нить прежней жизни, чтобы начать прясть новую. Податель благости и предопределения водит душу между мирами inferнальным и человеческим. Не поедая жертву, а высасывая из нее жизненные соки, паук воспринимается как проводник души или (вновь двойственность) как похититель и губитель души. Владимир Набоков впускает в камеру паука с его постоянным присутствием, живущего самостоятельной жизнью: его кормят, с

ним разговаривают, он спускается с потолка камеры, он пожирает мух, плетет паутину. В конце концов, паук оказывается игрушкой, безжизненной, не чувствующей, тем более не сочувствующей. В нем соединяются два мира – обманывающий, бутафорский и устрашающий, реальный.

Сознание самого живого из всех персонажей романа приходит к выводу о мнимой природе мнимых вещей, из которых сбит этот мнимый мир. «Ошибкой попал я сюда – не именно в темницу, а вообще в этот страшный полосатый мир» [9].

«Называемое снами есть полудействительность, ее преддверие и дуновение, то есть что они содержат в себе, в очень смутном, разбавленном состоянии, – больше истинной действительности, чем наша хваленая явь, которая, в свой черед, есть полусон, дурная дремота, куда извне проникают, странно, дико изменяясь, звуки и образы действительного мира, текущего за периферией сознания» [9]. Это, что Юрий Манн назвал редукцией двоемирия [8].

Редукция перехода от инфернального к реальному не оставляет лакун: настолько прочно и плотно подогнаны друг к другу эти ипостаси двоемирия. Всесмешение этих миров преподносит смерть как пробуждение и жизнь как сон. Поэтому решая вопрос о результате казни, читатель верит в жизнь не только героя романа, но и в жизнь как таковую.

Литература

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества: опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 688 с. – Глава III : «Человек. Микрокосм и макрокосм».
2. Большакова А. Ю. Архетип – концепт – культура // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 47–57.
3. Большакова А. Ю. Архетип, миф и память культуры // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: материалы Междунар. заоч. науч. конф. (Астрахань, 19 – 24 апреля 2010 г.). – Астрахань, 2010. – С. 5–14.
4. Гусева Е. В. Роман «Пруд» А. М. Ремизова: поэтика двоемирия // автореф. дисс. на соис. уч. ст. канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 19 с.

5. Канарская Е. И. Двоемирие как архетип русской литературы и его воплощение в творчестве Н. В. Коляды / Е. И. Канарская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 3. – С. 231–236.

6. Коваленко А. Г. Художественный конфликт в русской литературе XX века (структура и поэтика художественного конфликта в русской литературе XX века) : Пособие по спецкурсу. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 57 с.

7. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 240 с.

8. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. – М.: Аспект, 1995. – 240 с.

9. Набоков В. В. Приглашение на казнь / [Эл. Ресурс : www.litmir.me]

10. Уваров М. С. Бинарный архетип. Эволюция идей антиноминализма в истории европейской философии и культуры. – СПб.: Изд-во БГТУ, 1996. – 214 с.

Александр Муцинский
Spliffo@mail.ru

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ КРИТИКА ТЕКСТОВ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА: ОТ «МАШЕНЬКИ» ДО «ЛОЛИТЫ»

Духовная самостоятельность В. Набокова как писателя, которой, как сказала Л. Гинсбург, обвинив при этом его во фрейдизме, у него нет, вне сомнений, пульсировала в творчестве автора «Машеньки» и «Лолиты».

Восприятие критиками набоковского творчества условно можно классифицировать по этапам: «русский» (Г. Адамович, Ю. Айхенвальд, А. Амфитеатров, Г. Иванов, М. Осоргин и мн. др.) и «американский» (Э. Вилсон, Б. Джонс, Г. Рид и мн. др.); а также – ранняя критика В. Набокова и сегодняшняя, причем, как пишет Н. Мельников в своем сборнике «Классик без ретуши»: «Первые дегустаторы набоковских творений... гораздо свободнее» [2, с. 7]. И действительно, первые критики были свободны не только от самого авторитета писателя, но и от инерции критического восприятия его творчества.

Первые критики сосредотачивали свое внимание на эстетической и идейной составляющей, хотя, начиная с критики первого же романа – «Машеньки», – уже были обвинения в подражании. В. Набоков всегда отказывался принять на себя вину в копировании. Отрицание им влияния на свое творчество понятно: еще в 1926 году, находясь в Берлине, сразу после написания «Машеньки», он пишет своей жене: «Госпожа Мельникова-Папоушек пишет, что «Машенька» не роман, что я подражаю Прусту, что некоторые описания «миниатюры», что есть длинноты, которых, мол, у Пруста нет, что вообще задумано не скверно, но выполнено слабо» [2, с. 105]. Многие восприняли первый роман как посредственную социальную повесть, действие в которой сосредоточено только вокруг эмигрантской жизни. Ю. Айхенвальд одним из первых рассмотрел не только поверхностный «слой» произведения, но и тему «потусторонности» – одну из главных тем всего творческого пути В. Набокова. «Бытовое не замкнуто в самом себе, собою не ограничено <...> оно продолжается вдаль и вглубь, оно, по Достоевскому, "касается мирам иным"» – пишет Ю. Айхенвальд [1, с. 26].

Ранние критики пытались рассмотреть первые романы В. Набокова сквозь призму «измов». Например, А. Амфитеатов относил «Машеньку» к «неотургенизму», считая первый роман В. Сирина своеобразным подражанием И. Тургеневу, который (речь идет о «Машеньке») ассоциировался в критической среде с повестями «Ася», «Вешние воды» и «Первая любовь». О творческой связи с И. Тургеневым говорили и А. Изгоев, и К. Мочульский, который называл роман В. Сирина одновременно «дряхлым» и легким, «без волнения».

Второй роман – «Король, дама, валет» – критики восприняли теплее, чем первый, но «ярлыковость» все же продолжала витать в литературной критической среде. Тенденция критической мысли такова: критиками была предпринята попытка определить литературную традицию романа: Г. Струве выделяет в набоковском художественном мире «сочетание внешнего реализма с внутренней **призрачностью**» (одной из главных философских категорий творчества В. Набокова); М. Цетлин «видит» в «Короле...» черты немецкого экспрессионизма; А. Амфитеатов видит же черты футуризма и французского натурализма. Критики положительно отмечают способность В. Набокова очень точно раскрывать

тему «механичности» внутреннего мира героев, подчеркивая, как пишет М. Цетлин, «уродство и пошлость Берлина», который, в описании В. Сирина, сопоставляется с «Петербургом Достоевского и Бунина» [1, с. 44].

Несмотря на тот положительный резонанс, который был вызван «Защитой Лужина», не совсем положительные отзывы Г. Адамовича создали в литературных кругах «врагов» В. Набокова мнение о «вторичности» и «нерусскости» писателя. С теплом новый роман В. Сирина воспринимают А. Новик и В. Ходасевич. О влиянии французской литературы на «Защиту Лужина» Г. Адамович утверждает: «Защита Лужина» – вещь западная, европейская, скорей всего французская» [1, с. 56]. Мысль о том, что В. Набоков «нерусский» писатель, прослеживается также и в его рецензии на «Подвиг», где он пишет: «...если Сирину суждено «остаться» в нашей литературе и запомниться ей, – о чем сейчас можно еще только гадать и догадываться, – то это будет, вероятно, наименее русский из всех русских писателей» [1, с. 92]. Всю жизнь В. Набокова будут преследовать обвинения в подражании французской литературе, и всю жизнь он будет отвергать любое творческое влияние со стороны. В противовес мнению Г. Адамовича А. Савельев писал, что «Защита Лужина» – «специфически русский роман» [1, с. 64].

Мнения критиков разделились по поводу того, какой культуре близок роман – французской или же русской. Вопрос о влиянии И. Тургенева либо же И. Бунина отошел на второй план. Ориентир на отсылки к творчеству писателей XIX века сменился проблемным вопросом о принадлежности к национальной традиции русской или же французской литературы. Так, защищая творческую самостоятельность В. Набокова, А. Новик пишет о том, что «В. Сирин пишет свой роман так, как будто у него нет никаких предшественников» [1, с. 70]. Безусловно, французская литература имела большое влияние на В. Набокова: отсылки к М. Прусту можно найти практически в каждом романе писателя. Но влияние не умаляет творческой самостоятельности В. Сирина, а наоборот – формирует ее.

Категорично, в некоторых строках своего критического этюда о «Машеньке», «Короле, даме, валете», «Защите Лужина» и сборнике рассказов «Возвращение Чорба», высказался о личности В. Сирина Г. Иванов, назвав того «знакомым нам от века

типом способного, хлесткого пошляка-журналиста, «владеющего пером» и на страх и удивление обывателю, которого он презирает и которого он есть плоть от плоти...» [1, с. 180]. Мы видим, как разные творческие задачи двух писателей и разный взгляд на литературу создают литературную «неприятность» друг к другу. И то слово, значение которого В. Набоков пытался истолковать своим студентам, было применимо в критической среде к нему (речь идет о «пошлости»).

Следующие произведения (повесть «Соглядатай» и роман «Подвиг») критическая среда восприняла довольно холодно. Не все, как Н. Берберова, были уверены в зрелости В. Набокова-прозаика. Многие критики отмечали «отсутствие жизни», механичность и поверхностность нарратива. По словам Г. Адамовича, «Соглядатай» явление «не творческое, а техническое», а «Подвиг» – «проза холодная и опустошенная» [1, с. 92].

Словесные quest-лабиринты В. Набокова смущали многих критиков, которые считывали только «верхний слой» текстов, считая, например, антидетектив В. Набокова «Отчаяние» всего лишь историей об одном «преступлении и наказании». Очень точно по этому поводу подметил В. Ходасевич, открывая «глаза» критикам на философский подтекст романа: «С первого, поверхностного взгляда это – повесть об убийстве. В действительности, как и «Защита Лужина», это повесть о творчестве» [1, с. 120]. В образе Германа многие видели персонажей Ф. Достоевского. Ж. П. Сартр утверждает даже, что автор «Преступления и наказания» является духовным учителем В. Набокова, который идентичен со своим героем, похожим на персонажей «Подростка», «Вечного мужа», «Записок из мертвого дома» [3, с. 262]. После написания В. Набоковым «Отчаяния» тема Достоевского начинает интересовать практически каждого критика. По сегодняшний день в набоковедении актуальна проблема интертекстуальных связей в творчестве В. Набокова и Ф. Достоевского. Так, современный историк литературы А. Долинин «видит» в «Отчаянии» того же Родиона Раскольникова, воплощение которого в Германе, кстати, В. Ходасевич отрицал.

«Утомительно, жутко, дико!» – именно так высказался в рецензии о «Приглашении на казнь» Г. Адамович [1, с. 138]. В «Современных записках» В. Ходасевич в рецензии, в которой он по-

ложительно отозвался о романе, выделяет главную задачу Сиринского творчества – «развитие образов», а также, проследив связь с классикой русской литературы XIX века, заявляет: «Полагаю, что в русской (а вероятно – в мировой) литературе есть только одно произведение, генетически схожее с «Приглашением на казнь»: это – гоголевский «Нос» [1, с. 139].

Самый главный труд «русского периода» В. Набокова – это, безусловно, «Дар» – роман, в котором главной героиней, по словам самого автора, является «русская литература». С авторской позицией В. Набокова перекликается трактовка романа П. Пильским в его не совсем положительной рецензии, где он пишет, что «Сирин вообще пишет не для читателя, а для литературы и о литературе» [1, с. 151]. Особенное внимание критик уделяет роли эпитетов в романе, считая, что они ушли далеко от банальных, «зажеванных» и «заезженных», но при этом они (как и стиль В. Набокова) сравниваются в рецензии с «искусственным дождем».

Произведение привлекло внимание критиков не только «русским языком во всей своей красе»: жизнеописание Н. Чернышевского не нашло отклика и не вызвало желания печатать его у редакторов журналов. Так, например, В. Руднев отказался печатать IV главу в «Современных записках», что, конечно же, негативно отразилось бы на полноценном восприятии читателем смысла «Дара». Позиция Федора Годунова-Чердынцева, а точнее – самого В. Набокова, как считали многие, казалась слишком категоричной по отношению к автору романа «Что делать?». На очевидность того, что герой «Дара» – «Я» В. Набокова, указывает В. Ерофеев, который пишет, что созданная биография Н. Чернышевского героем романа – фикция, а сам писатель «даже не пожелал заgrimироваться» [4, с. 7].

Хотя сам В. Набоков отрицал слияние со своими героями, но более ранний постоянный критик творчества В. Сирина, Г. Адамович, утверждает, что «Годунов-Чердынцев – это сам Сирин!» [1, с. 156]. Можно с уверенностью сказать, что именно публикация «Дара» является кульминацией проблемы, анализируемой критиками, – проблемы отражения набоковского «я» в его творчестве.

С «Истинной жизни Себастьяна Найта» начинается американский период В. Набокова. Американская критика тепло вос-

приняла написанный на английском языке новый роман писателя. Внимание критиков не было сосредоточено на «нерусскости» и пародийном аспекте в романном пространстве В. Набокова, который теперь перешел на «второсортный английский» – язык, на котором, безусловно, у него получилось писать. Критики положительно отозвались о переходе В. Набокова на английский язык. Так, например, М. Толстая восхищается им: «Английский язык Сирина превосходит» [1, с. 236].

Если в «Истинной жизни Себастьяна Найта» критики в своем большинстве не констатировали наличие интертекстуальных связей с теми или иными произведениями, то в рецензии на следующий англоязычный роман, «Под знаком незаконнорожденных», Н. Ротман указывает на отсылки к творчеству Дж. Джойса и выносит роман из ряда антиутопических произведений: «Слепящей тьмы» А. Кестлера и «Скотного двора» и «1984» Д. Оруэлла. Критик устанавливает: «Он [Набоков] многим обязан Джойсу; это становится очевидным в отступлениях и отдельных погружениях в глубины сознания, в певучих фразах, в непрерывных литературных аллюзиях...» [1, с. 251]. И, несмотря на эти отсылки, критик все же убеждена, что В. Набоков не типичный писатель-эпигон, а самостоятельный художник, продолжающий «идеи первоисточника».

Роман, который занимает, по версии журнала «Le Monde», 27 позицию из «100 величайших книг XX века», обогнавший «Улисса» Д. Джойса и снискавший себе славу «самого скандального романа», вознес В. Набокова на вершину популярности – речь идет, конечно же, о «Лолите». Слава романа сформировалась от обратного: черный пиар только косвенно помог произведению; «лолитофобские отзывы», как называет негативные отзывы критиков Н. Мельников, в содержании которых присутствовали заявления о наличии порнографии в романе, привлекли внимание не только обвинителей, но и защитников «Лолиты». Писатель русского зарубежья М. Слоним одним из первых выступил на «защиту» романа, высказавшись о нем так: «Говорить о том, что «Лолита» – неприличный и даже «скабрёзный» роман, могут лишь те, кто не понимает серьезного замысла произведения и его выдающихся литературных достоинств» [5, с. 80]. Многие критики восприняли роман как «смешную книгу» – так, например, Д. Холландер считает, что «Лолита» – «едва ли не самая смешная книга из всех, какие довелось про-

честь» [1, с. 271]; по мнению Ф. У. Дюпи: «Лолита» и впрямь разительно смешна, исполнена бурлескной стихии» [1, с. 273]; Л. Триллинг называет «Лолиту» универсальной сатирой [1, с. 283]; Э. Дженуэй рассказывает о своих первых впечатлениях после прочтения «Лолиты»: «Знакомясь с «Лолитой» впервые, я подумала, что это – одна из самых смешных книг, какие мне довелось прочесть» [1, с. 291].

В противовес подобным заявлениям Ф. Тойнби высказался, что не верит в произведение как в «намеренную сатиру на американскую жизнь». Л. Триллинг, в противовес другим мнениям, чувствует, что главная тема произведения явно не соблазнение маленькой и невинной девочки – он утверждает, что «Лолита» – это роман, прежде всего, о любви. Пожалуй, подобное мнение – это мнение «идеального читателя», который смог «прорваться» сквозь первый, поверхностный, слой произведения, увидев в нем значительно большее.

Помимо подобных заявлений не обошлось и без «прустовского влияния»: тот же Ф. У. Дюпи сопоставляет эпизод в «Привале Зачарованных Охотников», где «Гумберту и Лолите в конце концов удастся соблазнить друг друга» (примечательно, что слова критика «друг друга» намекают на некую обоюдность), с эпизодом из романа «В поисках утраченного времени», когда барон де Шарлю просит за деньги выпороть его плетью в отеле.

Гумберта Гумберта сравнивали и с Дон Жуаном, и со Ставрогиным и Свидригайловым (у Ф. Достоевского); «Лолиту» сравнивали с «Улиссом» Дж. Джойса, со «Стеной» Ж.П. Сартра, с «Любовником леди Чаттерлей» Д. Лоуренса, с поэзией Ш. Бодлера и Т. Элиота. С. Лем в своей статье «Лолита, или Ставрогин и Беатриче» много времени уделил сопоставлению героев Ф. Достоевского с Гумбертом. В частности, С. Лем считал, что образ Свидригайлова воплотился в Гумберте, но не полностью: герой «Лолиты» – смешон, а Свидригайлов же не вызывает улыбки; соблазненная Свидригайловым девочка, которая появляется у него во сне и которая пытается его соблазнить там же, воплощается в образе Лолиты, соблазнившей Гумберта в номере мотеля. «Два образа, две стороны свидригайловской страсти, любовь к взрослой женщине и извращенное влечение к ребенку, Набоков слил воедино» – констатирует С. Лем. И самое главное, на наш взгляд, что подмечает критик, это «мета-

морфозы» чувств героя, его переход от просто «телесного влечения» к любви, которая льется вместе с его слезами, когда он видит Лолиту – в очках и беременную.

Таким образом, как мы видим, взгляды критиков на роман, вызвавший скандал во всем мире, были сосредоточены на следующих аспектах: «Лолита» как порнографический акт; роман о любви; роман о соблазнении взрослым мужчиной маленькой девочки (или же наоборот); клинический роман о Стокгольмском синдроме и пр. и пр. Пожалуй, лишь С. Лему удалось соединить в критике романа порнографию и любовь воедино, создав при этом синтез двух противоположных явлений.

В приведенных выше произведениях нами была зафиксирована эволюция отзывов в литературной критической среде о прозе В. Набокова: от «Машеньки» к «Лолите». Наш анализ дает проследить то, как эволюционируют взгляды критиков, изначально направленные на идейную и тематическую составляющую (в «Машеньке», «Даре»), после – на «нерусскость» писателя и следование западно-европейской литературной традиции (Дж. Джойс и М. Пруст), а после, в «Американский период», на диглоссии текстов («Истинная жизнь Себастьяна Найта» и англоязычная «Лолита»).

Список использованной литературы

1. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 688 с.
2. Набоков В. Письма Вере. – СПб.: Азбука-классика, 2019. – 700 с.
3. Pro et contra. В.В. Набоков. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, – 1997. – 976 с.
4. Набоков В. Собрание сочинений в 4-х томах. – М.: Правда, – 1990. – Т.1.
5. О Набокове и прочем: Статьи, рецензии, публикации / Николай Мельников. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 424 с.

РАЗДЕЛ 4. ОБЪЕМНОЕ ВИДЕНИЕ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, ИНТЕРВЬЮ

Арсентий Атоян
atoyannn@bk.ru

ПРИБОЩАЙТЕСЬ К МОНТЕНЕВСКОМУ КРУГУ!

*Интервью по сайту «Одуванчик», приуроченное к выходу
книги «Монтень в Луганске» в 2020 году*

– Расскажите о книге «Монтень в Луганске» и чему она посвящена?

– Пятый Монтеневский сборник посвящен тридцатилетию самого феномена Философского монтеневского общества, но, как у нас принято, и тем проблемам, которые волнуют выступавших или намеревающихся это сделать в ближайший год. Иными словами, в сборнике участвуют те, кто хочет и с тем, с чем хочет. Никому из желающих у нас выступить за тридцать лет не было отказано, а это почти две сотни людей! Причем некоторые выступали не только не единожды, но и десятки раз. Неполный список докладов по годам мы поместили во втором сборнике «Четверть века с философией».

Это может вызвать недоумение. Давать слово всем – значит, и тем, кто против истины. Разумеется. Мы сообщество ищущих, а не нашедших. Негуманным предложениям давался отпор, но не кулаками, а аргументами. Помнится инцидент с украинским националистом. Гнев на георгиевскую ленту: «Все вы колорады...» и тут же монтеневка, сидевшая слева от националиста, достает из дамской сумочки георгиевский бант и вешает себе на грудь... Нельзя сказать, что мы эклектики, ибо рамки гуманистических ценностей остаются незыблемыми, однако мы прежде всего – разномышленники. Этим наше общество отлично от множества других существующих или давно распавшихся интеллектуальных сообществ.

– Как все начиналось?

– Общество создано осенью 1990 года. Первое собрание прошло 15 ноября в Доме политпросвещения – тогда истфаке педагогического института, теперь дом Фемиды напротив

прокуратуры. Часть луганской интеллигенции в предчувствии поражения перестройки, не сговариваясь стихийно заняли скептическую позицию к тому, что должно уйти, и к тому, что должно прийти. Запугивание перспективой гражданской войны только входило в господствующий дискурс. Сегодня трудно сказать, была ли позиция скептиков единственно верной. Но из ситуации каждый выбирался сам. Разномыслие создавало многовекторность суждений. Сегодня часть луганских скептиков оказалась за линией соприкосновения и даже пытается организовать ФМО в Северодонецке (все, что я знаю об этом: первое собрание в Северодонецке закончилось шашлыками, чего мы себе за тридцать лет так и не позволили).

– Как проходили заседания?

– Собрания проходили по разным формам проведения, пока не выработалась привычная. Сорок минут доклада, три круга вопросов (порой очень длинных, доходило до анекдотичного вопроса размером в доклад, многое вспоминается с улыбкой), до десяти минут желающему на реплику. Среди первого поколения присутствующих на собраниях были известные в Луганске люди Александр Еременко, Константин Деревянко, Илья Кононов, Константин Зарубицкий, Сергей Прасолов, Петр Нестеров, Василий Кузнецов, Олег Соловьев, Юлия Молчанова, Владислав Карабулин и многие другие.

В последующие годы особенно важную роль сыграли в перемене проблемного поля, его приближения к реальным, не диссертабельным темам за счет расширения тематикой самой жизни или ее отражений в культуре Сергей Бойчук, Игорь Шупчинский, Александр Ермашев, Анатолий Зеленко, Виталий Даренский, Василий Попов, Алексей Блюминов, Владимир Сабадуха, Виктор Даниленко, Руслан Егоров, Владимир Рудоквас и многие другие.

– О чем получился пятый сборник?

– Книга разбита на три части, название которых даны в подзаголовке «Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видение» (2020).

Часть первая «Фокус осознания» посвящена самому монтеневскому обществу, его истории и современному состоянию. В статье Нины Ищенко анализируется путь и основные вехи деятельности ФМО, дается представление об обществе, в том числе об инфантильном и зрелом содержании тематики

обсуждений. Статья Виталия Даренского проводит параллели метода майевтики и практики наших заседаний, находит нечто общее между интеллектуальными практиками философов в разных частях мира и в разные эпохи.

Часть вторая «Спектр возможностей» посвящена докладам, которые только предполагаются к прочтению. Среди них особенно интересен доклад Валентины Патерькиной о Кафке с разбором его произведений через лабиринт его собственной жизни, что довольно свежо читается и неплохо прозвучит в критически настроенной аудитории. Статья Константина Деревянко является очень острым комментарием к Парижской декларации европейских интеллектуалов, различению ложной и истинной Европы, тупику стремления украинской нации и культуры в ложную Европу. Статья Нины Ищенко «Принципы социологии воображения в книге Елены Заславской "Донбасский имажинэр"», где анализируется сборник современной луганской поэтессы в контексте философского учения Жильбера Дюрана, известного французского антрополога, развивавшего теорию коллективных архетипов. Разбираемые стихи Заславской также помещены в этом разделе. Статья Андрея Кондаурова – маленькое и существенное предупреждение о пророческом характере жертв Теночтитлана.

Вообще латиноамериканская тематика – не редкий гость в нашем обществе, как индейская, индийская, китайская и вообще экзотическая. Иногда с ней выступают люди, побывавшие в Индии, Японии, Таиланде, Турции и других странах. Думаю, нет смысла пересказывать представленные статьи, отсылаю к сайту «Одуванчик».

Часть третья «Периферическое видение» представляет отклики на все сборники. Среди рецензентов – творческие люди, известные в литературном мире России, Украины и Луганска. В этом разделе помещены отклик Вука Задунайского, Натальи Матвеевой, Александра Еременко, Александра Сигиды-младшего, критика и секретаря Союза писателей ЛНР Андрея Чернова, четырежды чемпионки по тайскому боксу, факира, йогини, учившейся в Бомбее Ольги Бодрухиной, а также монтеневцев, которые проживают ныне в других городах – Евгения Гнатенко и других. Большинство из них помнится своими докладами на ФМО и, надеемся, еще примет участие в наших сборниках, а возможно, и заседаниях.

Вообще у нас принято говорить, что в обществе побывали люди самые разные – от киевской профессуры до городских сумасшедших. Есть просто уникальные люди с интересным замыслом жизни или судьбой странствий – Александр Сгонников и представленный в сборнике своей развернутой репликой Георгий Елпашев (псевдоним). ФМО дорожит людьми, и это притягивает. География наших поклонников включает Питер. Наш первый спонсор Николай Щербаков – предприниматель из этого города.

В сборнике есть сведения о всех авторах и перечень работ нашего товарища, ушедшего в мир иной весной 2020 года, когда пятый сборник готовился к печати, Владимира Яковлевича Карбаня, которому мы обязаны продолжением неформального общения монтеневцев на протяжении многих лет, едва ли не с года основания... Его отзыв «Из-под глыб» соседствует с отзывом Адександра Еременко «Поверх барьеров» (они были друзьями) и дает представление об отличии позиций двух крыльев ФМО, разделенных войной. Кстати, именно Карбань сделал ФМО известным в интернет-сообществе, помещая там наши анонсы и другие материалы.

– Расскажите подробнее о Владимире Карбане. Каков его вклад в ФМО?

– Владимир Карбань был примером независимого интеллектуала, который, будучи в курсе всего, что творится в культуре, а он был не только сотрудником художественного музея, квалифицировано разбирался в философии, архитектуре, скульптуре (чего стоят его заметки о двух скульптурах Владимира Дала!), живописи, поэзии, музыке, литературе и других искусствах, но и человеком, чья эрудиция составляла не главное, а вспомогательное средство распространения доброты, отзывчивости, внимания к молодым талантам. У него в доме часто бывали гости из Москвы и других городов России, у него можно было узнать о любых новинках в области культуры, его оценки текущих и исторических событий не вызывали ожесточенных споров ввиду их взвешенности. За тысячи километров он дружил по скайпу с известными людьми в культурном мире, часто гостеприимно принимал журналистов, художников, музееведов, к нему сходились ниточки самых разных людей, носителей различных мировоззрений, что было ценным для ФМО. Он действительно не делал до-

кладов, но горячо участвовал в их обсуждении и создавал атмосферу легкого настроения при кризисных ситуациях, из которых было выйти сложнее без его заинтересованной и примирительной манеры ведения дискуссии. В этом он остался образцом. Словом, мы потеряли друга, и наше желание посвятить ему сборник естественно, ибо и сам Монтень отрицал в «Опытах» ритуалы скорби, но учил поминать дела людей их добрыми делами.

– Каковы планы на будущее?

– В наших планах привлечение большего числа выступающих, качественные доклады новых лиц. После долгих лет в педуниверситете и Далевском университете мы опробуем новую площадку – Горьковскую библиотеку, где каждую среду минус каникулы студентов, на которых мы также имеем виды, мы встречаемся в половине третьего. Что касается дальнейшего продвижения наших сборников, то нам кажется перспективной тема порубежной антропологии восточнославянских народов, акцент на общность судьбы и государствообразования, что представляется одним из путей собирания людей, духа и земель на Завтрашнее торжество и пиршество славянства и входящих в Русский мир народов, что представляется альтернативой нынешнему унылому самостийничеству. Хочется поискать и путей мира – усталость давит людей, мешает жить... Вместе – мы сила, в отдельности – недоразумение. Но тематика еще только прорабатывается. Хочется быть не ангажированными той или иной стороной, но полезными Народной республике и философскому сообществу. Хотя Монтень и говорил, что каждый должен сам себе быть обществом, но и единение разномыслящих обществ необходимо в мире, где ломается пространство взаимодействия, которое складывалось веками. Нужно быть готовыми к неожиданностям. Мысль не всемогуща, но проникает дальше лба и носа.

Приобщайтесь к монтеневскому кругу!

**ДОНБАСС В ОГНЕ:
ОЩУЩЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ
В МНОГОГОЛОСИИ ТЕКСТОВ**

Отзыв

*на издание «Донбасс в огне: сборник материалов
Философского монтеневского общества за 2017 г.»*

Революция... Что стоит за этим историческим термином? Если мы обратимся к классическому определению понятия революция в отечественной историографии, то придется процитировать следующее: революция – коренной переворот в жизни общества, сопровождающийся изменениями в социально-экономической, политической, социокультурной жизни общества и, как правило, сменой политического режима.

Мы часто задаемся вопросом «Революция – это трагедия или благо?». Можем ли мы использовать такие эпитеты как «великая» по отношению к ней? Можно ли давать революции как социальному явлению морально-этическую оценку? Сложно. Она никогда не будет однозначной, потому что революция, как правило, перетекает в гражданскую войну, а война – это смерть. А смерть хорошей быть не может... Гражданская война самая страшная и бесполезная война, которая никогда не имеет победителей.

Неоднозначность в оценке понятия «революция» точно, лаконично и образно показана в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». В его тексте мы встречаем две оригинальные и емкие цитаты, которые выражают мнение главного героя произведения, рядового врача, интеллигента, потерявшего себя в революции и одновременно обретшего нечто новое. Цитата первая: «Революции производят люди действенные, односторонние фанатики, гении самоограничения. Они в несколько часов или дней опрокидывают старый порядок. Перевороты длятся недели, многие годы, а потом десятилетиями, веками поклоняются духу ограниченности, приведшей к перевороту, как святыне». Сложно не согласиться – настолько точны и страшны эти слова. Далее, по тексту встре-

чаем еще одну цитату: «Война была искусственным перерывом жизни, точно существование можно на время отсрочить (какая бессмыслица!). Революция вырвалась против воли, как слишком долго задержанный воздух. Каждый ожил, переродился, у всех превращения, перевороты. Можно было бы сказать: с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая. Мне кажется, социализм – это море, в котором должны ручьями влиться все эти свои, отдельные революции, море жизни, море самобытности».

Лично мне не всегда была понятна эта идея насчет двух революций, пока не начались революционные изменения и военные действия в наше время – в 2014 г. А теперь все стало на свои места, можно сказать совершенно точно, что в наше время случилась такая же ситуация: для каждого произошло две революции – внешняя, политическая, и внутренняя, личная. И в этом, в возможности проводить параллели и учитывать уроки истории, в том числе революции 1917 года, и заключается ее огромное значение. Не повторить ошибок прошлого можно только обратившись к истории, а сделать это можно лишь при наличии источников и широкого массива историографии.

Одним из таких источников является издание «Донбасс в огне: сборник материалов Философского монтеневского общества за 2017 г.». Книгу нельзя отнести к конкретному жанру. Это сборник произведений – прозы и поэзии – самых разных жанров. В многоголосии авторских текстов, принадлежащих к разным эпохам, политических направлениям, социальным и возрастным категориям, каждый читатель сможет найти что-то свое. Это будет свое ощущение революционной эпохи, полученное благодаря найденной составителями сборника возможности подобрать к каждому свой ключик – через стиль, жанр, эмоциональное наполнение авторского текста.

В этой книге есть все – документальные очерки, научные статьи, художественные произведения – для того, чтобы понять стихию, захлестнувшую Донбасс с интервалом почти в сто лет, ощутить на себе ее дыхание, убедиться (или разочароваться?) в своей донбасской идентичности.

«Донбасс в огне» – издание, которое не просто заставляет думать и переживать, оно поневоле расставляет акценты и дает ответы на вопросы, которыми многие, вероятно, еще не задавались.

Представленные в книге материалы дают возможность не только исследователю, но и любому неискушенному читателю понять причины революционных событий на Донбассе, дать им собственную оценку, увидеть связь между событиями прошлого и настоящего, понять, стоит ли общечеловеческое благо чьей-то единственной жизни, унесенной странной и страшной гражданской войной.

«МОНТЕНЬ В ЛУГАНСКЕ»: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ РАБОТЫ

Виталий Даренский
darenskiy1972@rambler.ru

Вдохнуть новую жизнь

Книга «Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видение», вышедшая в год 30-летия луганского Философского монтеневского общества, не только представляет собой символический юбилейный сборник, но и весьма интересна по своему содержанию.

Прежде чем кратко отметить, чем она интересна, стоит сказать два слова и о судьбе самого ФМО. После своего расцвета в 1990-х – начале 2000-х годов общество начало было угасать, но затем неожиданно получило новый импульс развития благодаря тому, что в его деятельности стали принимать самое активное участие культуролог Нина Ищенко и поэтесса Елена Заславская. Они фактически спасли его из небытия и вдохнули в него новую жизнь. Арсентий Атоян, один из основателей ФМО в 1990 году, и до сих пор остается его постоянным участником и вдохновителем, но без людей нового поколения он сам ничего не смог бы сделать.

Автор этих строк сделал в ФМО несколько десятков докладов на рубеже 1990–2000-х годов, но затем прекратил активное участие. И таких, как я, было много. Но вот пришли новые люди, и все начали почти сначала. Более того, благодаря их усилиям ФМО с 2015 года впервые начал публиковать свои наиболее интересные доклады в виде ежегодных сборников. Этот сборник уже пятый.

Вторым из оставшихся до недавнего времени основателем общества был скончавшийся в этом году искусствовед Владимир Карбань. Его светлой памяти с благодарностью посвящена эта новая книга.

Предвосхищая Монтеня

Первый раздел книги «Фокус осознания» открывается статьей патриарха ФМО Арсения Атояна «В предвосхищениях Монтеня. Прогресс движут сомнения, или Как периферическое видение становится фокусом осознания». Это рефлексия над изначальными основаниями особого, монтеневского, образа философствования на основе анализа судьбы самого Монтеня: основаниями, что позволили состояться и ФМО.

Как пишет автор, «предмет философии Монтеня нельзя закрепить раз и навсегда, так и точки зрения меняются, а их совокупность лишь приближает к истине, не исчерпывая ее... ФМО исследует пространство мысли на индивидуальном уровне каждого из участников своих собраний, ищет альтернативы имеющимся в хождении проектам преобразования мира в себе и себя в мире, открывает спектр возможностей поиска истины».

Самоосмысление луганских авторов

Статья Нины Ищенко «Философское Монтеневское общество Луганска как историко-культурный феномен» также имеет аналитический, но уже более академический характер.

После краткого обзора содержания ранее вышедших сборников автор делает следующий обобщающий вывод: «основное направление работы ФМО – общаться со слушателем и читателем вне академического формата, предлагая пространство для возможного диалога всем интересующимся гуманитарными науками. Какие виды деятельности производит указанный общий вектор развития?»

Анализ докладов ФМО, список которых приведен в сборнике «Четверть века с философией», позволяет выделить следующие функции ФМО: «площадка для проверки тезисов ученых, просвещение, реализация междисциплинарных свя-

зей в гуманитарной сфере, способ донести до публики важные для докладчика идеи, манифестация луганской философско-культурной среды».

Сделав обзор главных тем и важнейших функции ФМО, она также отмечает: «посетители заседаний ФМО имели возможность поучаствовать в философском осмыслении актуальных тем, новинок и классики кино, литературы и политики, а также ознакомиться с поэтическим творчеством луганских авторов»; «важная функция ФМО – это манифестация луганской философской мысли, самоосмысление луганских авторов как принадлежащих полю философской культуры».

Город-интроверт

На основе этого рассмотрения Ищенко делает и вывод более широкого плана.

Она пишет: «Анализ деятельности ФМО по манифестации менталитета луганской интеллигенции позволяет отметить главную характерную черту философского и культурного пространства нашего города: Луганск – город-интроверт. Луганск в культурном пространстве представляет собой самозамкнутый локус, принимающий разнообразные влияния, усваивающий самые разные идеи, но как правило, не стремящийся ничего транслировать вовне. Для луганского философа быть важнее, чем казаться».

Трудно не согласиться с этим, однако названное правило имеет много исключений, к числу которых относится и сама Ищенко, которая в настоящее время активно публикуется в авторитетных изданиях Москвы и других культурных центров. Поэтому говорить якобы о стремлении «ничего не транслировать вовне» явно не приходится.

И на своем опыте могу сказать, что специфическая школа дискуссий Монтеневского общества дала нам большую фору при выступлениях на конференциях в далеких от Луганска городах, удивлявшая тех, кто нас не знал раньше.

Пространство Интернета

Ищенко указывает на важное изменение в работе ФМО – выход в пространство Интернета: «на сайте луганской куль-

туры "Одуванчик" публикуются анонсы заседаний и выложены аудиозаписи некоторых выступлений, а также в электронном виде все четыре сборника ФМО, которые успели войти в различные онлайн библиотеки с момента публикации». При этом есть и «единственная функция, которую может выполнить только ФМО – это манифестация луганской культурно-философской идентичности».

«Показательно, – отметила Ищенко, – что когда началась война с Украиной и некоторые философы, преподаватели, деятели культуры сделали выбор в пользу Украины, в Луганске осталось достаточно мыслящих людей, чтобы уже в ноябре 2014 года Философское монтеневское общество возобновило свою работу, которая продолжается и в настоящее время».

Общий вывод автора таков: «Философское монтеневское общество сформировалось как яркий локальный культурный феномен интеллектуальной жизни Луганска. Это немаловажный локус культурного пространства нашего города, на базе которого сформирована культурная традиция философского общения, позволяющая жителям и гостям города принять непосредственное участие в философском творчестве».

Майевтический метод

В статье автора этих строк «Философская практика Монтеневского общества как возрождение метода майевтики» акцентирована мощная преемственность практики ФМО с самыми базовыми основаниями самой философии. Поэтому «Философское монтеневское общество не было неким провинциальным феноменом, но решало фундаментальную историческую задачу трансформации сократического метода. Модель обсуждения темы с основным докладом, несколькими кругами вопросов и кругом завершающих выступлений всех присутствующих, по-видимому, является эффективной формой майевтического метода».

Эту мысль продолжил другой «ветеран» 1990-х годов, выпускник МГУ, а ныне священник отец Евгений Гнатенко в своем очерке «ФМО – протуберанец Афинской школы философии». Он отметил, что «именно эта пропасть между живой мыслью и казенной философией вызвала к жизни монтеневское общество, и «отдохнуть ото всей этой мертвечины можно было на заседаниях монтеневского общества». ФМО стало

моделью отношения между собой взаимоисключающих мировоззрений и стилей мысли: и «споры эти до сих пор не завершены: "высокие спорящие стороны" – православные, коммунисты, позитивисты, экзистенциалисты и постмодернисты – все остались при своих. Но личность Атояна, бесконечно любезного, бесконечно общительного, бесконечно щедро дарящего свое свободное время монтеневскому обществу, сумела сберечь этот протуберанец афинской школы философии в нашем провинциальном Луганске».

Многолетние участники

Отрадно, что в сборнике нашлось место и высказываниям Георгия Елпашева – легендарного «Жоры-неформала», когo мы знали с середины 1990-х годов, неутомимого путешественника и неутомимого спорщика с тремя неоконченными высшими образованиями. Он отметил: «Я, наверное, единственный из постоянных посетителей Философского монтеневского общества, который никогда не делал докладов. Меня интересовали дискуссии и обсуждения, возникающие на заседаниях».

Другой многолетний участник ФМО Александр Грошенко весьма удачно сформулировал специфический стиль большинства докладов: «Изумляют ажурные филологические конструкции из цитат и ссылок на великих мыслителей, украшенные философскими терминами и логическими коллизиями».

Философский спецназ

Особо стоит выделить яркое эссе Ольги Бодрухиной «ФМО как философский спецназ». Столь экстравагантная формулировка оказывается вполне оправданной, например, вот почему: «В общем, вы поняли, как приблизительно проходят там заседания: каждый раз – как последний. Пока так называемый цивилизованный мир пытается сделать всех стерильными и "кошерными", подравняв под одну гребенку, вогнав в один нечеловеческий ритм, ФМО, как философский спецназ, противостоит этим навязываемым актуальностям. Хотя бы тем, что пытается осмыслить их причину и меха-

низмы. Каждый член ФМО по-партизански противопоставляет свою актуальность тоталитарной. При выборе тем докладов "о насущном" преобладает логика божественного, из разряда "увидел во сне, или сильно зацепило – сделал"».

«На мой взгляд, – отмечает автор, – осмысление, которое в целом происходит в ФМО каждым из его дружины по отдельности, направлено на разоблачение всей той порочности, которая выдается за прогресс. Прогресс нас ест. Война, которая ведется здесь и сейчас – это символическая война, и можно сказать, что она направлена на разоблачение мифа современного прогресса, стерилизации и комфортизации"; и поэтому "философский спецназ воюет за способность рождать новые жизнеспособные смыслы", а "перед членами ФМО стоит задача: каждый раз отправляться в первый бой, откуда невозможно вернуться, не вынеся новый смысл и опыт"; именно эта "укорененность в своем, а не чужом сознании, в своей идее и своем тайном – признаки того, что ты не паразитируешь, а творишь. ФМО желает этого всем».

Как работает ФМО

Второй раздел книги «Спектр наших возможностей» вновь открывается текстом доклада Атояна «Русский мир как необходимость ответного действия, Или в защиту сообразительности на лестнице». В нем дан анализ местных и мировых процессов под углом «монтеневского зрения», для которого очевидно, что «реакция распада охватывает все больше пластов жизни, консолидация грядет как необходимость действовать в интересах нынешнего и будущих поколений».

Далее опубликован доклад Нины Ищенко «Принципы социологии воображения в книге Елены Заславской "Донбасский имажинэр" (2020)», как весьма характерный образец тех типов докладов, которые популяризуют новые и весьма сложные по содержанию типы философской работы. Автор делает в нем широкий обзор авторов-классиков определенного направления мысли и подробно разъясняет его концептуальные основания, которые, впрочем, всегда были очень близки монтеневцам: «Социология воображения утверждает, что логос определяется мифосом, то есть структуры рациональности порождаются структурами имажинэра».

Здесь же публикуются и тексты произведения Елены Заславской, которые автор анализирует в своем докладе.

Не менее показателен для стиля мысли ФМО и текст Валентины Патерькиной «Франц Кафка: преодоление лабиринта». Автор приходит к выводу: «сравнивая жизнь каждого человека с лабиринтом, в центре которого находится смерть, прежде чем окончательно перестать существовать, человек проходит последний лабиринт. Не такие ли лабиринты проходил Франц Кафка, прежде чем уйти в вечность?»

Один из основателей ФМО Константин Деревянко в своем традиционном полемическом ключе в докладе «Геть від Європи» анализирует известную Парижскую декларацию «Европа, в которую мы сможем верить», по ходу дела иронизируя над наивностью киевского европоклонника Андрея Баумейстера и иллюзиями «европейской Украины».

Наконец, представитель молодого поколения участников ФМО Андрей Кондауров в докладе «Апокалипсис Теночтитлана: Тлалок против Колумба» обнаруживает глубинные метафизические смыслы в трагической судьбе одной из великих древних культур, уничтоженной европейцами.

Взгляд со стороны

В третьем разделе «Периферическое видение» приводятся 10 рецензий разных авторов на первые четыре сборника ФМО. Они по-своему интересны как тот важный взгляд со стороны, благодаря которому становится понятным резонанс работы ФМО в культурном пространстве.

Смею утверждать, что 30-летие ФМО стало значимым культурным событием, а изданный сборник достойно представляет его в мире.

ИСТОРИЯ В ЭПОХУ РАЗРУШЕНИЯ

отзыв на статью А. Кондаурова «Апокалипсис Теночтитлана: Тлалок против Колумба». Материал взят из сборника ФМО 2020 года: «Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, специфическое видение».

Данная статья представляет собой довольно интересный взгляд над доколумбовую Америку, сохранение исторической памяти и позиции по аспекту культуры ацтеков и ряда других племен. Мой интерес прежде всего вызвала идею о необходимости сохранения исторической памяти, которая отображается как в индивидуальном, так и в коллективном сознании. Историческое развитие и его процессы нередко приводят к ряду социальных потрясений, поиску новых ориентиров и отказу от старых идей как губительных для общества.

Чаще всего история оставляет именно те аспекты в нашем восприятии, которые позволяют назвать ее гармоничным и логичным процессом. Однако учитывая этот и ряд других примеров можно сказать, что историческое развитие часто оказывается в условиях разрушения идеального видения, которое могло бы привести к процветанию.

Еще Гегель в своих работах высказывал мысль, что «История учит тому, что ничему не учит», и этот подход ярко иллюстрирует и проблемы XXI века, и раздирающие мир противоречия. Пример ацтеков в поклонении смерти и приношении на алтари богов массы жертв показывает, что по итогу цивилизация достигнет той точки, где эта смерть станет тотальной и всеохватывающей, уничтожая ее. Следование за разрушающими идеалами чаще всего приводит к ликвидации системы, которая использует ее идеи и подходы. То есть необходимо искать именно те идеи и позиции, которые будут вести общество, как локально, так и глобально к созиданию, а не разрушению. Так же необходимо оказывать помощь тем, кто находится в сложной ситуации, и направлять их на путь развития. Однако, надо учитывать риски нарушения условий развития и искажения идей и не давать

этому произойти. Вот поэтому, необходимо напоминать о прошлом, чтобы через настоящее создавать гармоничное будущее.

Андрей Кондауров
moregoods@mail.ru

СТОЯНИЕ В БЫТИИ

*Рецензия на сборник «Монтень в Луганске.
Фокус осознания, спектр возможностей,
периферическое видение»*

Коллективная рефлексия луганчан невозможна. Конечно, если говорить об одном, общем единении мыслителей Луганска. По крайней мере доказательством этого служит следующее явление. Сборник Философского монтеневского общества «Монтень в Луганске» стал юбилейным пятым, что образовало символическую параллель с тридцатилетием самого общества. Сборник аккумулировал мысли луганских интеллектуалов, ясно показав всю пестроту и разнообразие существующих в Луганске живых мыслителей. В книге «Монтень в Луганске» можно найти довольно разных позиций, чтобы читая отдельно эти тексты, не понять сразу что они могут составлять единое целое. По-моему мнению, этот аргумент может сложить опорой для доказательства того, что луганские мыслители мыслят не одинаково. И дело тут не только в различии интеллектуальных потенциалов, а в том, что меняющаяся действительность истории Луганска определяет и векторы мышления луганчан. Чем плотнее густота социальных событий, тем шире спектр рефлексийных возможностей.

Например, взгляд Евгения Гнатенко показывает, что происходящее в Луганске можно считать идейным продолжением свободного философствования афинской школы. И действительно, ну разве Луганск начиная с 2014 года не превратился в некое подобие автономного, закрытого полиса? Греческий дух притаился уже за этим фактом. Вот и в метафорической аналогии Гнатенко один из основателей ФМО Константин Деревянко, словно Сократ, изымающий кадры из золотой молодежи Афин, конвертируя их в свободных мыслителей, изымает самого Евгения Гнатенко и влечет его в таинственный мир луганской андеграундной философии. Мир, в котором царил, царит и будет царить дух спора, сомнений и удивительных мыслительных озарений.

А вот еще один пример: профессор Валентина Патерькина обращается к Кафке, говоря о его творческом наследии то ли как о лабиринте, то ли как о способе его преодоления. Говоря о Кафке, Валентина Патерькина противопоставляет две реальности, мир реальный и мир отраженный как художественное произведение, ставит при этом вопрос о том, что же из этих двух начал сложнее, более непредсказуемо. Пытаясь ответить на этот вопрос, автор ставит так много новых вопросов, при этом нанизывая на пикку этой темы все более глубинные факты биографии и творчества Кафки, что под конец читатель только начинает понимать всю глубину поставленного вопроса. Распутывать можно только что, что до этого было запутано. Профессор Патерькина приходит к выводу, что форма лабиринта, хоть и кажется сама по себе близкой к материи абсурда, все же есть феномен рационального, ведь из каждого лабиринта должен быть выход. Кафка прошел свой лабиринт, тело его кануло в Лету, но дух его литературы воспарил над человечеством, озарив его новыми поводами для мысли. Один из таких поводов мы и наблюдаем на страницах пятого сборника ФМО.

Философское монтеневское общество стоит в бытии. Удерживает пространство мысли. Отвечает на любые пересечения зоны политической турбулентности только одним словом. И слово это есть культура.

Игорь Грицких
i.v.gritskih@mail.ru

МОНТЕНЬ В ЛУГАНСКЕ, 2014-2020

*Рецензия на серию сборников материалов
Философского монтеневского общества, г. Луганск*

С начала событий 2014 и 2015 гг. Донбасс (Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика) оказались в центре внимания российских медиа, и в общеевропейской информационной повестке также занимали титульные позиции. Позже накал обсуждения ЛДНР-овских вопросов заметно снизился, хотя при этом интенсивность исторически значимых процессов, охвативших как сами республики, так и вовлеченные в их дела стороны, на мой взгляд,

только возрастала. Как некоторые реки в какой-то момент уходят с поверхности под землю, так и наиболее важные составляющие жизни Луганска и Донецка (поступательная интеграция в РФ-ориентированные экономические связи, синхронизация образовательных стандартов, выдача российских паспортов, расширение преференций для выходцев из ЛДНР в российском юридикуме-администраторуме, все большее участие в российской и мировой культурной жизни и т.п.) ушли от массивованного обсуждения. С одной стороны, это в значительной мере способствует ритмичной работе по нормализации жизни в молодых республиках, а с другой – лишает российскую общественность (как широкие круги, так и научное сообщество) дополнительных информационных поводов для того, чтобы лучше понять содержание жизни в Донецке и Луганске после событий 2014 года до наших дней.

Предложенный вниманию уважаемых читателей обзор – попытка приоткрыть в одном из аспектов содержание интеллектуальной жизни луганчан.

Философское монтеневское общество никогда не отличалось возрастным или образовательным цензом, номинальной регистрацией или тематической направленностью. Единственной условной привязкой даже к тому или иному учебному заведению города Луганска для Общества выступало место работы Арсентия Атояна, рядом с которым уже нескольких десятилетий продолжается научное общение на незаданную тему. А порой (и в последнее время все чаще), местом встречи и вовсе избирались залы Луганской республиканской универсальной научной библиотеки имени М. Горького. После событий 2014 года даже город Луганск не мог рассматриваться как некое вместилище общества – часть его участников рассеялись по другим городам и странам. Итак, Философское монтеневское общество – это общность, связывающая уже несколько поколений мыслителей, существующее полностью неформально.

Тем не менее, в 2015 году свет увидел первый сборник, отразивший содержание докладов, прозвучавших на заседании ФМО в 2014 году [1, С.64]. Он получил название *«На грани мира и войны»*. Это был не сборник научных статей, а, как презентовали сами составители, «попытка общения с читателем вне академического формата». В сборник вошли доклады, авторами которых стали Арсентий Атоян, Нина Ищенко,

Ольга Шкурко, Александр Сигида, Дмитрий Крысенко, Сергей Бойчук, Виталий Даренский. Этот, первый, выпуск составили разнонаправленные тексты, которые затронули проблемы социально-политического, историко-философского, культурологического характера.

В том же году вышел второй сборник «Четверть века с философией» [2], приуроченный к юбилею ФМО. К ранее упомянутым авторам добавились Игорь Грицких, Евгений Гнатенко, Сергей Титаренко, Елена Лобовикова, Татьяна Финогеева, Андрей Лустенко, Андрей Кондауров.

В 2017 году свет увидел третий выпуск под названием «Донбасс в огне» [3]. В 100-летний юбилей Революции авторы и составители проводили параллели современного военного положения в ЛНР с событиями 100-летней давности. Сборник открывается мини-хрестоматией, в которой можно в документальном плане познакомиться с атмосферой, царившей в Луганске и вокруг него в революционные годы.

В 2019-м был опубликован четвертый выпуск. Книга получила название «Колышется русское поле... Внемли, Русский мир» [4]. В сборник вошли доклады пятого военного года, а также те доклады, которые планировались к прочтению. Сборник включает два раздела – «Слушали», «В наших планах» и дополнение: поэтический комментарий современной сборнику военной ситуации – несколько стихотворений Елены Заславской под общим названием «Новая заря». Кроме не раз уже упомянутых Арсентия Атояна и Нины Ищенко, Виталия Даренского, Елены Заславской в числе авторов назовем Ксению Сабину, Веру Даренскую, Андрея Кондаурова, Валентину Патерыкину, Константина Деревянку.

Наконец, самый свежий выпуск, увидевший свет в 2020-м году, опубликован под названием «Монтень в Луганске. Фокус сознания, спектр возможностей, периферическое видения» [5]. В состав авторов вошли Арсентий Атоян, Нина Ищенко, Виталий Даренский, Александр Грошенко, Евгений Гнатенко, Георгий Елпашев, Ольга Бодрухина, Елена Заславская, Валентина Патерыкина, Константин Деревянка, Андрей Кондауров, Александр Еременко и другие. Этот сборник посвящен уже 30-летию общества, и составители, а также авторы уделили большое внимание воспоминаниям, рассуждениям о минувшем, настоящем и будущем ФМО.

Сейчас вы читаете очередную, шестую выпуск сборника ФМО, что уже само по себе обнадеживает и постфактум оправдывает программное «Альманаху быть, молодым искать, альтернативам предлагаться...» Арсения Атояна, которым завершается юбилейный выпуск ФМО-2015.

Появление серии публикаций материалов Философского монтеневского общества как отчетов о работе за какой-то период знаменует собой новый этап в работе общества. Стало это следствием изменения сознания луганчан (в том числе и философствующей общественности) вследствие исторических испытаний, или это достижение – проекция личностных качеств составителей – Нины Ищенко и Елены Заславской, или сработали оба обстоятельства в совокупности с еще неопознанными и неназванными – ясно одно: само наличие сборника, на мой взгляд, знаменует собой переход ФМО на новую качественную ступень. Как исторический документ своей эпохи, сборник – все пять его выпусков – позволяет судить о научно-философской жизни Луганска в 2015-2020 гг.

* * *

Судя по собранным материалам, жизнь эта в целом протекает, если можно так выразиться, в индивидуальных исследовательских проектах. И это подтверждает сущность Общества, как собрания *разномышленников*, по выражению Арсения Атояна. *Разномыслие* как общая характеристика сборника касается и тематики статей, и подходов, свойственных различным авторам.

К примеру, Нина Ищенко большое внимание уделяет истории философии. Ее сообщения, обычно, содержат глубокие исторические экскурсы, часто возводящие к современности те или иные учения. Таковы, например, доклады «Невидимая Церковь в массовой культуре» [2, с. 13–17], «Российская империя как барочный феномен» [4, с. 20–32], «Гностические идеи в советской фантастике» [1, с. 12–17], «Вклад Николая Гартмана в решение проблемы универсалий» [2, с. 42–49].

Виталий Даренский, всегда отличавшийся широкой эрудицией, затрагивает и не менее широкую проблематику: «Цивилизационный код русского мира» [4, с. 46–56], «Революция 1917 года как цивилизационная агрессия Запада» [3, с. 172–177], «Смысл жизни как философская категория» [2,

с. 105–116], «Философская практика Монтеневского общества как возрождение метода майевтики» [5, с. 28–34].

Константин Деревянко делится итогами исследования духовного кризиса украинского и европейского обществ («Геть від Європи» [5, с. 115–127]) или историей гегельянства («Пушкин глазами гегельянца» [4, с. 87–116]).

Дмитрий Крысенко обращает внимание на историю холодной войны, межблокового противостояния, историческому диалогу «Восток-Запад» [1, С. 44–48].

И в дополнение довольно пестрой картины – небольшой перечень авторов и докладов:

Игорь Грицких, «Демократия и авторитаризм в общей схеме исторического процесса» [2, с. 77–91],

Евгений Гнатенко, «Единство народа как научная и нравственная проблема» [2, с. 92–96],

Валентина Патерыкина, «Нетрадиционные религиозные организации Луганской области [3, с. 226–230]»,

Ксения Сабина, «Сектоведческий аспект социально-политических конфликтов» [4, с. 33–45],

Андрей Кондауров, «Эмоциональная деградация как условие для исчезновения искусства» [4, с. 65–71],

Сергей Титаренко, Елена Лобовикова, Татьяна Финогеева «Путь экзистенциальной социологии культуры» [2, с. 18–41] и т. д.

Можно ли найти какие-либо общие рамки для авторов сборников? Когда тематика так или иначе касается актуальных общественно-политических вопросов, подход большинства авторов к изучаемым проблемам можно, наверное, определить как *евро- или евроатлантический скептицизм*. Он может питаться левым мировоззрением (как, к примеру, у Арсентия Атояна), а может опираться на православие так, как в статьях Виталия Даренского. Истоки его могут быть разнообразны, и формы выражения – тоже.

В сборнике можно встретить публикации в жанре манифеста. Арсентий Атоян в 2019 г. опубликовал «Монтеневский призыв» (по проблемам войны и мира), чем вызвал значительный резонанс в социальных сетях [6]. А еще раньше, и тоже со значительным резонансом [7], со своим «Манифестом нового акционизма» выступил луганский поэт и философ Александр Сигида.

Впрочем, последовательно общественно-политическую проблематику в сборник из номера в номер возвращает в первую очередь Арсентий Атоян. В 2014 году он обращался к слушателям и читателям трижды. Сперва текстом, озаглавленным «Жажду справедливости утоляет соль» [1, с. 6–11]. Здесь (тогда еще, кажется, на пороге войны) он размышляет о возможностях справедливого общественного устройства, действительной революции, как «открытой возможности социального творчества новых укладов жизни и производства, поведения и восприятия действительности» [1, с. 7], несостоятельности либеральных моделей, обманывающих надежды мелкой буржуазии вырваться в «золотой миллиард» из системы зависимого капитализма, контурах надвигающегося ужаса гражданской войны – она уже прорастает как «гнилое и повсеместное навязывание нового духа нетерпимости к несогласным» [1, с. 8]. И в конце концов о неизбежном, единственном выходе: вместо перезагрузки необходимо переустройство государства, освобождение от вороватой, плутоватой и хамовитой власти, жестоких, продажных и бездарных режимов.

В новом своем выступлении [8], прозвучавшем в мае 2014 года, он продолжает эту тему, вовлекая в обсуждение историю Народного фронта и Сопротивления: французы доброй воли, французские марксисты, социалисты, коммунисты, левые радикалы, католики – против фашизма. Идеи Народного фронта, антифашизма, как мы помним, уже прошли проверку на прочность во Франции, и с 2014 года обрели высокую актуальность для Украины с ее заповедным еврофашизмом. Как много десятилетий назад во Франции, так и во втором десятилетии XXI века на Украине «Сопротивление оказалось необходимым по исторической причине потери инициативы левыми в Европе, и их вины нельзя не отметить» [8, с. 38]. Моральный урок один – нельзя договариваться с каннибалами об условиях их дальнейшего проживания в одной отдельно взятой стране.

Схожая направленность читается и в третьем докладе Атояна [8], посвященном вопросам потребления и пере-потребления. Тип и характер потребления – сопутствующие элементы, символизирующие различные социально-экономические уклады, и даже цивилизации. К чему ведет «Великий отказ» от западных ценностей потребительского общества? К переходу из

лагеря стран «обагряющих руки в крови» в лагерь «погибающих за великое дело любви», в компанию Китая, Кубы, Беларуси, Сирии, Венесуэлы и Боливии, и как вариант – к обретению шанса «динамизировать борьбу за справедливое общество в России», возвращение ее на сторону того, что «Чавес назвал осью добра». И это, по словам Атояна, «вернуло бы людям нечто большее, чем простую уверенность в завтрашнем дне, вернуло бы, среди прочего, союзное государство как основу для иного неантагонистического типа цивилизации».

В 2017 г. в сборнике «Донбасс в огне» у Арсения Атояна мы видим констатацию факта: на Донбассе освобождена советская территория. Луганская идентичность по своей природе – советская [10]. А это значит, что логичным продолжением Соппротивления, что привело к провозглашению ЛНР, стала бы революция – Октябрь, как базовая идея, не нашедшая за все годы СССР своей окончательной реализации. Реализации в части неделимости власти народа с элитой и подконтрольности всякой элиты народу – великая старая идея, не сказавшая своего последнего слова.

Остается еще вопрос: что дальше? Здесь нет однозначного ответа. Россия хороша, однако и она в текущей форме – адепт периферийного капитализма, а значит, стоит рассмотреть вариант с построением народовластия преимущественно с опорой на собственные силы: союз братских народов вместо присоединения, сохранение контроля над финансами и укрепление народного государства вместо подчинения политико-экономическому пространству, где хватает хищников покрупнее тех, от кого избавились, или почти избавились в ближайшей ретроспективе. К тому же «федерализм – не сепаратизм: следовало бы настаивать на федерализации самой Украины» [10]. Быть может, вернуться на общую родину можно в более широких границах? «Соединим народы в противоборстве фашистской тенденции правящих кругов! И не возражайте, ее проявление возможно, к сожалению, и в России!» [12, С. 214]. Итак, восстановление власти советов на новом историческом витке – это то, что можно было бы назвать благоприятным для Арсения Атояна и на его взгляд для народов постсоветского пространства исходом.

Напротив, Виталий Даренский видит в российской революции признаки апокалипсиса и Страшного Суда [11]. Хотя при этом автор, вслед за Вадимом Кожиновым, и констати-

рует, что «мы еще по сути дела не можем смотреть на Революцию из будущего, она в той или иной степени остается непреодоленным настоящим...», но рассматривает это как болезнь или ее страшные и затяжные последствия. Подобное отношение к идеям советско-революционного наследия открыто или имплицитно демонстрируют многие авторы ФМО.

Однако, подводя итог анализа общественно-политической составляющей серии сборников, отметим, что общая платформа для всех авторов здесь все-таки есть. Эта платформа – антифашизм. Стороны могут спорить, оправдывая или осуждая революцию 1917 года и ее присутствие в современности. Для одних в числе героев тех времен – Ленин и Сталин, для других – Николай II, Колчак и Юденич. Однако в отношении главных вопросов о Великой Отечественной войне, в изображении героев прежних поколений, героев нынешних, все единодушно и объединены идеей противостояния фашизму.

* * *

Особенностью сборника ФМО и, на мой взгляд, важной новацией последних 5 или 10 лет, стало повышенное внимание к художественному слову и в особенности к поэзии. Елена Заславская презентует поэтические произведения, иногда, целыми небольшими сборниками стихов («Новая заря» [4, с. 117–121], «Донбасский имажинэр» [5]), или проводит анализ культурной жизни города Луганска [13]. Нина Ищенко разместила глубокий и интересный анализ на упомянутый сборник под заголовком «Принципы социологии воображения в книге Елены Заславской «Донбасский имажинэр» [5, с. 57–68]. В отдельных выпусках, например – в выпуске 2017 года, в сборник была помещена целая хрестоматия: здесь и публикации в СМИ того времени, и литературные произведения – повести, песни, стихи. В числе авторов – Иосиф Сталин, Дмитрий Крутиков, Исаак Бабель, Михаил Матусовский, Микола Упеник, Александр Кравцов. В том же сборнике содержится литературное, художественное отражение войны 2014 года [3], блокады Луганска и первых недель возвращения к условной мирной жизни, формирующегося сложного диалога с «украинской стороной» – ранее немислимым как «диалог-с-чужим» и ставшим реальностью за неполный год. В числе авторов – Владимир Скобцов, Владислав Русанов, Анна Ревякина, Александр Сигида-сын, Андрей Чернов, Нина Ищенко, Елена Заславская,

Глеб Бобров, Алексей Мозговой, Александр Сурнин, Ольга Бодрухина, Анна Долгарева, Дмитрий Трибушный. Эти памятники художественного слова останутся важным источником, раскрывающим эмоционально-образное восприятие истории Луганска 2014–2017 гг.

Зачастую на заседаниях ФМО, и в самом сборнике, можно встретить и философско-литературные изыскания – в том числе и весьма оригинальные. Например, Сергей Бойчук в своем докладе и статье «Солнце русской поэзии, или Лермонтов – наше все» [1, с. 49–53], следуя своему давнему, кажется, еще студенческому убеждению, утверждает, что М. Ю. Лермонтов «это лучший необходимый пушкин, то должное воплощение чаемого гения-демиурга, эйдос и энтелехия русской литературы во всей ее чистоте и реалистически понятой универсалии Поэт» [1, с.53].

Поразив всех слушателей и читателей провокационным противопоставлением Александра Пушкина и Михаила Лермонтова, Сергей в завершение восходит на новую ступень: соллярный образ, дарованный потомками Пушкину, дополняется бесконечной глубиной звездной, лунной вечности, которой удостоен теперь Лермонтов. И действительно, как не согласиться: «о каком солнце может идти речь, когда мы обращаемся к теме судьбы и творчества Лермонтова, если перед нами раскрыто настоящее звездное небо поэзии, бесконечно прекрасная и совершенная константа истинно человеческого бытия» [1, с.53].

Философские и социологические исследования по литературным источникам ведет Нина Ищенко («Американская культура как универсальный посредник в творчестве Кэндзабуро Оэ» [1, с. 23–30]), Андрей Лустенко («Японская литература и обыденность» (2, с. 50–63), Виталий Даренский «Философия войны в русской поэзии периода Великой Отечественной войны» [1, с. 54–63] и другие.

* * *

Подводя итоги краткому обзору серии сборников, хочется процитировать одного из его важных участников – Евгения Гнатенко: «Философское монтеневское общество – протуберанец афинской школы философии... Арсентию Атояну удалось то, что не удалось никому даже в Москве – создать философский кружок» [14]. От себя добавлю, что и вклад Нины Ищенко и Елены Заславской (в первую очередь), и каждого,

принявшего участие в жизни Общества во все годы его существования, невозможно переоценить. Нет иного выгодоприобретателя по итогам его деятельности, кроме самих участников, поддерживающих дух живого философского общения.

Остается лишь пожелать Обществу долгих лет жизни, и, следуя велениям времени, расширения географии своей работы. Быть может, за счет дистанционного формата? Это уже как получится. Главное – сохранить установившуюся традицию, и продолжить выпускать Сборник материалов Философского монтеневского общества, который сам расскажет и о себе, и об Обществе любому любознательному читателю.

Литература

1. На грани мира и войны: Сборник докладов Философского монтеневского общества / Составители – Н. С. Ищенко, Е. А. Заславская. Редактор – Н. С. Ищенко. – Луганск, 2015. – 64 с.

2. Четверть века с философией: Сборник докладов Философского монтеневского общества / Составители – Н. С. Ищенко, Е. А. Заславская. Редактор – Н. С. Ищенко. – Луганск, 2015. – 176 с.

3. Донбасс в огне: сборник материалов Философского монтеневского общества за 2017 г. / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – издание 2-е, испр. – Луганск: : Блиц-информ, 2019. – 260 с.

4. Колышется русское поле... Внемли Русский мир!: Сборник докладов Философского монтеневского общества / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск: Блиц-информ, 2019. – 124 с.

5. Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видения: Сборник докладов Философского монтеневского общества / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск: Блиц-информ, 2020. – 160 с.

6. Еременко А. М. Поверх барьеров // Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видения: Сборник докладов Философского монтеневского общества / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск: Блиц-информ, 2020. – С. 139–141.

7. Еременко А. М. Еременко vs Сигида: Луганск неинтересен остальному человечеству // Монтень в Луганске. Фокус

осознания, спектр возможностей, периферическое видения: Сборник докладов Философского монтеневского общества / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск: Блиц-информ, 2020. – С. 142–144.

8. Атоян А. И. Философия Resistense, или Встреча в Музее Человека: «Предательство интеллигенции» Жюльена Бенда и «Во что я верю» Жака Дюкло // На грани мира и войны: Сборник докладов Философского монтеневского общества / Составители – Н. С. Ищенко, Е. А. Заславская. Редактор – Н. С. Ищенко. – Луганск, 2015. – С. 31–38.

9. Атоян А. И. Винегрет, блюдо простое: заметки едока о едоцкой норме (пирамида потребностей без Маслоу) // На грани мира и войны: Сборник докладов Философского монтеневского общества / Составители – Н. С. Ищенко, Е. А. Заславская. Редактор – Н. С. Ищенко. – Луганск, 2015. – С. 39–43.

10. Атоян А. И. Семь способов трансценденции, или штурм неба начинается // Донбасс в огне: сборник материалов Философского монтеневского общества за 2017 г. / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – издание 2-е, испр. – Луганск: : Блиц-информ, 2019. – С. 4–12.

11. Даренский В. Ю. Донбасс в огне: сборник материалов Философского монтеневского общества за 2017 г. / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – издание 2-е, испр. – Луганск: : Блиц-информ, 2019. – С. 172–177.

12. Атоян А. И. Инициация Луганском, или будущее одной новой старой идеи // Донбасс в огне: сборник материалов Философского монтеневского общества за 2017 г. / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – издание 2-е, испр. – Луганск: Блиц-информ, 2019. – С. 206–218.

13. Заславская Е. А. Некоторые особенности культурного слоя Луганска // Четверть века с философией: Сборник докладов Философского монтеневского общества / Составители – Н. С. Ищенко, Е. А. Заславская. Редактор – Н. С. Ищенко. – Луганск, 2015. – С. 120–129.

14. Гнатенко Е. А. ФМО – протуберанец афинской школы философии // Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видения: Сборник докладов Философского монтеневского общества / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск: Блиц-информ, 2020. – С. 36–37.

ВОЙНА, РОЗЫ И МОНТЕНЬ

*Рецензия к сборнику: «Монтень в Луганске.
Фокус осознания, спектр возможностей,
периферическое видение»*

Что общего может быть между войной и розами? Где война – и где розы?

А вот может! Я бы сформулировал это так – чем страшнее война, тем больше роз. И это как раз про Донбасс.

Когда меня попросили написать рецензию на Монтеневский сборник впервые, я тоже подумал что-то вроде – где товарищ Задунайский и где Монтень? На сей раз я не только не был удивлен, но даже ощутил некоторую закономерность, заключающуюся в невозможности уклониться от мыслительного труда в связи с выходом очередного сборника «Монтень в Луганске».

Это даже хорошо, что у меня появилась возможность изложить свои мысли – и по поводу сборника, и, отталкиваясь от него – по поводу всего того, что волнует всех нас сегодня. В наше время это роскошь, кто-то даже скажет – непозволительная. Но немного побаловать себя тоже надо иногда. Тем более что время уже не ждет, и с некоторыми вопросами давно пора определиться.

«Глянем в грядущий день... – пишет в своей статье «Русский мир как необходимость ответного действия, или в защиту сообразительности на лестнице» Арсентий Атоян. – Что он нам готовит?» Вопрос этот сродни тому, что звучит в арии Ленского из оперы «Евгений Онегин». Вопрос по сути своей риторический, поскольку ответ на него уже вроде бы и не нужен: судьба Ленского предопределена изначально.

Несмотря на весь этот бэкграунд, попробуем все-таки ответить на поставленный вопрос. Впрочем, в той же статье искомый ответ уже содержится. Автор пишет далее: «Тревожно на внутренних окраинах русского мира». Еще бы! Конечно, тревожно! Причины этой тревоги подробно описаны в сборнике разными авторами, не буду повторяться – они всем нам известны. Но, как полагал Альберт Эйнштейн, проблемы не

могут быть решены на том же уровне мышления, который их создал. Пока мы не поднимемся над проблемой – да простят меня жители Донбасса, для которых это не абстрактное философствование, а ежедневно падающие на голову снаряды! – и не поглядим на нее как бы сверху, мы никогда не выйдем из пресловутой ловушки Чапаева, когда командовать армией, фронтом и даже вооруженными силами мы можем, а вот в мировом масштабе – уже нет. Языки мы вроде выучили, онлайн переводчики нам в помощь – осталось научиться видеть и контролировать ситуацию в целом.

Попробуем на минутку отвлечься от окраин русского мира – к ним мы еще обязательно вернемся – и посмотрим, что творится, так сказать, в мировом масштабе. И там мы увидим немало интересного и даже поучительного. Как говорится, в первый раз это трагедия, во второй – фарс, пусть и скверный, а в третий, видимо, стрим-флэшмоб.

Вот что пишет Жак Аттали, известный «агент глобализации» – пишет, кстати, вполне открыто и уже не первый год. Окидывая взглядом будущее, он сообщает, что там – максимальная либерализация человеческих отношений и радикальное изменение поведенческих схем, включая массовую эвтаназию и разрушение традиционной семьи. По мнению Аттали, человек XXI века должен (осталось только выяснить, кому?) стать тем, кем он был с самого начала своего возникновения – кочевником, не сидящим на месте, не имеющим ни корней, ни идентичности. В своих интервью и публикациях Аттали намечает контуры будущего, в которых можно увидеть: необходимость и неизбежность иммиграции («Европа нуждается в мигрантах, это для нее жизненная необходимость»), отрицание «суверенизма» («за суверенизмом зачастую скрывается ненависть к мусульманам», «суверенизм – это всего лишь новое название антисемитизма»), отрицание государства («страна – это отель») и неизбежность организации Мирового Правительства (планета объединится «в один прекрасный день вокруг Мирового Правительства»)¹.

---

¹ Если кого-то заинтересовала эта тема, можно подробнее ознакомиться с ней здесь: *Эльвира Дюбуа*, «Франция: глубинное государство уже выбрало своего президента. «Позитивный выход из кризиса» или военный коммунизм 2.0?» // Мир, 12 мая 2021 г.

Причем, в отличие от армии диванных аналитиков, Аттали не просто провозглашает свои идеи – он непосредственно занимается их воплощением в жизнь. То есть это тот источник, к которому в любом случае стоит прислушаться. При наличии сомнений нужно просто посмотреть, что происходит сейчас в окружающем нас мире, и мы увидим, что совпадение чуть ли не стопроцентное.

Для нас важно то, что откровения Аттали (и не его одного – имя таким пророкам легион) подразумевают глобальную перестройку миропорядка. Пожалуй, наиболее крупномасштабную со времен появления семьи, частной собственности и государства. Только античеловеческий режим претендента на высокое звание Мирового Правительства устанавливается поэтапно, согласно хорошо отработанной схеме: сперва подавляется внутренний протест, потом происходит постепенный аншлюс «дружественных» и соседних государств, далее – почти бескровное взятие под контроль государств робких и нейтральных, и только потом – развязывание мировой войны с теми, кто объявлен врагом № 1. Ничего не напоминает? Правда, сегодня вместо войны используется пандемия коронавируса – но не думаю, что это способно кого-то обмануть.

На этом фоне становится очевидно, что центральная для нас проблема русского мира действительно периферийна – об этом немало сказано на страницах сборника, его третий раздел посвящен как раз этим вопросам. Но для нас такие расклады никоим образом не повод расслабляться. Да, безусловно, как сказал в свое время поэт, «если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря», а в случае начала большой мировой бучи – лучше отсидеться на периферии. Но русская периферия – это такая периферия, где рано или поздно решаются судьбы мира. Забытые Богом деревеньки, затерянные в глухих калужских лесах, и знать не знали, что окажутся в октябре 41-го Ильинским рубежом, на котором Подольские курсанты почти десять дней будут сдерживать немецкую военную машину, дав основным силам перегруппироваться, организовать оборону и в декабре того же года перейти в контрнаступление под Москвой. Город на Волге,

до революции носивший название Царицын, тоже не знал, что станет местом Сталинградской битвы – самой большой и кровопролитной в Великую Отечественную. А мирное Прохоровское поле станет местом одного из крупнейших в истории танковых сражений, переломивших ход войны. Все это для мировой политики была не то что периферия – глушь несусветная. А поди ж ты!

Примерно такую же роль внезапно стал играть Донбасс в наши дни. Кто в мире знал о нем еще десять лет назад? Кто знал эти названия – Попасная, Краматорск, Снежное, Дебальцево, Счастье, Волноваха? А сейчас здесь пролегает передний край войны с... Да, вам не показалось – с неонацизмом. Причем он не только и не столько доморощенный, сколько общеевропейский, если не сказать – глобальный. Он не занесен на Землю спорами с планеты Нибиру и не вызван случайным стечением обстоятельств. Это имманентно присущее Западной цивилизации явление, возникающее вследствие как внутренних (не все представители Западного мира хотят жить в условиях «заботливо» организованной для них эвтаназии стариков и разрушения семьи), так и внешних ограничений роста системы (всегда найдется какая-нибудь Россия, которая *ipso facto* мешает установлению мировой «гармонии» – конечно же, под мудрой дланью Мирового Правительства).

А вот теперь самое время вернуться к тому, с чего мы – а, вернее, авторы сборника – начали и спросить: «Глянем в грядущий день... Что он нам готовит?»

Поскольку нацистские режимы не имеют привычки сами собой рассасываться, а также учитывая то, что ни один народ самостоятельно еще не вылечился от этой заразы – линия Донбасского фронта никуда не денется. Она может перемещаться в ту или иную сторону – но она останется. Пишу эти строки – а в новостях опять говорят о новых обстрелах Донецка... С нацизмом нельзя замирился, ибо любые договоры с ним не стоят бумаги, на которой они написаны. С нацизмом нельзя сосуществовать по модели симбиоза, не будучи сожранным с потрохами. С нацизмом можно только воевать, только противостоять ему – это поняли наши предки и сделали из этого правильные выводы.

Памятуя Эйнштейна, можно сказать, что отношения Украины и Донбасса нельзя урегулировать в рамках существующего миропорядка. Так же, как и отношения России и США. Остается ждать. Есть ли вероятность затяжного и изнуряющего конфликта для всего русского мира, что так волнует авторов сборника? Разумеется, есть, и немалая. Но события в мире развиваются сейчас гораздо стремительнее, чем мы успеваем осмыслить их. Так что шансов на нечто долгое и неторопливое не так уж и много.

К тому же можно не просто сидеть, сложив руки, и ждать, когда рак на горе свистнет, а деятельно готовиться к трансформации геополитических координат. Почти как жители Донбасса – они ведь не только пишут философские книги и регулярно собираются на научные семинары, они еще и довольно-таки успешно воюют, работают в шахтах и на металлургических комбинатах, умеют отдыхать, праздновать, учиться, и, что самое невероятное на фоне непрекращающихся военных действий – выращивать потрясающие розы! Вокруг обстрелы, снаряды падают на город – а у них повсюду розовые кусты, красивые и ухоженные. Разве этот народ можно победить? Разве его нужно побеждать?

Ну а если серьезно, то авторы и составители сборника очень хорошо чувствуют биение пульса эпохи, о чем бы они ни писали – о методе Монтеня, платоновских диалогах или русском мире. Ощущается, с какой страстью они пишут о любви теме, попавшей в орбиту их неумемного интереса. Они готовы противостоять врагу – как в настоящем окопе, так и в виртуальном, в битве за души людей – даже без чьей-либо помощи. И это как раз главное.

Русский мир – это не государство, не корпорация и не секта. Это не какое-то определенное место Ойкумены и не проведенные по земле границы. Русский мир – это явление идеальное, но вместе с тем – в высшей степени объективное, локализующееся в головах у тех, кто является частью этого мира. И пока такие люди есть – с русским миром ничего не случится. Авторы сборника – они именно такие, и эффективность их на этом поле как бы не более, чем аналогичная эффективность установки «Град».

Но для нас – тех, кто живет по всей России – это отнюдь не повод расслабляться. Потому что для Победы, как отмечено в сборнике, «нужны солидарные действия всех против дальнейшей фашизации ситуации». И с этим уж точно не поспоришь.

Вот то, что приготовил нам грядущий день. И, полагаю, ни для кого это не является тайной. Что же касается будущих контуров русского мира... Предлагаю написать про это отдельный сборник. И чтобы обязательно там было про розы. Потому что розы всегда лучше войны.

РАЗДЕЛ 5. ПОЭТИЧЕСКИЙ КОМЕНТАРИЙ

Елена Заславская
zaslavskaja@gmail.com

НОВОРОССИЯ ГРОЗ. НОВОРОССИЯ ГРЁЗ

Скрепно. Ватно. Сакральное.

*Все герои реальны, все совпадения не случайны, все
права беззащитны*

13 июня 1905 года явилась Царица Небесная старцу Филиппу и сказала: «...И день сей явления моего граду Луганскому помни, и учи всех чтить его, о граде же сем скажу, что к концу мира наречётся он – Святоград Луганский. И многие люди будут съезжаться сюда в преддверии этих грозных дней, сами не зная зачем».

Житие старца-диакона Филиппа Луганского

Да, у нас строго придерживаются заповеди:

«Будь верен духу любви к родине».

Кобо Абэ «Женщина в песках»

Работайте, братья!

Магомед Нурбагандов

ПРОЛОГ

Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним проносится чёрная конница – чёртовы дети ада! Он падает наземь, успев понять, что позади пустота – Фата Моргана – нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле истории. Он умирает с вопросом: «Кому нужна была эта жертва, Господи?»

І ЧАСТЬ

1. В огне и под огнём

***

Есть человек, за которым я бы поехала на край света, на самый край света, туда, где ветер и холод, безнадёга и безысходность, где небо, как чёрная пропасть, без дна, как жена декабриста, хотя в общем-то и не жена. И мне наградой было бы счастье быть рядом, пусть и не близко. Но ехать не надо. Вот он – край света, край мира, фронтир, где дышит война.

Ночью бреду по пустому городу, по абсолютно пустому городу. Давно комендантский час. И нет ни единого повода думать, что завтра будет. Есть только здесь и сейчас.

Все снайперы спят. И патрульные спят. И спят часовые. Ангел-хранитель за моею спиною расправил крылья, перебитые в трёх местах.

Сначала по пояс в ноябрьском тумане, потом с головой. В левой руке – фонарик. В правой – нож выкидной.

***

Вот и дом. В нём проживаем вдвоём: я и старик Петрович. Он кормит брошенных кошек, собак и прочих тварей живых, прибившихся к нашей стае, тех, кто остался в живых, тех, кто остался с нами.

Навстречу мне пёс наш по кличке Сепар, колечком хвост. Он боится обстрелов, а в остальном бесстрашная bestия, тёртый новоросс.

***

Окна крест-накрест скотчем. Окна – пустые глазницы. Дом излучает даже не одиночество, а уныние. Холодно. Ветер воет. И всё-таки есть в этом доме что-то такое, что заставляет меня возвращаться сюда снова и снова, затихать в его утробе, живою душою, делающей его существование осмысленным, необходимым, да и моё вместе с ним.

Взвалить бы его на спину и унести, как уносит улитка, со всеми пожитками, со старыми фотографиями и открытками, с детскими локонами и дипломами, книгами, письмами, за-

писками, со всеми важными датами, впечатанными в альбомы, с родительскими портретами, дедушкиными наградами, с рисунками самыми первыми, сохранёнными мамой, с его очагом и памятью, – всем тем, что зовём мы домом, всем тем, что навсегда остаётся с нами...

Как-то в газетах писали укропы, что город наш подобно Содому с Гоморрой должен ответить за грехи его обитателей. Роль Бога они отводили украинской армии...

***

Выхожу на балкон, гляжу в сторону Камброда, до рези в глазах. Темно. Светомаскировка. Поэтому курить нельзя. Кружка чёрного чая. Глоток обжигает гортань. Часа через два на линии горизонта – зрелище необычайное. А пока тишина.

И вот трассера разрывают небо, потрошат облака. Тому, кто здесь не был, кто не отличает фейерверк от обстрела, меня не понять.

Мы ли? По нам ли? Свист и гул. Можно было бы спрятаться в подвале, но я туда не бегу, я остаюсь на месте. А город молотят в фарш. Меня защищает нательный крестик и «Отче наш».

***

Сердце моё в огне, а голова под огнём. Я лежу на спине. Думаю о нём.

Он пахнет дымом. Чем-то близким и детским. Мы стали родными. Когда мы вместе, война отступает, становится лишь войнушкой, мальчиковой жестокой игрушкой. И только шрамы напоминают, что всё всерьёз, и серьёзнее не бывает. Новороссия гроз. Новороссия грёз. Видно, это судьба такая: сойтись нам под небом звёздным, на перекрёстке истории, продуваемом северным ветром, под огнём перекрёстным смертным.

Пусть нету на гугл-картах, пусть нету на яндекс-картах этой страны, и адепты вражеской пропаганды твердят нам, что так и будет, что зря, мол, погибли люди, что всё напрасно, бессмысленный глупый подвиг, нас ждёт нищета и кризис, а он мне сказал: «Это долг мой». И записался в Призрак.

***

*По Донбассу бродит Призрак
От Счастья до Светличного.
Говорят, комбат мой красный,
Лишь бы не коричневый!*

***

Я засыпаю и думаю, если дом не накроют из градов, если я не умру во сне, если случайный снаряд не распустится розой во мне, завтра наступит. Наступит... вроде бы. Новый день случится в любимом городе. И я натягиваю на голову одеяло.

Дом вздрогнул. Попадание. Где-то рядом.

2. Кони АТОкалипсиса

***

Мирной жизни не существует. Это иллюзия и обман. Кони АТОкалипсиса вытоптали Новосветловку, вытоптали Горловку, вытоптали Сутоган. Пронеслись по Донбассу, без жалости, оставляя кровавый след.

Сосед прятался в погребе, между банок с консервацией, прихватив на обед сухари и воду. Взял и лопату, на случай, если привалит. Арта отработала по городу. Дом цел, казалось, что миновало.

Сосед вышел покурить. Так его и не стало.

***

Жизнь конечна. Мы об этом знаем, конечно, но думаем, что пребудем вечно, и когда приходит к нам в гости Смерть, не успеваем дверь запереть. А она уже смотрит в дверной проём и говорит: «Пойдём». И вдруг добавляет: «Шутка. Друг, я не за тобой». И в сердце ввинчиваются шурупами радость и боль.

*Ты ещё молод,
Ты ещё полон сил,
Но наступает опыт,
О котором ты не просил!
Всё меняется.*

*Меняется мир.
Меняется матрица,
В которой ты жил.
И день считается удачным,
Если он наступил.*

***

Раздобыть воды, раздобыть еды – вот и все мои на день труды. Нечего есть, и холод собачий. Я вытряхиваю последние деньги из заначки и выхожу на улицу чуть не плача. Я говорю себе, мы победим. Я говорю себе, потерпи. Я говорю себе, день считается удачным, если он наступил.

***

Ночью выпал снег: стало белым-бело. Но после артобстрела алые следы на нём. Артериальная кровь заполнила отпечаток человеческого тела и застыла льдом. Красное на белом. В горле ком. Ни выплакать, ни выстонать, ни забыть. И вдруг я понимаю, что привыкла к безжалостному лику войны, внушающему липкий страх и животный ужас. О, как я раньше боялась, но что-то, видно, внутри сломалось... Я мыслям своим улыбнулась. Я больше не буду пушечным мясом, а буду ядром, снарядом, маленьким жгучим адом, ответкой! Меня заждались, поди уж.

***

Однажды ты встаёшь на тропу войны, а она оказывается широченным проспектом! Братья и сёстры, дочери и сыны летят на скорости прямо в бессмертие. Жалят осколки, бьют по глазам, липнут бессмертники прямо к берцам, и не выдерживают тормоза. Главное, выдержало бы сердце.

Крепись, моё сердце, оденься в броню, я ни о чём не жалею, и уже ничего не боюсь.

3. Убивашка и лимонка

***

Нацбольский отряд имени Хлои Морец, актрисы из фильма «Пипец».

Пьяный Воля, доброволец, записывает видео-обращение к укропам: «Ты хочешь славу героя, а получишь полный пипец! Захлёбываясь собственной кровью, где-нибудь под Дебаблей, подохнешь, мать не узнает, где тебя похоронят, в какой канаве, оно тебе надо, малец?!»

***

Располага называлась бункер. В спальниках на полу здесь спали разные люди, перед тем как уйти на войну.

Да здравствуют интербригады! Как при старике Хэме. Во времена, когда Луганск звался Волошировградом, была такая пивная «У Хэмингуэя». Недавно прямым попаданием этот дом раздолбали, что и говорить, но я-то знаю: человека можно уничтожить, но нельзя победить.

***

«Тотальная мобилизация», печатный орган Другой России, раньше звалась «Лимонкой» – мы на стол её постелили. Картошка варёная, водка палёная, тушёнка, граната ф1. Характерный натюрморт.

– Наливай. Не томи!

– Я не осилю.

– Пей!

– Ну, за Победу!

Закусили.

– Ещё налей!

И гром обстрелов был не страшен. И в наступившей тишине фиалкокудрая смешная Убивашка подмигивала мне!

***

На трофейной машине с нацболами, ночью мы мчимся к Одину, везём ему морфин, живот ему разворотило пехотной миной, но он остался жив.

Он просит:

– Док, дай две. Ну, Бога ради.

Тишина и запах крови в палате.

– Хочешь увидеть радугу? Нет. Терпи, друг, – и Док ему протягивает ампулу. Одну.

По пустым коридорам больницы бегом.

– Док, он выживет? Док... Ты почему молчишь?

– Конечно, малыш.

Я не плакала, просто знала, скоро примет его Вальгалла.

***

Док меня троллит: «Может, надо было бежать-спасаться? Стать временным переселенцем? Жить, наслаждаться, где-нибудь возле моря?»

А я указывая на сердце, твержу: не отпускает.

И он смеётся.

– Вместе мы – Гималаи! И достанем до Солнца! И нас не догонят, а если б догнали, мы бы им показали не английский фак, а наш русский кукиш.

Наливает стопку.

– Будешь?

– Будешь!

***

Мы мчимся всё время на красный, дорога пуста. Док пьян и весел, и я весела. Или, как водится, навеселе. В трофейной тачке, шайтан-арбе, наклейки с голыми бабами и Богородица на лобовом стекле.

*Храни же нас, Мать Божия,
Трезвых и в пьяном бреду,
Грешиков и безбожников,
Верящих лишь в мечту.
Храни же нас, Благодатная,
Прими нас под свой покров,
Безьянных солдат твоих,
Воюющих за любовь.
Храни же нас, Дева Пречистая,
Ибо обречены,
Маргиналы и экстремисты,
Джедаи вымышленной страны,
Выстраданной Новоросси,
Новоросси гроз и грёз!
Ведёт нас жемчужной поступью
Сын твой в венке из роз.*

***

Док говорит: между залпом града и ответкой можно сделать четыре затяжки (он любит красный «Бонд»). Четыре затяжки – всё что успеется, перед тем как по тебе долбанёт, перед тем как тебя на четыре стороны с комьями земли. Док помнит, как у ротного зенки из черепной коробки выкатились, незабудками зацвели.

Док говорит, что приехал сюда помирать, да нечаянно выжил. Те, у кого удача пожиже, здесь лежат в новых могилах братских, в наших степях донбасских, укрытые ковылями и разнотравьем Дикого поля, зимою – снегами по пояс.

Все мои сказки об этих героях.

4. Сказки-рассказки

***

У них были позывные Дафнис и Хлоя. Только война не идиллия, а треш. Он подорвался на mine, на рубеже, ей оторвало голову при взрыве. Их похоронили в одной могиле. Этой зимой, в районе 48-й параллели, в поле ветра им пели свои пасторальные пени, и глухо вздыхал террикон.

***

Архип с позывным Истребитель наелся пластида, перепутал его с халвой. Он стал представителем нового вида. Он теперь как супергерой.

Ничего не меняется из века в век. Жизнь на войне полна геройства. И полна нелепостей. Из котла он выносил в своём вещмешке кошку Царапку, мурлыкающую от нежности.

*На войне как на войне...
Кто заплачет обо мне?
Только мамка, только мамка,
Там в далёком далеке!
Только рыжая Царапка,
Что носил я в вещмешке!*

***

Рассекая туман, будто ножик масло, на своих жигулях Вован нечаянно заехал в Счастье и напоролся на вражеский блок-пост.

Когда-то, в мирные времена, у нас был тост: «Выпьем за Счастье! За ТЭЦ, что у тебя в груди!». Там ведь теплоэлектростанция. Теперь она заминирована айдаровцами. По ней не стрельнёшь!

Другое дело, человеческое сердце, маленькое, тёплое человеческое сердце. Оно так легко ломается. Его так легко – насквозь пулей повышенной пробиваемости, с термоупрочненным сердечником.

Так Вован попал из Счастья прямиком в Вечность.

***

Амнистию дали тем, кто встал под ружьё. Сначала Серый к батю и к матери, а потом на войну ушёл. Мать говорила: иди помолись, свечку поставь: сохрани-спаси. Отец говорил, ты же знаешь сам: не верь, не бойся и не проси! Так что сын, не ссы: шальная пуля – шальной башке, но пусть в кармане дуля – палец на спусковом крючке.

***

Бабье лето. Никто здесь не ждал непогоды, но ураганы и грады пронеслись по Донбассу. Укропы лупили по Первомайску. Октябрь стал адским. Каждый день минимум три пожара. Пожарные их тушили. При обстрелах не бежали в убежище, а прятались под машиной. Потом продолжали. Никакого героизма. Просто работа особого свойства.

***

В подвале ДК имени Ленина люди прячутся от бомбёжки. «Когда-то здесь пела группа «Машина времени», – рассказывает вахтёрша. – А теперь вот крыша течёт, да и Макаревич совсем не тот!»

***

Хаты, побитые градами. Хаты, побитые гадами. Помню, дом с перекошенным ртом дверного проёма застыл в вопле немом после артоналёта.

Бабулька собирает пожитки: «Жили мы, жили, да ничего не нажили. Только привычку к простору, чтобы выйти в поле и сколько хватает взора – степь: ковыли да маки, и сокол летает, как ангел».

А я ей вторю: «Жили мы, жили, да ничего не нажили. Лишь привычку к раздолью, чтобы выйти в поле и до самого горизонта – моё, родное!»

***

На заводе прокатных валков – Сталинград. Три дня подряд горел цех разливки стали, когда его обстреляли.

«Была бы станина, – мечтает начальник цеха. И руки его от работы черны и огромны. – Станки отстроим. Отремонтировали же домну!»

***

Ствол шахты «Знамя коммунизма» затоплен. Грунтовые воды. Старейшая шахта 4-бис. И люди сидят без работы.

«Разве это жизнь? Доедаем свои гробовые. Горе, мне горе, – вздыхает бабуля, – а впрочем, и это не плохо. Еще немного, и придут гуманитарные конвои, весна, а там, глядишь, и Победа».

5. Последняя обойма

***

В съёмной хрущёвке холодно, дует из всех щелей. Мы не виделись с ним полгода. Он ничей. Да и я одна. Впрочем, и у него, и у меня – война.

Но вот мы вместе, и рация отключена.

«Милый, родной». Дышу им, он пахнет войною, сначала дымом её и тленом. А после теплом и домом. Он мои раздвигает колени: «Лена». И в это мгновение я стану его колыбелью, прикрою, укрою, будто землёю собою, собственным телом.

Всё что может дать один человек другому – немного нежности и тепла, совсем немного. Мы с ним под одним бушлатом, пропахшим машинным маслом, окопной грязью, глиной, и чем-то простым и забытым, как это говорят... счастьем.

«Милый, мой милый... ты меня не забыл». Ангел его легкокрылый плачет навзрыд.

***

Мне рассказывал он, и дрожали ресницы: «Знаешь, чем пахнет поле пшеницы, ставшее полем боя, чёрным от дыма и сажи? Подгорелой пшеничной кашей!»

***

...Ещё он принёс мне сгущёнки – солдатский паёк. Сладкий чай. Но не слаще поцелуя. Всё хорошее случается невзначай. И повторения не будет.

***

Он хочет золотого Стечкина, а почему бы и нет?! А я не отказалась бы от нагана. На палец он надел мне колечко от РГД и рассказывал, как сгущается тьма над Сутоганом. Как из нор появляются орки или ДРГ...

Милый, в той маленькой комнате, на голой стене, осталась последняя обойма стихов, посвящённых тебе.

***

*Знаешь, что такое поэзия?
Это ночью со своего балкона
Заметить созвездие Ориона
И на правом его плече
Звезду Бетельгейзе.*

*В моей Новороссии,
Где всё так неясно,
Где будущее – туманность,
А прошлое поломалось,
Где гуляют ночные волки
И контрабасы
Прячут нал и обрезы,
Это всё что у меня осталось:
Пуля, лира и звезда Бетельгейзе.*

*В моей Новороссии,
Не нанесённой на гугл-карты,
Где всё так просто,
И так понятно,
Где полевые командиры
Отправляются в космос
На лифте,
Где терриконы безумия
Страшнее, чем у Лавкрафта,
Здесь есть место
Для подвига и для мести.*

*Наведи свой зум –
Поглядим на звезду
Бетельгейзе вместе,
Мой команданте!*

*Когда же она взорвётся,
То вспыхнут в небе два солнца!
Потому что таким, как мы,
Одного мало!*

***

Прощание было коротким.
– Пока, – и поцелуй в лоб.
Пойти что ли, ёбнуть водки, полегчало чтоб!

6. Ты есть

***

Уже не спасает молитва, а только стих, сопряжение рифм и ритма с биением в груди. Так, будто за пазухой у меня соловей. Его не поставить на паузу, он вечно play. Просится в небо, а отпустишь, из лужи пьёт. Я плачу в подушку. Думаю о нём.

***

Сначала он был пользователем ПК, персонального компьютера, а стал пользователем ПК, пулемёта Калашникова. Жизнь непредсказуема, особенно если ты безбашенный или, как говорят, придомбашенный. Сначала зачитываешься «Революцией от кутюр», а потом сам делаешь революцию, только нашу, русскую.

***

Казалось, промчались годы, а всего лишь прошёл один. Мы были наивны и молоды, жаждали новых вершин. Я готовилась поступать в магистратуру, а он во Французский легион. Он занимался со мной французским под дождём: il est, elle est, nous sommes. И только Богу было известно, что будет с нами потом. Как мы будем друг другу снится, в военный возрастая быт.

Капли на щеках были солёными.
Дождь всё лил и лил.

7. Предчувствие

***

Быстрокрылые голуби приносят хорошие вести. Вороны – вести дурные. Я смотрю, как летают они над городом в полном безмолвии, похожие на сны мои.

Милый, что тебе снится? Девушка в белом платье? Дом, в котором вырос ты? Или товарищи-братья, погибшие при обстрелах?

Ты недавно мне снился, но сон я почти не помню. Волосы мои были белыми, а платье чёрным.

***

Имена погибших печатают на листах и вывешивают на стенке Дома профсоюзов. Я помню, как она подошла и как она окаменела. Будто взглянула в лицо её Горгона Медуза.

Горе стало в горле комом.

Не выплакать.

Ангелы-хранители,

Укройте её своими крыльями!

Горе стало в сердце колом осиновым.

Не вытащить.

Ангелы-хранители,

Укройте её крыльями своими!

Горе стало перед нею глыбой надгробной.

Ангелы-хранители,

Своими крыльями укройте её!

Только криком-рыком утробным зовёт она не ангелов-хранителей, а демонов мщения!

И не вымолить врагам у неё прощения.

Я тоже у этой стены застыла, имя твоё искала. Искала, искала и не находила. И глупо так улыбалась. И улыбка с лица не сходила.

***

Сколько парней луганских, сколько парней донецких выросли здесь по соседству, были друзьями, бегали на Донец и на терриконы залезали, орали в подъезде песни Летова и Цоя. А теперь надели кресты нательные и военные медаль-

оны, нашивки с группой крови на рукаве и солдатские шевроны. Романтики и циники, пай-мальчики и гопники стали солдатами на неожиданной этой войне.

Кто он, враг? Вы по сети играли в Warcraft, он был отличным стратегом, а теперь он по другую сторону баррикад, и скоро удобрит пашню мягким и тёплым телом. Как он похож на наших, таких же ребят. Казалось, вчера ещё вы за партой сидели, а теперь всё чаще смотрите друг на друга через прицелы.

***

Док показал мне трофейный телефон. На нём смс от матери «Синочок, ти поранений?» Жалко мне стало мать, слёзы сдавили горло, но я вспомнила наших солдат и смс-ку стёрла.

***

*Есть только голос.
Нитка разговора
Всё время рвётся...
Громяхает Град.
И ничего не остаётся.
Лишь...ад.
– Алло! Алло! – пробиться сквозь разрывы.
– Алло! Алло! – пробиться сквозь войну.
– Алло! Любимый! Я тут!
– Ту-ту... – идут гудки, похожие на стоны.
Идут гудки, а через миг их нет.
А это значит: абонент вне зоны,
А может абонент не абонент!*

***

Милый, где твой ангел-хранитель? Может быть, он тебя оставил? Что он делает? Где он ходит?

На каком задании, и в какой засаде? Или пьян лежит в Диком поле?

***

«Ангел мой, иди со мной, ты впереди, а я за тобой, мимо мин и растяжек незнакомой тропой. Не теряй меня, прошу, не теряй, ангел-хранитель мой.

Я же твой безымянный солдат, говорю невпопад и бредау наугад. Через поле и сад, через смрад, через ад, не щадя живота своего.

Вся надежда моя на тебя, и последний в обойме всегда для себя, и сим-карта моя за щекой. Не теряй меня, прошу, не теряй, ангел-хранитель мой».

***

Целый месяц не было связи. Казалось, живёшь ты, ни с кем не связан, ни к чему не привязан, никому не обязан, по большому счёту, делай что хочешь, иди с Богом или катись к чёрту. Но что-то держит, не отпускает. Видно, это судьба такая, а может, вера в Победу. Кони мои привередливые мчат по краю, куда не знаю... навстречу ветру!

***

Когда зазвонил телефон, я думала это он. Я думала – это милый. Но голос был незнакомый, сиплый.

– Бережёного Бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт. Его ангел летал у моего ствола, да крылья обжёг. Хочешь увидеть живым? Не обещаю, что невредимым.

– Говори, что для этого необходимо?

– Десять тысяч евро, и пакет «Ангел-хранитель» вновь активирован: и я в список на обмен внесу твоего любимого.

II ЧАСТЬ

8. Старые шрамы. Соловейко

***

Он ей на лбу вырезал звезду, слюна проступала в углах его губ и ярость. А она смотрела в лицо врагу и... смеялась.

Когда её повели к яру, шла сама. Гордо шла и не спотыкалась.

«Весна-весна, как же ты пела мне, капелями на все голоса. Долгожданная моя, последняя, не бросай меня, не бросай!»

Снег растаял там, где она упала. Алые проталины и земля красна. Расстреляли прабабку за связь с партизанами. И отпела её весна.

А прадед погиб, я не знаю точно, в 41-м, или в 42-м. У них остались сиротки-дочки. Жили у тетки своей родной.

***

Галя красавица белолица, Галя красавица чёрноброва. Где ты была, Богородица, со своим покровом, когда фриц увидал сестру её Милу?

– Тикай, Милка, тикай! Тикай, ради Бога!

Вот стоит она, недотрога. К сестре преграждает дорогу. Он рванул за запаску. На траву повалил.

Над нею звёзды ясные. Под нею китель со свастиками. И соловейко не щебетал, а зло насвистывал нахтигаль.

– Галь!

***

Выпила из кринки молока. Облизнула белые усы. Обтёрла губы о рукав, чтобы наверняка. Поправила косынку и со вздохом: «Что-то плохо мне... белый свет не мил и темно в глазах. Что со мною, Мил?»

– У тебя под сердцем враг, Галь!

Чёртов нахтигаль.

***

Она бы его утопила, да Мила отговорила, да Мила его отмолила, к старцу Филиппу ходила. А старец был не простой, он дал ей картину, на ней то ли Последний праведник, то ли Последний часовой. На голове будёновка, а в кобуре наган. Смесь иконы и плаката. Он поражает дракона копьём, стоя на страже Святограда...

***

Валялась икона дома среди старых игрушек детских. Но перед тем, как уйти со Стрелковым, отец отыскал материно наследство. Поставил в красном углу. И оставил меня одну.

9. Ночь отчаяния

***

Зубастые бомбы вгрызаются в мясо домов. Гекатомба Донбасса. Это жертва, которую мы приносим, это плата – кровь и слёзы. Что, если она бесплодна? Не будет ни Новороссии, ни Святограда, а только голое поле истории, а посередке воронка ада?

***

Док говорит:

– Довольно! Хватит жалеть себя. Люди судят со своих колоклен. Сетуют на башни Кремля! Говорят, мол, в поле один не воин. А я говорю им – да. В поле один не воин. В поле один – великан! Ты же помнишь паренька, он работал на автомойке, а стал героем, со смешным позывным Моторола?!

Там пролегает наша земля, где за неё умереть готовы!

***

Наш Святоград стоит на плечах Атлантов, простых солдат.

***

– Но где раздобыть десять штук, скажи мне, друг!

Док говорит:

– Собирайся в путь и икону свою не забудь. Есть связи на ниве контрабанды. Продашь её знакомому литератору в Нидерландах. Вот тебе роад-мап, сейчас сочиним легенду... Поедешь ценности продавать?

– Поеду!

***

Ставлю ветку вербочки в гильзу от ПТРа:

– Господи, дай мне силы. Господи, дай мне веры. И веры по силам и силы по вере! Чтоб всё сносить, ничего не просить, и не бояться смерти!

10. Травелог. Республика

***

Мы ехали степью, заснеженной степью, пара вояк, гражданский и я. Солнце запуталось в ветвях деревьев, и одинокая птица, как говорят, samotний птах, без движения, будто флюгер в безветрии полном, сидела на проводах.

– Куда держишь путь? – я спросила гражданского. Он нехотя отвечал.

– Я не случайно здесь оказался, – вздохнул и опять замолчал. – Брата Алёшку ищу. Нам бы встретиться, о важном поговорить. Он, говорят, в ополчении... – на этом прервалась

нить нашего разговора. Зато Юра (позывной Волга) говорил без умолку, всю дорогу – цветисто и долго.

– Мы здесь каждый угол знаем, в этих дебрях мы боги. Тут каждый террикон стреляет, а эти суки-укропы не знали, тут теперь и подохнут. Вот он, секрет успеха. Что у нас было сначала? Топоры, обрезы, мачете, трёхлинейки, ружья, ТТ-хи. Ещё пара наганов. Всё, что есть дома у простого донбасского хулигана.

***

– Ночью стреляли. Днём варили миномёты. И знаешь, пошли как дети в школу, все мины 43-го года. Прямо в фашистскую свору. Пошли по назначению, хотя сначала мы сомневались, что в них толку-то, что в них проку-то, мы, бывшие токари и наладчики, ныне солдаты народного ополчения.

***

– Котомка с патронами на боку. 150 патронов – это ни о чём, но можно повеселиться. Кончился бой – остался один патрон. Только застрелиться.

***

– Когда вокруг гремит, когда вокруг летает, бьёт скс-ка сильнее калаша. И сердце замирает и уходит в пятки душа. Но ничего, прорвёмся, брат, прорвёмся. Какое небо рвут на лоскутки! И кажется, уже не встанет солнце! Но умирать сегодня не с руки!

***

– Это была сладкая мишень. Нам дали добро их кошмарить, сказали: работайте, хороните. А нам только того и надо, угробить тварей, подонков и троглодитов.

Это была сладкая мишень. Они не окопались. Грабили местных, это казалось им просто. Семнадцатилетней Марусе прострелили шею, убили на месте, когда она забрела на блокпост их.

Это была сладкая мишень. Гасилово. Молился мысленно: «Господи, спаси и помилуй нас».

***

– Юра! – сосед звонит мне, – когда нас освободите?
– Жди, Витя. У тебя два сына, а вы всё сидите!

***

Ещё вспоминал Юра с позывным Волга про переговоры.
– Мы им: едьте, забирайте жмура, лыцаря Бандеры. Не бойтесь! Гандон на голову натянем, проведём, никто не тронет и не проверит. Не забирают. Боятся. Бессмысленно предлагать-упрашивать. Ну, а что, мы не собаки – похоронили. Написали, значит: «Укропу от казачества».

Чтобы было всё по-людски, каждому хочется.

Кум говорит: «Буду за могилой ухаживать, когда война закончится».

***

– Как же вы, укропы, старались: жалость вытравливали снарядами, разрывными и ураганами, а она всё прорастает в нас, пробивается, как разрыв-трава сквозь наст, сквозь броники и разгрузки... Так по-человечески, по-русски.

И добавляет:

– Думали, один, а их с десятков, по посадкам и в Кременной в яру. Одно я знаю, если я умру, мои меня не бросят, своих двухсотых на себе выносим.

***

Иногда бывает как в кино: ночь, дорога, артналёт. А режиссёр кто? Бог? Или тот, который претендует на его место? Враг мой? Друг мой? Или кто-то третий? И совсем по-детски, мучительно хочется хэппи-энда.

11. Казачий разгуляй

***

В Луганске стоят два британских танка – трофеи Гражданской войны. Красные отбили их у Врангеля. Сейчас они включены в перечень охраняемых памятников. А когда-то прятались в них беспризорники от ментов и зимы.

Один танчик носит имя Дерзкий. В нём и жил в своём беспризорном детстве Николай Иванович Тараневский. Когда вырос, стал строить храм всех религий, потом православный храм... Там нас и приютили, мы от обстрелов спрятались там.

Не в землянке и не в палатах, а в недостроенном храме.

***

Итак, казачий полк имени Платова. Разведки. Вылазки в глубокий тыл. Подрыв складов боеприпасов. К комбату обращаться на ты, называть Батя.

***

– На войне всё понятно: скрепно, ватно, сакрально. Не выделывайся. Веди себя достойно. У нас каждый офицер заработал своё звание кровью.

Не выделывайся. Будь мужчиной. А не то получишь финку в бочину!

***

Попутчик мой был сильно ранен, тот, который гражданский. Плакал, плевался кровью.

– У нас закончился морфий... Правда, есть кетамин.

Затих. Глаза закатились. В миг один.

– Не факт, что доживёт до утра. – Волга перекрестился. – Помолись за него, сестра! – И удалился.

***

«Мне кажется, я на крючке... я будто рыба на песке... на лавке в храме, с кетаминовой капельницей в руке, проживаю все перинатальные стадии:

Где я?

Нигде!

Где я?

Везде!

Где я?

Мне кажется, я умираю. Мне чудится, как на мосту, стоит на посту, стережёт пустоту Последний часовой несуществующего града.

Есть ли выход из этого ада?

Я знаю, надо всё взорвать, чтобы древний океан Тетис затопил территории эти, чтоб ни черта не осталось, только водная гладь и ветер!»

***

Он бредил: «Взорву всё нафиг», кричал: «Подохнем, утопнем, скроемся под водой!». Мне стало страшно, на него

глядя: «Помоги мне, Последний праведник, Последний часовой!».

Я достала свою икону, замотанную в рушник. Поставила на подоконник, среди патронов и книг. Шептала молитву, куда хватало сил, но усталость меня сморила, и сон был похож на фильм.

***

Говорила я костлявой:

– Не отдам.

Посмотри, какой он молодой!

А она, смесь беззубым ртом,

Отвечала:

– Отдавай!

Теперь он мой!

Умоляла ангела:

– Спаси.

Он сказал:

– Я занят. Не проси!

Заклинала демона:

– Вступись.

Он в ответ:

– Меняю смерть на жизнь!

На живой души твоей огонь.

Но Последний праведник, Последний часовой.

Размахнулся, поразил его копьём:

«Повоюем мы ещё с тобой!»

***

Волга меня разбудил. Быстрее, сказал, собирайся.

– Ну, с Богом! Себя береги. И... возвращайся.

II ЧАСТЬ

12. Травелог. Украина

***

*Я теперь не сепар и не террористка.
Я теперь не вата и не колорад.
Что тебе за дело, какая у меня прописка...
Нет такого города – Ворошиловград!*

***

В доме выбиты окна. Кругом осколки и стёкла. И нет никого, кто помнит, какая здесь жизнь была.

Крутится шестерёнка, крутится шестерёнка, крутится шестерёнка – маленькая юла. Когда я была девчонкой, маленькая шестерёнка, маленькая шестерёнка любимой игрушкой была.

Папа принёс мне её с завода. Завод назывался тогда Донсода. Теперь здесь стоят укропы. Ушёл отряд Мозгового.

***

*Мой край родной, мой город детства,
Как защитить тебя и как поднять с колен?!
Мой ареал юродства и блаженства,
Земная колыбель
Моих поэм.
Лисиче над Дінцем...
Давно нема заводу.
И небо не коптят столбы высоких труб.
Ты будто бы ушёл под воду
Вглубь.
Ты затонул....
Так на моих глазах тебя накрыло
Волной войны,
И над тобою журавлиным клином
Мои стихи, воспоминанья, сны...
И души тех, что пали в 41-м,
И тех, кому четырнадцатый год
Уже иного, 21-го столетья
Проснуться не даёт.
Пройтись по улицам твоим родным и узким,
Нарвать полыни у родных могил....
Мне остаётся рифмовать: вернуть-вернуться.
Ждать: ты появишься, как Китеж из глубин.*

***

Вот и мой поезд на Киев. Верхняя боковушка, последнее купе. Я как невидимка буду лежать и слушать. Буду лежать и слушать, и в две дырочки сопеть.

***

– Солдаты, которые из АТО, бухают по-чёрному, – шепчет суровая тётка, чей жизненный опыт отпечатался на лице морщинами чёткими и глубокими, и на большом и тёплом материнском сердце. – Зачем вы пьёте? – Спрашивает сержанта! – Зачем вы пьёте?

А он пьяные бельма пялит, с горла отпивает жадно, сердится и отвечает ей:

– Дура! Разве трезвой ты сможешь стрелять из автомата в живых людей?!

***

Временные переселенцы. Ничего не бывает таким постоянным, как временное. Скитальцы. Невозвращенцы.

Она была из таких, кто поддержал Украину. Наверное, надеялась – сможет вернуться. Но не тут-то было: съёмные квартиры, чёрная работа...

– Чтоб вас всех там разбомбили, москворотых!

***

Скажи же мне, тётя, чиста канкретна, небесная сотня, Майдана сакральная жертва, оправдывает убийства ни в чём не повинных мирных? А впрочем, для них мы все виноваты: пособники террористов, сепары, вата.

***

Вновь жернова истории кровавы. И невозможно их вращать назад. Нас узы братские соединяли, могилы братские теперь разъединят.

***

«Ой, у вишневому садочку, там соловейко щебетав. Додому я просилася, а він мене все не пускав. Додому я просилася, а він мене все не пускав». Нежные эти песни растоптал Майдан. Светлого моего детства песни растоптал Майдан. Из самого сердца песни растоптал Майдан.

***

Киев мне пишет послание, на задворках, витринах, обочинах, Евангелие Майдана, неразборчивым, быстрым почерком. Революция от кутюр. Революция достоинства. Ла-Ла-Ла Путин – на каждом заборе пророчество!

Утопая в рекламе и спаме, разрываю словесную цепь: вы смеётесь в начале, а мы посмеёмся в конце.

«Все депутаты – уроды», «Мне пофиг, я – Нео», «Наде Савченко – свободу», «Воскрес Джон Леннон».

Но помнят советские стены в центре и в подворотнях, о том, что Ленин жив априори. Бенкси изобразил на роликах Ильича. Он мчит на колёсиках, хохоча. Пока на Украине короткий день подряд Ленинопад.

***

Аэропорт Борисполь. Вылет через час... Показываю паспорт свой. Украинский. Такой вот декаданс. А вокруг тьма народа. Над гейтами плакат: «Наде Савченко – свободу». Что тут сказать?

Повезло же тебе, Надюха, ещё поживёшь, укропская потаскуха, лёгчица, где твоё крыло?! Ничего, жизнь расставит всё на свои места. Быстро проходит земная слава... Киев, прощай! От винта!

13. Травелог. Нидерланды

***

Я жила в доме, где щебетали часы птичьими голосами, в доме волшебника, чьи заклинания делали близкими далёкие земли. Родные гласные, выпеченные в гортани, шифровались печатными знаками, мне неизвестными. И колокольчики над входной дверью хохотали ласково. Мой проводник, переведи меня на другой берег. И знай, так далеко я ещё не ходила.

***

Русские писатели – хитрая комбинация: один – бандеровец, а другой – еврей. Русские писатели в эмиграции. Водки не жалеют.

Лампа в зале из балалайки сделана, кий и шпага на стене. Игра закончена. Борьба продолжается. Я пью водку, полирую

пивом, заедаю пельменем, и мне кажется, сейчас откроется дверь, и в комнату ввалятся цыгане с медведем.

Вот он мета-текст неоконченной поэмы: напиться по-русски, задаваться вопросом по-русски: в чем смысл жизни? За чем всё это? И не находить ответа.

***

*Ах, Европа. Эх, Европа,
Кружевные труселя...
А мою прикроет жопу – ясно что!
Рука Кремля!*

***

Я проснулась в какой-то лодке. Я проснулась в каком-то канале. Это всё русская водка. Это всё голландский канабис. Пошла на встречу не похмеляясь.

***

В Лейдене небо в тот день было карамельное. Я заглянула в кафе Эйнштейн, заказала лате и пила его медленно-медленно, глядела, как писатель М. жонглирует морфемами. При свечах с бокалом белого. И думала о том, как писатель П. делает Русскую революцию, в этом веке первую, как он мокнет в окопе в районе Тельманово. И между ними бесконечное море поэзии и мой утлый чёлн у берега.

***

Мой собеседник сказал:
– Показывай свой товар!

Я развернула рушник, а он смотрел на меня и молчал. Вместо иконы там был скетч-бук. Он выпал на пол из моих рук...

Это мистика или подмена? Каков ответ?
Не состоялась моя сделка.
Иконы нет!

***

Это был странный опыт. Не повторить. Попробовав волшебный гриб, я листала альбом попутчика. Жив он или погиб? Всё, что было нарисовано гелевой ручкой, происходило, будто со мною. Удивительный получился трип.

14. Скетч-бук. Майдан

***

Со всех экранов слова одни: в правительстве только монстры, оборотни и упыри. Выбор простой: сражайся или умри.

Кажется, это начало игры. Но так начинается ад, и на первом этапе всё слишком обыденно, чтобы казаться адом... Пока всем народом мы на Майдан и... Геть злочинну владу!

***

Панду геть!

***

*Мне выпал шанс, хочу успеть,
Глаза в глаза. Вперёд, на вдохе,
В лицо не признавая смерть,
А только подвиг.
Хребты разбитых баррикад.
По позвонку стрельба и пламя.
И круг за кругом новый ад
Владеет нами.*

*Как причитание плывёт
Звон колокольный,
И пуля, что во мне совьёт
Гнездо, уже в обойме.*

***

Коктейли Молотова. Бери безропотно. Вливай их в чёртову аорту войны. Мы чокнутые, мы упоротые. Родина, мы твои сыны!

«И дочери», – говорит она.

А чёрные её очи – как бездна без дна!

***

*Я тебе пришиваю пуговицу,
Чтобы ветры на перекрёстках
На морозных промозглых улицах
Не цеплялись руками хлёсткими*

*Я тебе пришиваю пуговицу
Чтобы ветры на баррикадах
В схватке яростной революции
Не хватали руками жадными*

*Я тебе пришиваю пуговицу,
Ниткой крепкой и без напёрстка,
Чтобы ты невредимым вернулся,
И шепчу: «Храни тебя, Господи!»*

***

*Брусчаткой Крещатика тщательно
Украину новую строй!
Покрышкой и валашкой,
И кровушкой людской!*

***

Нельзя ни забыть, ни простить, кровь смывается только кровью, тело её положив на щит, мы выносили её из боя....

Считаем убитых. Пали от пуль. Смотрите! Их имена растворяются в наших слезах и молитвах. И призрак войны гражданской живой обрастает плотью, бесчувственный и кровожадный. Он требует новых сотен... Героев на поле павших, своих убивающих братьев. Родина стала мачехой. Её разорвём мы на части. Удобрим телами пашню, сольемся с её ландшафтом, и станем ей сопричастны.

Её разрывая сердце, войдём в её мифы и были, и новым солдатам на берцы осядем дорожной пылью.

Новым, тем, что родятся, с нашим горячим пылом. Пока мы считаем убитых.

Их имена растворятся в наших слезах и молитвах.

***

Мы хотели как лучше. Мы заложили мину: «Вибачте за незручності. Ми зминюємо країну!»

IV ЧАСТЬ

15. Травелог. Возвращение.

***

Так значит, мой попутчик – укроп... в бреду говорил он, что всё взорвёт... и неясно, жив он ещё или мёртв? Надо связаться с Волгой! Чёрт! Меня накрывало паникой, будто взрывной волной. Пора возвращаться домой!

***

Укропские танки зарыты в землю, будто зубы драконьи. Кто знает, что с нами будет? Надолго ли перемирие? Состоится ли обмен? Я возвращаюсь на Родину. Ни с чем!

***

Его готовили к обмену, но что-то там не сложилось. Знаете, как это бывает. Сказали, убит при попытке к бегству. Сердце моё остановилось. Пропустило ударов несколько. И зачем-то опять пошло.

***

Пусть летят мои письма, без цели и смысла, как птицы, исписанные страницы, нескладные рифмы, пели и стихли, и даже гнезда не свили, дни напролёт, я говорю с тобой, милый.

Дети воздушной стихии – песни мои и стихи, летят между болью и былью – крылатая эскадрилья. И кажется, я позабыла, что адресат уже выбыл.

***

А мне сегодня снилась воля, заря, степные ковыли, раздолье, небо голубое, и ты зовёшь меня вдаль, а я как перекачиполе лечу, не чувствуя земли! Барвинков брызги на подоле – они же как глаза твои, с такой же дерзкой синевою, и детской жаждой любви. Весна накроет нас волною, ты нам рубашку постели. И будет чёлн, и будет парус, и ветра, ветра в паруса, и я от счастья просыпаюсь в слезах.

***

*Будь проклята война.
И те, кто пожинают жатву!
Я помню мать солдатскую, она
Перекрестила сына, провожая.
Я помню дом, разбитый в страшный час
Неотвратимым залпом миномёта
И звёздный купол, как иконостас,
И землю, словно адский противень!*

*Я помню сад... и между двух берёз
Повисли деревянные качели,
И сок берёзовый, прозрачней чистых слёз,
И как берёзы белые сгорели!
Сгорели. Обе чёрные стоят,
Как схимницы, а были как девчонки,
Весенний шелест – ласковый набат,
И щебет птиц, пронзительный и звонкий....
Мы сёстры были. Сёстры по весне.
Теперь мы сёстры по скорбям и горю!
Мне, как и им,
Уже не знать покоя
Под этим небом
Среди бурь и бед,
Средь гроз и грёз.
И остаётся только
Надеяться,
Когда надежды нет.
И средь безверья
Верить,
Корнями памяти вращая в землю эту,
Чтобы сродниться с ней.
Остаться в ней навек.*

16. Наш пейзаж

***

Добиралась я автостопом. Водитель суров и светел. Ехали без разговоров. Летели сквозь снег и ветер.

Скрипит колыбель Донбасса. Стонет донецкий кряж. А мы кометой – по трассе. За окнами наш пейзаж. Кровавый

зрачок заката нацелен на террикон... что это, Фата Моргана или Армагеддон?

На заднем сиденьи патроны, разгрузка, гуманитарка, прямо под новой горкой, замечен ТТ и Макаров. И невесёлые мои мысли клубились, будто позёмка. Казалось, нет ни смерти, ни жизни, а только эта дорога.

***

*Здесь всё есть пыль.
Здесь всё есть тлен.
И лжива была
Былых поэм.
Слова всё врут,
Не врёт лишь грунт!
И воедино с ним я слит.
Я монолит.
Я антрацит.
И чёрным золотом Земли
Меня когда-то нарекли.
Достань меня из тесных недр,
Достань меня на белый свет,
Зажги огонь, суровый ГРОЗ,
И вознеси меня до звёзд.
Поддай тепла. Поддай огня.
Сожги дотла. Сожги меня.
Но здесь теперь другой закон
Другой огонь, другой резон.
Моих титанов имена
Смывает времени волна...*

***

Радио Победа в этот раз предавало не как вести себя при обстрелах и как распознать по звуку, что прилетело, разговор был на тему экономическую: «... положение в угольной отрасли действительно критическое, и вызвано, в первую очередь, причинами рыночными. Нет сбыта».

Вот те раз! Опять мы у разбитого корыта... пропал Донбасс!

«А меры по осушке шахт потянут столько денег... а денег нет...» – я не дослушала, я, выглянув в окно, среди метели на

мосту знакомого старого заметила и вышла, и прихватила пистолет – ТТ.

17. Встреча на мосту

***

Нам нечего было скрывать. Мы всё друг про друга знали. Сначала он долго молчал. Я тоже молчала.

– Красиво рисуешь, укропчик, – я протянула альбом.

– Я слышал, как ты молилась, – сказал между прочим он.
– Так кто это Последний праведник? Последний часовой? Хотя какая мне разница... – Дальше он говорил, будто бы сам с собой.

***

Я отправился на восток. В регион тринадцать. В город, в котором детство моё живёт, в город, в котором мой младший брат остался. Я вырос в сердце Донбасса, среди шпаны и урок. В городе Перевальске, или в городе Парижской коммуны, как раньше он назывался.

***

Таксист врубил шансон. Я заткнулся и не жужжу, и понеслось по салону: «Песня памяти всесоюзному вору Васе Коржуху»:

*«А он всё так же на корточках,
А в зубах папирочка,
И в глазах не поддельный блеск.
Фору даст пацанам.
Позавидишь памяти,
Не услышишь слов матерных,
Душ загубленных тоже нет.
Всё почти за карман».*

***

О, эти маленькие донбасские города! Как говорят креативные блогеры, депрессивные. Каждый такой, будто чёрная дыра... достал сиги, затянулся, вспоминая пацанов из своего двора. Тоха сторчался, Вовчик спился, Серёгу подрезали в тюрьме... И как эпиграф на пачке надпись «мучительная смерть».

А что же мой брат Алёшка, неужели теперь мой враг?

– Давай к нам! – Скажу ему, когда встречу.

А я отвечала ему беспечно:

– А не то ты взорвёшь свои бомбы, и грунтовые воды из шахт и подземных речек вырвутся на свободу, проглотив этот город навечно?

– Можно и не взрывать. Можно их отравить. Отправить вас всех здесь в ад! Знаешь, ведь мой позывной «Полынь»... Разве встречу младшего брата, и он сумеет меня отговорить. Тебя я не трону. Не бойся! Здесь на мосту мы с тобой расстаёмся... И всё-таки мне невдомёк, на хрена вы воюете тут? На хрена умираете тут? На хрена вы схватились за земли эти корнями и жизнями, которые никуда не ведут?

А я прошептала:

– Умойся.

И спустила курок.

Я столкнула его в пустоту. Я стояла одна на мосту. Невесёлый конец. А может, и нету конца...

Полетела звезда Полынь в полынью Донца.

18. Свежие шрамы. Последний часовой

***

Помню, бредёт по сугробам пьян, двустволку на скрипку обменял: чтобы играла внучка моя, а я бы ей подпевал. Никто не думал тогда, не гадал, что скоро придёт война. И не будет двустволки, а будет Макаров и РПКа. А ещё позывной Старый или коротко Стар ...

Когда отец мой пришёл в увал, он много историй мне рассказал. Три дня пил и всё говорил, говорил...

***

Рыли траншеи ночью, поверх старых, времён Великой Отечественной. Они будто шрамы, которые вдруг закровоточили, наполненные жизнью человеческой.

Разрубленные корни,

Засохший стебелёк...

Обстрел идёт.

Арта ревёт.

И взводный что-то мне орёт,

А у меня землёй наполнен рот...

И я надолго замолчал. Не звал, не плакал, не кричал, во мне случилась тишина, как будто чёрная стена. Но вот сейчас я говорю, так слушай исповедь мою.

***

Сорвать чеку, как крышку на чекушке: пусть будет взрыв. Так близость смерти опьяняет лучше и сильнее, чем спирт. Хлебни, фашист, холодной ярости моей, за тех парней, что тут лежат, за Ленинград, за Сталинград, за Киев-град, в конце концов, взгляни, фашист, в лицо моё. Я как комбат встать буду рад и звать солдат на смертный бой, взгляни, фашист, в лицо моё!

Ёб твою ж мать. Невыученные уроки истории приходится повторять.

Когда-то в низине в 42-м возле села Хорошее Макс Альперт сделал фото. На нём политрук Алёша Ерёменко в последний миг своей жизни – зовёт в атаку. Теперь возле Бахмутки есть памятник Комбату.

***

Знаешь, как оживает прошлое? Оно оживает в нас!

Я встретил друга Алёшку в нелёгкий, недобрый час! Он нахохлился, как воробушек, ухватившись за автомат. Блок-пост недалеко от Горловки. Холодно. Зима. И стоит он такой молодой, но уже седой. Посвящён войной в воины. А за его спиной дом родной. А за его спиной – Родина. Её называем матерью. Обзываем её уродиной. Но стоит он, как оловянный солдатик из сказки Андерсена, на блок-посту у Горловки. Стоит наш Последний праведник. Стоит Последний наш часовой. Он словно метка для нашей памяти. Он словно памятник, но живой.

***

«Кровь сочится сквозь ватник, стекает на землю и в сапоги. Ты медсестра или ангел? Помогите! И снег становится алым, и снег становится тёплым, был я живым солдатом, стану мёртвым! Отныне мой топос – космос, укрытое настом поле, здесь руки мои разбросаны в объятья последней юдоли.

Сердце щенячьей мордой высунулось наружу. За други своя живот свой я отдаю и душу».

***

Той ночью снилась мне Богородица, говорила про Святоград. В чёрной степи, припорошенной снегом, в землянке в один накат, Алёшка кончался, на ватнике, каплями земляники проступала кровь, и было тепло, даже жарко от предсмертной горячки, и губы спеклись в улыбке кривой: только брату не говорите как умер я, скажите, мол, пал как герой... и медсестричка Надя, влажной губкой промокала ему губы, и шептала: «Терпи, родной».

*Бей-бей-бей!
Барабань-барабань-барабань!
Сердце, я говорю тебе,
Не замирай!
Бей-бей-бей,
Барабань-барабань-барабань,
Рано тебе
Переходить за грань,
Рано тебе
За горизонт,
В последний поход.
Выдох-вдох.
Рот-в-рот.*

Кровь сочится сквозь ватник, по капле уходит жизнь, отважный солдат мой! Держись!

Плакать было нельзя, плакать она отвыкла: скоро наступит лето, вырастет земляника, сладкие ягоды, жаркий июнь...

Ах, Алёшка-Алёшка!

Пал смертью храбрых, в бою.

***

*Говорила Родина-мать:
Не бойся, солдат, умирать!
Я тебя прикрою, я тебя спасу,
Я тебя с собою в вечность унесу,
Там где колосится жито и ковыль,
Чтобы вечно жил ты!
Чтобы вечно жил!*

***

Отпоём отпетых хулиганов-сорвиголов, безымянных и безответных, отдавших живот за любовь.

Отпоём отпетых, пухом земля солдатам отважным и верным, жизнь отдавшим за други своя.

Отпоём отпетых, не зря же мы говорим: «Отныне бес-смертны! Вечная память им!»

***

Не помню, как наступило утро. Я вышел в поле. Гляжу, почерневший подсолнух с головою понурой, будто шахтёр после забоя. Глаз не поднимет. Не шелохнётся. И светится ясным нимбом над ним восходящее солнце. И стоит он совсем один посреди зимы, посреди войны, сгорбленный и сухой. Как Последний праведник. Последний часовой.

ЭПИЛОГ

***

Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним проносится чёрная конница – чёртовы дети ада! Он падает замертво, успев понять, что позади пустота – Фата Моргана – нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле истории.

И поле возделывает простой ополченец, вернувшись с войны. И восходит солнце, дети собираются в школу, липы благоухают, и мне сдаётся: любовь не сдаётся и не умирает! Ведь так, пацаны?!

Конец

2014-2020

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список докладов Философского монтеневского общества за 2020–2021 гг.

30.01.2020. Кропоткин об этике без права, патриотизме без государственности (А. И. Атоян)

5.02.2020. Зеленский как советский медиапродукт (О. В. Ивашов)

13.02.2020. Презентация сборника материалов ФМО «Донбасс в огне» в Краеведческом музее (Н. С. Ищенко, В. Ю. Даренский)

19.02.2020. Сакральная жертва в практике цветных революций (Н. С. Ищенко)

16.09.2020. Русский мир отвечает на вызов, или В защиту сообразительности на лестнице (А. И. Атоян)

23.09.2020. Мифологема смерти в поэме Елены Заславской «Немо» (Н. С. Ищенко, Е. А. Заславская)

30.09.2020. Духовидение или душеведение: у истоков диалектики. К 250-летию со дня рождения Георга Гегеля (А. И. Атоян)

14.10.2020. Социальная инфантильность как техногенная угроза современного мира (А. С. Кондауров)

11.11.2020. «Монтень в Луганске: фокус осознания, периферическое видение, спектр возможностей. Встреча друзей ФМО к 30-летию Монтеневского круга» (А. И. Атоян, Н. С. Ищенко, Е. А. Заславская)

18.11.2020. Как победить Непобедимое Солнце: критика имманентной философии Пелевина (Н. С. Ищенко)

25.11.2021. Прустовские интонации в романе В. Набокова «Лолита» (А. В. Муцинский)

2.12.2020. Рождение новых культур: обстоятельства времени (А. И. Атоян)

9.12.2020. Михаил Лифшиц и советская интеллигенция (С. Н. Прасолов)

16.12.2020. Ответы на вопросы современности в произведениях культуры прошлого (И. Погорелов)

23.12.2020. Онтогносеология Михаила Лифшица (С. Н. Прасолов)

27.01.2021. «Ленинградский Бубер» Яков Друскин – «загадочный философ» (В. Ю. Даренский)

3.02.2021. Уроки критики, философской и литературной. К выходу в свет «Локусов и фокусов современной литературы» Нины Ищенко (А. И. Атоян, Н. С. Ищенко)

10.02.2021. Антиномия категории красоты как внутреннего и эстетичного как внешнего (А. В. Мушинский)

17.02.2021. Хомо техникус как следующая ступень эволюции человека (А. С. Кондауров)

24.02.2021. Франц Кафка: преодоление лабиринта (В. В. Патерыкина)

11.03.2021. Факт в современной журналистике как философская проблема (С. Н. Прасолов)

17.03.2021. Критика общества потребления в творчестве В. Пелевина и Ф. Бегбедера (А. Я. Кондратьев)

24.03.2021. Классическая философия как предтеча Священного Писания (В. И. Ветев)

31.03.2021. Нео – Христос и Морфеус – Иоанн Креститель: новозаветные прообразы главных героев «Матрицы» (Н. С. Ищенко)

14.04.2021. А. Бадью и Д. Бонхеффер: проповедь постсекуляризма (А. Я. Кондратьев)

21.04.2021. Евразийский путь – не Шелковый. Прологомены ко всякому будущему конфликту на меже Евразии и Европы (А. И. Атоян)

19.05.2021. Поэтика сновидений Владимира Набокова (А. В. Мушинский)

26.05.2021. Полководец захватывает трон: культурные причины отторжения византийской практики в России (Н. С. Ищенко)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анпилогова Татьяна – кандидат исторических наук, доцент. Исполняет обязанности заведующего кафедрой истории Отечества ЛГПУ.

dana-100@yandex.ru

Атоян Арсентий – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, основатель и член совета Философского монтеневского общества с 1990. Докторская диссертация по теме «Универсальный человек в ибероамериканской эстетике».

atoyannn@bk.ru

Бодрухина Ольга – 3Д аниматор, ювелир, выпускница института йоги и философии санкхьи – The Yoga Institute, Santacruz, Mumbai. Четырехкратный чемпион Украины, чемпион Европы, вице-чемпион мира и обладатель Кубка мира по тайскому боксу и фулконтакту, ареалист (акробатика на шелке, в составе цирковых групп). Проживает в Индии. Профессионально выступает с огнем в собственных шоу и в составах огненных театров в странах Азии (Индия, Непал, Шри-Ланка, Турция).

bodrukhina@gmail.com

Ветев Владимир – поэт, прозаик, публицист и религиовед, автор 21 книги поэзии, прозы и публицистики, печатался в периодических изданиях, получил дополнительную профессию социолога, окончил две библейские школы.

Вук Задунайский – юрист, писатель-фантаст, живет в Москве. Работает в жанрах мистический реализм, альтернативная история, хроноопера, криптоистория, сакральная фантастика – на балканском и византийском, а с недавнего времени – и на русском историческом материале. Автор книг «Балканский венец», «Балканский венец-2». Рассказы опубликованы в сборниках: «Наше дело правое» (цикл сборников по итогам одноименного конкурса); «Богатыри не мы», посвященном памяти Михаила Успенского (вышла в 2016 году);

«Паны, холопы и Другие» из цикла «Тайная история Тартарии» (вышел в 2021 году).

razgranichitel@yandex.ru

Грицких Игорь – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета.

i.v.gritskih@mail.ru

Даренский Виталий – доктор философских наук, профессор, автор более четырехсот научных и публицистических работ, двух сборников стихотворений. Член СП ЛНР, СП РФ. Преподает в Луганском государственном педагогическом университете.

darenskiy1972@rambler.ru

Заславская Елена – поэт, писатель, журналист. Автор восьми поэтических сборников: «Эпоха моей любви» (1997), «Мамині сльози» (1997), «Инстинкт свободы» (2005), «Бдыщмен и Ко» (2011), «Год войны» (2015), «Бумажный самолет» (2019), «Донбасский имажинэр» (2020), «Опыты пристального чтения» (2020) и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020), а также книг для детей. Член СП ЛНР, СП РФ. Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского, преподаватель. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик».

zaslavskaja@gmail.com

Ищенко Нина – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книги литературно-критических статей «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой» (2020), «Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс» (2021), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021).

niofterna@gmail.com

Кондауров Андрей – аспирант кафедры теории искусств и эстетики Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Просветитель, организатор студенческих Философских вечеров, ведущий литературного клуба имени Франца Кафки.

moregoods@mail.ru

Кондратьев Александр – выпускник ЛГПУ института Истории международных отношений и соц.-политических наук по специальности история. Интересы: социология, философия истории, постмодернизм, экзистенциализм, анализ литературы и фильмов.

sashulya-kondratiev@mail.ru

Мущинский Александр – преподаватель II категории ГОУ ЛНР «ЛЭПЛИ», аспирант кафедры русской и мировой литературы.

spliffo@mail.ru

Патерьякина Валентина – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории искусств и эстетики Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Член национального Союза журналистов Украины, Действительный член Международной Академии биосферных наук (МАБИН). Докторская диссертация по теме «Проблема сакрального в культуре постмодерна». Автор поэтических сборников.

zelenlist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГАХ ФМО

«На грани мира и войны» (2015)

Сборник докладов философского монтеневского общества за 2014-й год. ФМО существует в Луганске более двадцати лет, но доклады его ранее не публиковались под одной обложкой. Тематика докладов самая разнообразная и будет интересна всем, кто увлекается философией, социологией, политологией, эстетикой и другими гуманитарными науками. Это не сборник научных статей, а попытка общения с читателем вне академического формата. В сборнике помещены доклады военного 2014 года, прочитанные как при Украине, так и в ЛНР. Книга отражает интеллектуальный климат Луганска в переломный год начала войны.

«Четверть века с философией» (2015)

Сборник докладов ФМО, посвященный столько же философии, сколько и Луганску. В сборнике показано Философское монтеневское общество как историко-культурный феномен городской жизни. ФМО – это добровольная неформальная организация философов, которая существует в Луганске с 1990 года. В сборнике приведен полный список всех докладов общества вплоть до 2015 года, а также несколько докладов, отражающих спектр интересов ФМО.

«Донбасс в огне» (2017, второе издание 2019)

Сборник докладов и материалов ФМО, посвященный столетию Революции 1917 года и роли Донбасса в этих судьбоносных для России и для мира событиях. В книге собраны произведения исторического, поэтического, мемуарного характера как материал для философского осмысления истории. Книга состоит из трех разделов. Первый раздел «1917. Ветры буйные бушуют, тучи грозные плывут...» посвящен событиям столетней давности, их предыстории и развитию в ходе Гражданской войны на Донбассе. Второй раздел «2017. Русские с нами и красное знамя...» изображает современную войну, идущую здесь с 2014-го года. Третий раздел «Связь времен» представляет собой попытку обнаружить какие-то общие черты происходящего, понять, что связывает эти две эпохи, разделенные целым веком: случайно ли вновь огонь вспыхнул именно здесь или тому были серьезные причины.

«Колышется русское поле... Внемли, Русский мир!» (2019)

Четвертый сборник докладов ФМО Луганска, объединяющий доклады, прочитанные в течение пятого года войны с Украиной. В завершение приводится поэтический комментарий военной и культурной ситуации в Донбассе – стихи Елены Заславской, луганского поэта, постоянной участницы ФМО. Основная тема книги – осмысление русской идентичности на границе Русского мира, размышления луганских философов о сути русской культуры, за которую борется Донбасс.

«Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видение» (2020)

Пятый сборник докладов Философского монтеневского общества посвящен тридцатилетию ФМО. В книге «Монтень в Луганске» рассказывается об идеях, концепциях, философских системах, поэтических образах, дискуссиях и даже сетевых спорах, которые отражают интеллектуальную жизнь Луганска, города на передовой, в нескольких километрах от линии фронта, на шестой год войны Украины с Донбассом.

**Читайте сборник ФМО на сайте www.oduvan.org
и в сетевых библиотеках.**

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ФРОНТИРА: ЛУТАНСКИЙ ВАРИАНТ 3

РАЗДЕЛ 1. ДОНБАСС КАК КУЛЬТУРНАЯ ГРАНИЦА

Виталий Даренский

«НОВОРОССИЙСКАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ

НАРОДА ДОНБАССА 5

Нина Ищенко, Елена Заславская

ОБРАЗ ДРУГОГО КАК СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

КУЛЬТУРНОЙ ГРАНИЦЫ НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ И

ДОНБАССА... 16

РАЗДЕЛ 2. ФМО – ЛОКУС ОСОЗНАНИЯ

Игорь Грицких

ПОЛИТИКА КАК ОБЛАСТЬ КОНСЕНСУСНОГО

СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО.....39

Виталий Даренский

НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА:

ГОСТИ ИЗ БУДУЩЕГО? 51

Владимир Ветев

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

КАК ПРЕДТЕЧА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ 61

Андрей Кондауров

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФАНТИЛЬНОСТЬ КАК ТЕХНОГЕННАЯ

УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ МИРУ 74

РАЗДЕЛ 3. СПЕКТР НАШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Арсентий Атоян

УРОКИ КРИТИКИ, ФИЛОСОФСКОЙ И

ЛИТЕРАТУРНОЙ 81

Ольга Бодрухина

НОВОРОССИЯ ГРОЗ: ФЭНТЕЗИЙНО-ПАРТИЗАНСКОЕ

МНОГОБОЖИЕ У ПОДНОЖИЯ ПРАВОСЛАВНОГО

ХРАМА.....95

<i>Валентина Патерыкина</i> ДВОЕМИРИЕ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»	100
<i>Александр Мушчинский</i> ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ КРИТИКА ТЕКСТОВ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА: ОТ «МАШЕНЬКИ» ДО «ЛОЛИТЫ»	111

РАЗДЕЛ 4. ОБЪЕМНОЕ ВИДЕНИЕ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, ИНТЕРВЬЮ

<i>Арсентий Атоян</i> ПРИБОЩАЙТЕСЬ К МОНТЕНЕВСКОМУ КРУГУ!	119
<i>Татьяна Анпилогова</i> ДОНБАСС В ОГНЕ: ОЩУЩЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ В МНОГОГОЛОСИИ ТЕКСТОВ	124
<i>Виталий Даренский</i> МОНТЕНЬ В ЛУГАНСКЕ: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ РАБОТЫ	126
<i>Александр Кондратьев</i> ИСТОРИЯ В ЭПОХУ РАЗРУШЕНИЯ	133
<i>Андрей Кондауров</i> СТОЯНИЕ В БЫТИИ	134
<i>Игорь Грицких</i> МОНТЕНЬ В ЛУГАНСКЕ, 2014–2020	135
<i>Вук Задунайский</i> ВОЙНА, РОЗЫ И МОНТЕНЬ	146

РАЗДЕЛ 5. ПОЭТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

<i>Елена Заславская</i> НОВОРОССИЯ ГРОЗ. НОВОРОССИЯ ГРЁЗ.....	152
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ДОКЛАДОВ ЗА 2020–2021 гг.	187
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....	189
ИНФОРМАЦИЯ О КНИГАХ ФМО.....	192

Донбасс: философия фронта

Сборник материалов
Философского монтеневского общества

Редакторы-составители – Ищенко Н. С., Заславская Е. А.

Компьютерная верстка – Котова Е. В.
Фото и дизайн обложки – Кондауров А. С.

Подписано в печать 10.09.2021.
Формат 60x84/16.
Типограф. гарнитура Georgia.
Печать. RISO. Усл.-печ. л. 9,5
Тираж 100 экз.